Историческая и социально-образовательная мысль

Historical and Social-Educational Idea

ТОМ 9 № 4 Часть 2 2017

Электронная версия: **http://www.hist-edu.ru**

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ № 26/15 от 17 июня 2011 г. журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» включен в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

В 2015 году журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» стал членом международной ассоциации PILA (Publishers International Linking Association). Статьям журнала «Историческая и социально-образовательная мысль», начиная с № 6 2014 г., присваиваются уникальные буквенно-цифровые идентификаторы DOI (Digital Object Identifier).

Редакция журнала является членом АССОЦИАЦИИ НАУЧНЫХ РЕДАКТОРОВ И ИЗДАТЕЛЕЙ (АНРИ)
Редакция журнала является членом Международного Комитета по публикационной этике COPE (Committee on Publication Ethics) с 2017 года.

Свидетельство о регистрации:
ПИ № ФС77-37035
от 04.08.2009

ISSN 2075-9908 (Print)
ISSN 2219-6048 (Online)

Главный редактор
д. и. н., профессор
В.А. Штурба

Научный редактор
к. п. н. Т.А. Халилов

Заведующий редакцией
Н.В. Вавилкина

Редактор электронной версии
А.М. Литвинов

Редактор англоязычных текстов
Т.А. Халилов

Корректор
А.Ф. Мишина

Журнал размещается в национальной информационно-аналитической системе **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования) Российской научной электронной библиотеки
http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001

Выходит 6 раз в год

Все права защищены. Ни одна часть этого издания не может быть занесена в память компьютера либо воспроизведена любым способом без предварительного письменного разрешения издателя.

Рукописи рецензируются. Учредитель и издатель предупреждают авторов о юридической ответственности за несанкционированное использование чужих авторских прав.

АДРЕС РЕДАКЦИИ

350080, Россия, г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, д. 32, к. 301
Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»
Тел/факс: 8 (861) 237-62-19
E-mail: **akademus07@rambler.ru**

УЧРЕДИТЕЛИ

Кубанская многопрофильная Академия подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов;
Северо-Кубанский гуманитарно-технологический институт.

Historical and Social-Educational Idea

VOLUME 9 # 4 Part 2 2017

Web Version address**: http://www.hist-edu.ru**

The Academic Journal «*Historical and Social-Educational Idea*» has entered into the list of academic periodicals under review (those intended to publish the summaries on the study' outcomes, upon the theses nominated for Doctoral Degrees or the Candidate' standing), with the Resolution No 26/15 by the Supreme Attesting Commission Panel under the Russian Ministry of Education and Science, issued on June 17th, 2011.

The journal «*Historical and Social-Educational Idea*» is member of the International Association PILA (Publishers International Linking Association). Unique alphabetic-digital identifiers DOI are assigned to the articles of the journal «*Historical and Social-Educational Idea*», starting from its issue N 6, 2014.

Editorial Board is a member of the Association of Science Editors and Publishers (ASEP)

The editorial board is a member of the COPE (Committee on Publication Ethics) since 2017.

Certificate of Incorporation:
PI No. FS77 - 37035
of August 4th, 2009

ISSN 2075-9908 (Print Copies)
ISSN 2219-6048 (Web Online Version)

Editor-in-Chief:
V.A. Shturba,
Doctor of Historical Sciences,
Professor

Research Supervisor:
T.A. Khalilov,
Candidate of Political Sciences

Head of Editorial Board:
N.V. Vavilkina

Web Layout Designer:
A.M. Litvinov

Editor for the English Wording:
T.A. Khalilov

Proofreader:
A.F. Mishina

The Journal is located at the nationwide data analysis framework of the Russian Academic Citation Index operated by the E-Library.
http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001

The Journal is issued 6 times a year

All rights reserved. No part to this publication may be stored at the outsider computer memory nor reproduced by any means, without the prior written permission by the publisher.

The author's copies shall be subject to review. Both the Promoters and the Publisher notify the authors about legal liability for unauthorized use of another author's rights.

OFFICE ADDRESS

32 Zavodskaya Str., Apt. 301, Pashkovsky micro-distr., Krasnodar city, 350080 RUSSIA
Editorial Office
Journal «Historical and Social educational idea»
Phone/fax: 8 (861) 237-62-19
E-mail: **akademus07@rambler.ru**

INCORPORATORS

Kuban Region Multi-Sector Academy of Vocational Training and Upgrading and Advanced Training of Specialists;
Northern Kuban Region Institute for the Humanities and Technologies.

Редакционный Совет

Председатель Редакционного Совета

Волков Юрий Григорьевич, заслуженный деятель науки РФ, действительный член академии социальных наук России, доктор философских наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет
Ростов на Дону. Россия

Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН, действительный государственный советник Российской Федерации III класса
Москва. Россия

Бунимович-Мендражицкая Светлана Юрьевна, доктор философии, доктор математики, доктор биологии, профессор, кафедра компьютерных наук и математики, Ариэльский университет
Тель-Авив. Израиль

Гребенникова Вероника Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии, декан, факультет педагогики, психологии и коммуникативистики, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Гомулка Кристина, доктор политических наук (история), профессор, Гданьский политехнический университет
Гданьск. Польша

Грушевский Сергей Павлович, доктор педагогических наук, профессор, декан, факультет математики и компьютерных наук, заведующий кафедрой информационных образовательных технологий, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Догнал Йосеф, доктор философии, доцент, кафедра русистики, философский факультет, Университет им. св. Кирилла и Мефодия (г. Трнава Словацкая Республика), Институт славистики, философский факультет, Университет им. Масарика (г. Брно Чешская Республика)
Брно. Чешская Республика

Икэда Ёсиро, доктор философии (история), доцент, кафедра истории стран Запада, Высшая школа гуманитарных наук и социологии, Токийский университет
Токио. Япония

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Кислицын Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Ростов-на-Дону. Россия

Editorial Council

Editorial Board Chairman

Yuriy G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member of Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University
Rostov-on-Don. Russia

Nikolay F. Bugay, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Full State Counselor of the Russian Federation - Class III
Moscow. Russia

Svetlana Yu. Bunimovich-Mendrazitskaya, Doctor of Philosophy, Doctor of Mathematics, Doctor of Biology, Professor, Department of Computer Sciences and Mathematics, Ariel University
Tel-Aviv. Israel

Veronika M. Grebennikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pedagogy and Psychology, Dean, Faculty of Pedagogy, Psychology and Communication Studies, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Krystyna Gomolka, Doctor of Political Sciences (History), Professor, Gdansk Polytechnic University
Gdansk. Poland

Sergey P. Grushevsky, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Dean, Faculty of Mathematical and Computer Sciences, Head of Department of Information Technology in Education Sphere, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Josef Dohnal, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Russian Studies, Faculty of Philosophy, St. Cyril and Methodius University (Trnava, Slovak Republic), Institute of Slavic Studies, Faculty of Philosophy, Masaryk University (Brno, Czech Republic)
Brno. Czech Republic

Yoshiro Ikeda, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Occidental History, Graduate School of Humanities and Sociology, University of Tokyo,
Tokyo. Japan

Valeriy V. Kasyanov, Doctor of Sociological Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of Russian History, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Sergey A. Kislitsin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of Department of Political Science and Ethnic Policy, South-Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Rostov-on-Don. Russia

Спалбер Диана, доктор философии (методология исследований в психологии и педагогике), научный советник, кафедра ЮНЕСКО, университет Генуи, преподаватель, Link Campus University в Риме
Генуя. Италия

Токтосунова Адаш Искандеровна, доктор политических наук, профессор, Восточный университет им. Махмуда Кашгари, консультант-эксперт, Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ от Кыргызской Республики
Бишкек. Кыргызстан

Цыганков Андрей Павлович, доктор философских наук, профессор международных отношений и политических наук. Университет Сан-Франциско
Сан-Франциско. США

Шанин Теодор, доктор философии, профессор социологии, Манчестерский университет (г. Манчестер, Великобритания), президент, Московская высшая школа социальных и экономических наук (г. Москва, Россия), почётный член Российской академии сельскохозяйственных наук
Манчестер, Великобритания

Чепель Татьяна Леонидовна, действительный член Академии прогнозирования, российское отделение Международной академии исследования будущего, кандидат психологических наук, профессор, кафедра психологии и педагогики, Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск. Россия

Штурба Евгений Викторович, доктор исторических наук, профессор, кафедра педагогики и психологии, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Шхагапсоев Заурби Лелович, почетный работник высшего профессионального образования РФ, доктор юридических наук, профессор, начальник Северо-Кавказского института повышения квалификации сотрудников МВД России (филиал) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции
Нальчик. Россия

Diana Spulber, Doctor of Philosophy (Methodology of Research in Psychology and Pedagogy), Scientific Advisor, Unesco Department, University of Genoa, Lecturer, Link Campus University Rome
Genoa. Italy

Adash I. Toktosunova, Doctor of Political Sciences, Professor, Mahmud Kashgari Eastern University, Expert-Consultant, Interstate Fund for Humanitarian Cooperation of CIS Member States from the Kyrgyz Republic
Bishkek. Kyrgyzstan

Andrei P. Tsygankov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of International Relations and Political Science, San Francisco State University
San Francisco. USA

Teodor Shanin, Doctor of Philosophy, Professor of Sociology, University of Manchester (Manchester, UK), President, Moscow School of Social and Economic Sciences (Moscow, Russia), Honorary Member of Russian Academy of Agricultural Sciences
Manchester, UK

Tatyana L. Chepel, Member of Academy of Forecasting, Russian Branch of International Academy of Researches of Future, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk. Russia

Evgeny V. Sturba, Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Zaurbi L. Shkhagapsoev, Honored Specialist of the Russian Higher Professional Education, Doctor of Law, Professor, Head of North-Caucasian Institute for Advanced Training of Employees of the Russian Ministry of Internal Affairs (Branch) of Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs, Police Colonel
Nalchik. Russia

Редакционная коллегия

Главный редактор

Штурба Виктор Александрович, член-корреспондент Российской академии естественных наук, член Ассоциации научных редакторов и издателей, Отличник Народного Просвещения РСФСР, Отличник Образования Высшей Школы, доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Халилов Тимур Александрович, научный редактор журнала "Историческая и социально-образовательная мысль", кандидат политических наук
Краснодар. Россия

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии, факультет социологии, Ереванский государственный университет
Ереван. Армения

Быкасова Лариса Владимировна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры общей педагогики, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал)
Таганрог. Россия

Ващук Ангелина Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом социально-политических исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук
Владивосток. Россия

Верещагина Анна Владимировна, доктор социологических наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону. Россия

Козодой Виктор Иванович, доктор исторических наук, профессор, президент и учредитель, Сибирская академия управления и массовых коммуникаций
Новосибирск. Россия

Нефедов Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии, Уральское отделение Российской академии наук
Екатеринбург, Россия

Патюкова Регина Валерьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью КубГУ, член-корреспондент Академии педагогических и социальных наук
Краснодар. Россия

Песцов Сергей Константинович, доктор политических наук, доцент, заведующий отделом международных отношений и региональной безопасности, Центр азиатско-тихоокеанских исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук, ORCID iD: 0000-0001-7441-989 X,
г. Владивосток. Россия

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, кафедра философии и социологии, Краснодарский университет МВД России
Краснодар. Россия

Факторович Александр Львович, доктор филологических наук, профессор, кафедра истории и правового регулирования массовых коммуникаций, Кубанский государственный университет
Краснодар. Росси

Editorial board

Editor-in-Chief

Viktor A. Sturba, Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences, Member of Association of Science Editors and Publishers, Excellent Specialist of Public Education of RSFSR, Excellent Specialist of Graduate School Education, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Timur A. Khalilov, Scientific Editor of the Academic Journal "Historical and Social-Educational Idea", Candidate of Political Sciences
Krasnodar, Russia

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Applied Sociology Department, Faculty of Sociology, Yerevan State University
Yerevan. Armenia

Larisa Bykasova, Doctor of Pedagogical Sciences Associate Professor, Professor of General pedagogic Department Rostov State Economic University (RINH).
Taganrog. Russia

Angelina S. Vashchuk , Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Social and Political Studies Department, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences
Vladivostok. Russia

Anna V. Vereshchagina , Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University
Rostov-on-Don. Russia

Viktor I. Kozodoi, Doctor of Historical Sciences, Professor, President and Founder, Siberian Academy of Management and Mass Communications
Novosibirsk. Russia

Sergei A. Nefedov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russia

Regina V. Patyukova, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University, Corresponding Member of Academy of Pedagogical and Social Sciences
Krasnodar. Russia

Sergey K. Pestsov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of International Relations and Regional Security Department, Center for Asian and Pacific Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, ORCID iD: 0000-0001-7441-989 X,
Vladivostok. Russia

Mikhail Yu. Popov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Philosophy and Sociology, Krasnodar University of Russian Ministry of Internal Affairs
Krasnodar. Russia

Alexander L. Faktorovich, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of History and Legal Regulation of Mass Communications, Kuban State University
Krasnodar. Russia

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

Исторические науки и археология		*Historical Sciences*
АРУТЮНОВ Э. К., УЛИТИН И. Н. г. Краснодар, Россия МИРОУСТРОЙСТВО БУДУЩЕГО: МИРОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ИЛИ КОАЛИЦИЯ СУВЕРЕННЫХ НАРОДОВ	13	E.K. ARUTYUNOV, I. N. ULITIN Krasnodar, Russia FUTURE WORLD ORDER: THE WORLD GOVERNMENT OR THE COALITION OF SOVEREIGN PEOPLE
ГРИГОРЬЕВ О. В. г. Новосибирск, Россия НА ОПАСНЫХ ПЕРЕГОНАХ: ВОЕННОЕ ПРАВОСУДИЕ НА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГАХ (1918-1921 гг.)	18	O.V. GRIGORYEV Novosibirsk, Russia ON DANGEROUS SPAN: MILITARY JUSTICE ON RAILWAYS (1918-1921)
КАРПУХИН Н. Н. г. Краснодар, Россия УЧАСТИЕ КАБАРДИНЦЕВ В ДВИЖЕНИИ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ ШЕЙХА МАНСУРА	24	N.N. KARPUCHIN Krasnodar, Russia KABARDIANS' PARTICIPATION IN SHEIKH MANSUR'S MOVEMENT
КАСЬЯНОВ В.В., ПЕТРОВ В.И. г. Краснодар, Россия ПРАВОСЛАВНОЕ И ИСЛАМСКОЕ ДУХОВЕНСТВО ЮЖНОГО УРАЛА И СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	31	V.V. KASYANOV, V.I. PETROV Krasnodar, Russia ORTHODOX AND ISLAMIC CLERGY OF THE SOUTHERN URAL AND MIDDLE VOLGA IN THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY
ЛАПТЕВА Е.В. г. Москва, Россия АМЕРИКАНСКОЕ РОССИЕВЕДЕНИЕ: ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНЫХ СТЕРЕОТИПОВ	40	E.V. LAPTEVA Moscow, Russia AMERICAN RUSSIAN STUDIES: FORMATION OF SCIENTIFIC STEREOTYPES
ЛАСТОВСКИЙ Г.А. г. Смоленск, Россия ГНЕЗДОВО И СМОЛЕНСК В КОНЦЕ IX-X вв.: НА ПУТИ К СМОЛЕНСКОМУ КНЯЖЕСТВУ	48	G.A. LASTOVSKIY Smolensk, Russia GNEZDOVO AND SMOLENSK AT THE END OF 9-10 CENTURIES: ON THE WAY TO THE SMOLENSKY PRINCIPLE
НЕВОСТРУЕВ Н.А. г. Пермь, Россия РОССИЙСКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В 1917 ГОДУ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ)	57	N.A. NEVOSTRUEV Perm, Russia RUSSIAN CIVIL SOCIETY IN 1917 (ON THE EXAMPLE OF PERM PROVINCE)
ПАНТЮХИНА Г.А. г. Екатеринбург, Россия НАРКОМАНИЯ В РОССИИ В КОНЦЕ XX - НАЧАЛЕ XXI в.: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ	66	G.A. PANTYUKHINA Yekaterinburg, Russia DRUG ADDICTION IN RUSSIA IN THE LATE XX - EARLY XXI CENTURIES: CAUSES OF EMERGENCE AND SPREAD
РАТУШНЯК В.Н. г. Краснодар, Россия КУБАНСКАЯ АДВОКАТУРА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	75	V.N. RATUSHNYAK Krasnodar, Russia KUBAN ADVOCACY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
САРОГЛИДИ А.В. г. Ростов-на-Дону, Россия ПРОПАГАНДА В ФОЛЬКЛОРЕ ДОНА В 1920-1930-е годы	82	A.V. SAROGLIDI Rostov-on-Don, Russia PROPAGANDA IN THE DON FOLKLORE IN 1920-1930s
ТИТОРЕНКО М. Ф. г. Краснодар, Россия ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА У КУБАНСКИХ КАЗАКОВ (XIX - НАЧАЛО XX в.)	89	M. F. TITORENKO Krasnodar, Russia FROM THE HISTORY OF FORMING THE IMAGE OF THE FATHERLAND DEFENDER AT THE KUBAN COSSACKS (XIX - BEGINNING OF XX CENTURIES)
УРАЗАЕВА Ф.П. г. Бишкек, Киргизия ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ И МЕСТО ТУРКМЕНИИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЯПОНИИ	96	F.P. URAZAEVA Bishkek, Kyrgyzstan HISTORICAL ROLE AND PLACE OF TURKMENISTAN IN THE JAPAN FOREIGN POLICY

Социологические и гуманитарные науки		***Sociological and Humanities Sciences***
БАРАНОВ А.В. г. Краснодар, Россия МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ	105	A.V. BARANOV Krasnodar, Russia INTERETHNIC AND INTERCONFESSIONAL RELATIONS IN KRASNODAR REGION: INTERACTION OF PUBLIC ASSOCIATIONS
ВЕЛИКИЙ П. П., ЗАИКИН А.В. г. Саратов, Россия РОССИЙСКИЕ ПЧЕЛОВОДЫ: КОНТУР СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА	120	P.P. VELIKIY, A.V. ZAIKIN Saratov, Russia RUSSIAN BEEKEEPERS: A CONTOUR OF SOCIOLOGICAL PORTRAIT
ВЕРЕЩАГИНА А. В., КОВАЛЕВ В.В., САМЫГИН С. И. г. Ростов-на-Дону, Россия РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ТРАНСФОРМАЦИИ НЕПОЛНОЙ СЕМЬИ (НА ПРИМЕРЕ СЕМЕЙ ОДИНОКИХ МАТЕРЕЙ)	133	A. V. VERESHCHAGINA, V. V. KOVALEV, S.I. SAMYGIN Rostov-on-Don, Russia THE ROLE OF THE ECONOMIC FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF SINGLE-PARENT FAMILIES (ON EXAMPLE OF FAMILIES WITH SINGLE MOTHERS)
ГАЗИЗОВ Р.Р. г. Уфа, Россия ИНФОРМАЦИЯ КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ	141	R.R. GAZIZOV Ufa, Russia INFORMATION AS A STRUCTURAL ELEMENT OF LEGAL REALITY
СОЛОВЕЙ Л.В., КОВАЛЕВА М.И. г. Новосибирск, Россия СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УСТРОЙСТВА ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА	147	L. V. SOLOVEY, M.I. KOVALEVA Novosibirsk, Russia SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL PROBLEMS OF URBAN SPACE
Образование и педагогические науки		***Education and Pedagogical Sciences***
ГЕТМАНСКАЯ Е. В. г. Москва, Россия КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КАК КАТЕГОРИИ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	155	E. V. GETMANSKAYA Moscow, Russia COMPARATIVE ANALYSIS OF CROSS-CULTURAL COMPETENCE AS A CATEGORY OF MULTICULTURAL EDUCATION
КРУПЕНИНА М. И. г. Москва, Россия МАГИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ В РОМАНЕ Ш. БРОНТЕ «ВИЛЛЕТ»: ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ	163	M.I. KRUPENINA Moscow, Russia MAGICAL PERCEPTION IN THE SH. BRÖNTE'S NOVEL «VILLETTE»: THE TRANSFORMATION OF REALITY
НИКИФОРОВА Е.П., БОРИСОВА Л. П. г. Якутск, Россия ЭВЕРСТОВА А.И. с. Урицкое, Россия (Якутия) ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЯКУТСКОЙ ШКОЛЕ	169	E.P. NIKIFOROVA, Lena P. BORISOVA Yakutsk, Russia A.I. EVERSTOVA Uritskoye Village, Russia (Yakutia) THE USE OF CRITICAL THINKING TECHNOLOGY AT THE LESSONS OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE YAKUT SCHOOL
Редакционное сообщение -Отзыв публикаций	177	***Editorial message –Retraction of publication***
Информация	179	***Information***

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» приглашает всех желающих опубликовать свои научные статьи в специальном разделе «1917 год: трагедия или триумф? Взгляд через столетие».

Набор статей осуществляется в течение 2017 года.

По всем вопросам можно обращаться по электронному адресу: akademus07@rambler.ru.

Приглашаются аспиранты, соискатели, преподаватели вузов, научная общественность. Редакция обязуется безвозмездно публиковать материалы специального раздела на страницах журнала. Редакция будет благодарен Вам за распространение данной информации среди заинтересованных персон.

С уважением,
главный редактор журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»,
доктор исторических наук,
профессор В.А. Штурба

DEAR COLLEAGUES!

The editorial board of Academic Journal "Historical and Social-Educational Idea" invites everyone to participate in the special section "1917: Tragedy or Triumph? Looking Through the Century".

A set of articles is carried out during 2017.

All questions possible to address to: akademus07@rambler.ru.

Postgraduate students, candidates of sciences, university professors, representatives of scientific community are invited. The editorial board is committed to free publish materials in the pages of its science journal. The editorial board will be grateful if you would circulate this information among the scientific community.

Sincerely,
Chief Editor of the Academic Journal
"Historical and Social-Educational Idea",
Doctor of Historical Sciences,
Professor V.A. Shturba

Исторические науки и археология

Historical Sciences and Archaeology

УДК 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-13-17

АРУТЮНОВ Эрик Каренович
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
aek2007@yandex.ru

УЛИТИН Илья Николаевич
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
iliaylitin1994@gmail.com

Erik K. ARUTYUNOV
Kuban State University
Krasnodar, Russia
aek2007@yandex.ru

Ilya N. ULITIN
Kuban State University
Krasnodar, Russia
Iliaylitin1994@gmail.com

МИРОУСТРОЙСТВО БУДУЩЕГО: МИРОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ИЛИ КОАЛИЦИЯ СУВЕРЕННЫХ НАРОДОВ

Человечество прошло длительный путь развития, в котором в свое время чередовались различные социальные институты, организации и структуры. Мир быстро развивается, государственные системы постоянно меняются. Возможно ли создать мир в единой государственной системе? Если да, то какая модель мирового порядка способствовала бы этому? Этим вопросам уделялось большое внимание в науке. Взгляды некоторых ученых легли в основу современных систем государственных устройств. Перед современными мыслителями и исследователями возникает новая задача - объединить людей земного шара в единое целое. В течение всего времени существования людей было много войн, борьба за территорию. В современном мире появились новые угрозы человечеству, такие как терроризм, экстремизм, коррупция и др. Центральным звеном для подавления глобальных проблем человечества, а также счастливого будущего может быть объединение народов земного шара в одном функциональном механизме. Исследователи теории государства предлагали разные точки зрения на создание макроинститутов (государств), их развитие, а также будущее. Авторы данной научной статьи хотели бы предложить две концепции будущего мира, которые могли бы помочь решить самые важные проблемы всего человечества. В статье анализируются две модели мирового порядка будущего, такие как мировое правительство и коалиция суверенных народов. Авторы анализируют, какая из вышеупомянутых моделей мирового порядка будущего более реальна для современного общества. В работе раскрыты положительные и отрицательные аспекты названных моделей будущего мира. Аргументы позиций основаны на событиях, теориях и взглядах выдающихся ученых. Авторы работы приходят к выводу, что разумнее сконструировать мировой порядок будущего на основе концепции коалиции суверенных народов. Помимо этого, делается вывод о том, что мировой порядок будущего является своего рода утопической идеей, поскольку существует большое количество людей, которые хотят сохранить власть в своих руках, чтобы реализовать собственные интересы.

Ключевые слова: мироустройство будущего, мировое правительство, коалиция суверенных народов, содружество, утопия будущего, теория большого заговора, глобальное управление

FUTURE WORLD ORDER: THE WORLD GOVERNMENT OR THE COALITION OF SOVEREIGN PEOPLE

Mankind has passed a long path of development, in which various social institutions, organizations, and structures are alternated in their time. The world is developing rapidly. Is it possible to create peace in a single state system? If so, which model of the world order is this method? These issues have received much attention in science. Views of some scientists are based on modern systems of state devices. Before a new philosophy and scientists there is a new task - to unite people of the globe into a single whole. During all the time people existed, there were many wars, struggle for territories. In the modern world, new threats to humanity have appeared, such as terrorism, extremism, corruption, etc. The central link for suppressing the global problems of mankind, as well as a happy future, can be the unification of the peoples of the globe in one mechanism. The scientific theories of states are offered different points of view on the creation of states, their development, and also the future. The authors of the paper would like to be able to solve the most important problems of all mankind. The scientific article analyzes two models of the world order of the future, such as the world government and the coalition of sovereign people. The authors analyze which of the above-mentioned models of the world. The papaer reveals the positive and negative aspects of these models of the future world. Arguments of positions are based on events, theories and views of outstanding scientists. The authors of the article come to the conclusion that it is a wiser to create a world order for the future on the basis of the concept of a coalition of sovereign people. However, as well as the conclusion that the world's order is the utopian idea, because there are a lot of people who wants to retain their power.

Keywords: world order of future, world government, coalition of sovereign people, commonwealth, utopia of future, theory of great conspiracy, global management

Проблема мироустройства будущего является весьма спорной для политологов и теоретиков-юристов, изучающих теорию государства и права и международное право, а также и других специалистов, занимающихся анализом развития мирового устройства.

Независимость и самостоятельность государств сейчас не настолько безусловна, как это было еще в недавнем прошлом. Учитывая большую сложность международных соглашений и договоренностей, а также взаимное влияние государств друг на друга, реальная власть некоторых из них стала намного меньше, чем была до Второй мировой войны и других значимых мировых событий. Тем самым хотелось бы отметить, что в будущем преобразование мироустройства является вполне реальным.

Поиск свободного, мирного и справедливого мира, в котором все люди могли бы в максимальной степени развить свои способности и наслаждаться благами развивающейся планетарной цивилизации, является целью построения правильного будущего с налаженной системой глобального управления. Для развития мироустройства будущего можно выбрать две модели, такие как мировое правительство или коалиция суверенных народов (коалиция суверенных государств). Для начала необходимо раскрыть, что понимается под вышеуказанными моделями мироустройства будущего.

На наш взгляд, под мировым правительством понимается высший исполнительный орган власти над всем человечеством земного шара по управлению людьми. Коалиция суверенных народов - это совокупность объединенных народов, где имеются самостоятельные органы управления, правовая семья, свой язык и другие атрибуты для индивидуализации этой совокупности, однако вся совокупность объединенных народов дружелюбна и взаимодействует друг с другом.

Считается, что выбор мироустройства будущего как «мирового правительства» представляется утопической идеей. Затрагивая вопрос о мировом правительстве, следует отметить, что данное явление относится к концепции единой политической власти над всем человечеством. Авторы теории заговора наделяют функцией мирового правительства такие международные организации, как ООН, «Большая восьмерка» (G8) и другие влиятельные организации [9]. Однако хотелось бы обратить внимание общественности на мнения теоретиков теории государства и права В.С. Нерсесянца [10], Н.И. Мутузова и А.В. Малько [8], утверждавших, что структура правительства включает в себя контроль за исполнительно-распорядительной деятельностью страны, вооруженные и правоохранительные силы и государственный бюджет.

Ввиду вышесказанного, точка зрения авторов теории большого заговора является весьма спорной, так как мировые организации не наделены институтом вооруженной силы, а также в обязанности и полномочия мировых организаций не входит принятие юридическо-обязательных решений для всех граждан мира. Преимущества «мирового правительства» заключаются в единой системе законодательства, исполнительной, судебной власти, в единой системе вооруженных сил, а также в единой системе налогообложения. Однако в то же время единство вышеуказанных институтов может привести к неблагоприятным последствиям, так как правовые системы стран мира формировались долгими столетиями, их изменения могут привести к искаженному понимаю со стороны граждан, а также к негативным результатам вплоть до преступлений. Также, по мнению Канта, теория мирового правительства является ошибочной, потому как мировое правительство после становления будет действовать в интересах тех политических и корпоративных групп, которые могут оказать определенное влияние, тем самым обязательные правила для людей будут трактоваться в интересах элиты [2, с. 21]. Еще одним недостатком мирового правительства является то, что реализация своих полномочий по всему земному шару будет весьма сложна и проблематична из-за обширности территории. Однако, по мнению французского экономиста и писателя Жака Аттали, мировое правительство будет правильно способствовать развитию технологий будущего, адекватно использовать блага рыночного воображения, сохранять свободу самовыражения граждан; оставлять будущему поколению защищенную окружающую среду; благодаря всему благоразумию мира заставить появиться на свет новые способы совместной жизни и творчества всех людей [1].

Российский экономист В.Ю. Катасонов в своей работе критикует аргументы Жака Аттали, так как автор в своих трудах нигде не указывает на конкретную модель будущего мирового общества, а ограничивается такими терминами, как «всемирная демократия», «глобальный суверенитет», «всеобщий порядок» и т.п. [6, с. 65]. В связи с этим, по мнению В.Ю. Катасонова, создается иллюзия того, что читателю обещают что-то наподобие «развитого коммунизма» в мировом масштабе. Вот одно из ключевых мест работы: «Чтобы обеспечить равновесие рынка и демократии, необходимо создать инструменты для реализации принципов глобального суверенитета: парламент, правительство, приложения к Всемирной декларации прав человека, воплощение в жизнь решений Международной организации труда в области трудового права, центральный банк, общую валюту; планетарные системы налогообложения, полицию и юстицию; общеевропейский минимальный доход и рейтинговые агентства, всеобъемлющий контроль за финансовыми рынками» [6, с. 66].

В связи с этим остается открытыми большое количество вопросов: является ли мировое сообщество или общество необходимой предпосылкой эффективной работы мирового правительства; является ли создание мировой конституции необходимым и желательным шагом в построении мирового правительства; может ли мировое правительство быть построено по волевому решению или оно есть невольный продукт роста и непреднамеренной деятельности; необходимо ли мировое правительство для достижения свободного, мирного, справедливого и процветающего человечества? Однако, несмотря на утопичность концепции мирового правительства, хотелось бы верить, что правительства стран мира в будущем объединятся и будут работать слаженно, как единый механизм.

Перейдем к рассмотрению второй модели «коалиции суверенных народов». Что же представляет собой термин «суверенный народ»? Автором термина «суверенитет» является Жан Боден [3]. Под суверенитетом понимается независимость государства во внешней политике и верховенство государственной власти во внутренних делах, то есть верховенство власти. Получается, что коалиция суверенных народов - это независимое объединение народов во внешних и внутренних делах государства.

Доктрина народного суверенитета была разработана еще в XVIII в. французским мыслителем и философом Жан-Жаком Руссо, называвшим суверена не чем иным, как коллективным существом и организмом, образуемым из граждан, в совокупности получивших имя народа [5]. Суть народного суверенитета заключается в верховенстве народа в государстве и ее политике. При этом народ рассматривается как единственный законный и правомерный носитель верховной власти, то есть выступает источником государственной власти в целом.

В настоящее время доктрина народного суверенитета признана большим количеством правоведов. Данный феномен уже нашел свое отражение в ст. 21 Всеобщей декларации прав человека, согласно которой «воля народа должна быть основой власти правительства и находить свое выражение в периодических и нефальсифицированных выборах при всеобщем и равном избирательном праве и свободном голосовании» [4]. При этом она признала закон выражением общей воли народа, а за всеми гражданами - право лично или через представителей участвовать в его образовании. Также доктрина народного суверенитета закреплена в ст. 3 Конституции РФ, где сказано, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» [7].

Реализация принципа народного суверенитета вызывает много вопросов, которые требуют философского, политического, а также юридического анализа. Так, например, современный философ Юрген Хабермас обращает внимание на то, что народ, от которого должна исходить государственно-организованная власть, «не есть субъект, наделенный волей и сознанием. Он выступает только через плюральность действий, а как народ он в принципе не наделен ни способностью принимать решения, ни способностью действовать» [11]. Трудно согласиться с таким высказыванием, так как именно действия народа влияют на выбор руководства страны. Да, возможно, в последующем мнение народа

уменьшается, ввиду этого разжигается недопонимание, которое может привести к смене политических лидеров.

Хотелось бы также сказать, что достоинство коалиции суверенных народов заключаются в том, что люди остаются в той же правовой системе, в которой жили и раньше, но взаимосвязь коалиции народов становится более тесной и дружелюбной, что ведет к плодотворной жизнедеятельности населения. Также положительным аспектом будет служить отсутствие у народов националистических направленностей, тем самым уменьшится количество преступных деяний и правонарушений по поводу расовых и националистических взглядов. Еще одним из преимуществ является полное равноправие всех жителей земного шара.

Рассмотрев две модели мироустройства будущего, можно сделать вывод, что было бы рациональнее конструировать мироустройство будущего на основе концепции коалиции суверенных народов. Если большинство граждан государств по всему миру пожелают перейти к новой форме глобального управления, то именно государства должны будут прийти к общему соглашению и отдать власть в руки народа земного шара. Такая структура более реалистична, чем утопическая модель мирового правительства, так как каждый народ индивидуален и уже выработана система государственного устройства каждой страны. Смена законодательства может послужить значимой причиной неблагоприятного исхода. Если будет существовать устойчивая система коалиции суверенных народов, то это приведет к корректному формированию прав и обязанностей граждан и будет способствовать повышению правосознания.

В заключение хотелось бы отметить, что слаженность коалиции суверенных народов даст начало счастливой жизни людям, так как не будет никаких войн, терроризма, политических противоречий и социального неравенства. В соответствии с вышеизложенным, если большинство граждан и государств по всему миру пожелают перейти к новой форме мироустройства, именно государства должны будут войти в необходимые соглашения и отдать весь объем власти глобальной структуре - коалиции суверенных народов. Вместе с тем государства не исчезнут, они переформируются в институты правления новой генерации. Однако стоит заметить, что построение мирового устройства будущего на базе концепции коалиции суверенных народов является сложным процессом, где существует большое количество противовесов. Для реализации данной модели необходимо проработать полную систему взаимодействий людей, структур, институтов, построение управленческого аппарата, а не предпринимать стихийные действия, которые бы помогли становлению концепции мироустройства будущего - коалиции суверенных народов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Attali J. Unebreve histoire del'avenir. - Paris: Fayard, 2006. - 421 p.
2. Арсений Гулыга «К вечному миру» И. Канта. - М.: Московский рабочий, 1989. - С. 21.
3. Боден Ж. Шесть книг о государстве // Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т.2. - М., 1999. - С. 689-695.
4. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. - № 67, 05.04.1995.
5. Катасонов В.Ю. Капитализм - История и идеология «денежной цивилизации». - М., 2013. - С. 65.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрании законодательства РФ, 04.08.2014. - № 31. - Ст. 4398.
7. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. - М.: Юристъ, 2004. - 512 с.
8. Немировский В.Г. Тайные общества и заговорщики. - СПб.: Питер, 2007. - 240 с.
9. Нерсесянц В.С. История политических и правовых учений. - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма, 2004. - 944 с.

10. Хаютин А.Д. Перевод с франц. по изд.: Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты. - М.: КАНОН-пресс, 1998. - 416 с.
11. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. - М., 1995. - С. 65.

REFERENCES

1. Attali, J. Unbreve history of the future. Paris: Fayard. 2006. 421 p. (in Russian)
2. Arseniy Guliga. «Towards Eternal Peace» by I. Kant. Moscow: The Moscow Worker. 1989. P. 21.
3. Bodin J. Six books about the state. Anthology of world political thought: In 5 vol. M., 1999. Pp. 689-695. (in Russian)
4. Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on 10.12.1948). Rossiyskaya Gazeta, No. 67, 05.04.1995. (in Russian)
5. Katasonov V.Yu. Capitalism - History and ideology of «monetary civilization». M., 2013. P. 65. (in Russian)
6. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation No. 6-FKZ of December 30, 2008, No. 7-FKZ of December 30, 2008, No. 2-FKZ, dated by 05.02.2014, From 11/21/2014 № 11-FKZ). Collection of the legislation of the Russian Federation, August 4, 2014, No. 31, art. 4398. (in Russian)
7. Matuzov N.I., Malko A.V. Theory of Government and Rights. M.: Jurist, 2004. 512 p. (in Russian)
8. Nemirovsky V.G. Secret societies and conspirators. St. Petersburg: Peter, 2007. 240 p. (in Russian)
9. Nersesyants V.S. History of political and legal doctrines. 4th ed., Pererab. And additional. Moscow: Norma, 2004. 944 p. (in Russian)
10. Khayutin A.D. Translation from French. By ed.: Rousseau J.Zh. On the social contract. Treatises. M.: CANON-press, 1998. 416 p. (in Russian)
11. Habermas J. Democracy. Mind. Moral. Moscow lectures and interviews. M., 1995. P. 65. (in Russian)

Информация об авторах:

Арутюнов Эрик Каренович, доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
aek2007@yandex.ru

Улитин Илья Николаевич, магистрант, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
iliaylitin1994@gmail.com

Получена: 23.06.2017

Для цитирования: Арутюнов Э.К., Улитин И.Н. Мироустройство будущего: мировое правительство или коалиция суверенных народов. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 2. с.13-17.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-13-17.

Information about the authors:

Erik K. Arutyunov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
aek2007@yandex.ru

Ilya N. Ulitin, Graduate Student, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
Iliaylitin1994@gmail.com

Received: 23.06.2017

For citation: Arutyunov E.K., Ulitin I.N. Future world order: the world government or the coalition of sovereign people. Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 2. Pp. 13-17.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-13-17. (in Russian)

УДК 94 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-18-23

ГРИГОРЬЕВ Олег Вячеславович
Новосибирский военный институт им. И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
г. Новосибирск, Россия
3411208@mail.ru

Oleg V. GRIGORYEV
I.K. Yakovlev Novosibirsk Military Institute of the Russian National Guard Troops
Novosibirsk, Russia
3411208@mail.ru

НА ОПАСНЫХ ПЕРЕГОНАХ: ВОЕННОЕ ПРАВОСУДИЕ НА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГАХ (1918-1921 гг.)

ON DANGEROUS SPAN: MILITARY JUSTICE ON RAILWAYS (1918-1921)

В статье дана краткая характеристика состояния железнодорожных путей, паровозов и вагонов в начальный период Октябрьской революции 1917 г. Проанализированы условия, которые продиктовали создание чрезвычайных органов революционной защиты - РВЖДТ. Рассмотрено законодательство, регламентирующее деятельность указанных военно-судебных органов. Сделана попытка оценить роль и место военного правосудия в борьбе с правонарушениями, нарушающими порядок движения по железным дорогам, техническое состояние железнодорожных путей и подвижного состава. РВЖДТ имели возможность проверить следствие по делам, находившимся в судебном производстве. Отмечается, что основные следственные действия утверждались председателем РВЖДТ в обязательном порядке. Так, обвиняемому непременно предоставлялась защита - если в судебное заседание допускалось обвинение. Различные ходатайства, заявления, отводы решались на заседании РВЖДТ. Обвиняемый имел право заявлять жалобы и ходатайства знакомиться с материалами дела и проведенных следственных действий, подлежащих рассмотрению судом в судебном заседании. В завершение статьи автор приходит к следующему выводу: деятельность РВЖДТ регулировалась нормативными правовыми актами, которые, даже исходя из современных подходов, были выработаны на высоком уровне юридической техники. РВЖДТ в краткий срок справились с основной задачей, которую ставило перед ними правительство советской республики - вести борьбу с правонарушениями, дезорганизующими порядок движения по железным дорогам, техническое состояние железнодорожных путей и подвижного состава.

The article gives a brief description of the state of railways, locomotives and wagons in the initial period of the October Revolution of 1917. The conditions that dictated the creation of emergency revolutionary defense bodies - RMRT - were analyzed. The legislation regulating the activities of these military-judicial bodies is considered. An attempt was made to assess the role and place of military justice in combating offenses that violate the order of the railways, the technical condition of railways and rolling stock. The RMRT had the opportunity to verify the investigation of cases that were in court proceedings. It is noted that the main investigative actions were approved by the chairman of the RMRT without fail. So, the defendant was certainly given protection - if the prosecution was allowed to charge. Various petitions, applications, challenges were decided at the meeting of the RMRT. The accused had the right to file complaints and petitions to get acquainted with the case materials and the investigative actions carried out, which is subject to review by the court in a court session. At the end of the article, the author comes to the following conclusion: the activity of the RMRT was regulated by normative legal acts, which, even based on modern approaches, were developed at a high level of legal technique. RMRT in a short time coped with the main task that the government of the Soviet Republic set before them - to combat the violations that disorganize the order of movement on the railways, the technical condition of the railways and rolling stock.

Ключевые слова: революционные военные железнодорожные трибуналы, военное правосудие, военное положение, приговор, Октябрьская революция 1917 года

Keywords: revolutionary military railway tribunals, military justice, martial law, verdict, October Revolution of 1917

Особым разделом истории отечественного суда является история развития органов военного правосудия на железнодорожном транспорте в период революционных событий 1918-1921 гг. В указанный временной промежуток железная дорога была важнейшим сегментом государственной системы советской России, а для многих районов - фактически единственной артерией, соединяющей с центральной частью страны.

Коренная специфика Революционных военных трибуналов железнодорожного транспорта (РВТЖТ) заключается в том, что, с одной стороны, они являлись неотъемле-

мой составной частью советской судебной системы, а с другой - самым тесным образом были связаны с Рабоче-крестьянской Красной армией (РККА).

Тем самым общепонятно, что без эффективной деятельности РВТЖТ в конечном счете невозможно было поддержание высокого уровня мобильности железнодорожных путей сообщения. Все вышеперечисленное придает особую остроту выбранной теме, ведь вопросы, волновавшие реформаторов военного правосудия времен Гражданской войны прошлого века, актуальны и сегодня, но, несомненно, на новом, созвучном XXI столетию уровне.

Свершившаяся в 1917 г. Октябрьская революция в России ознаменовала переход всех частных железных дорог под юрисдикцию Наркомата по железнодорожным делам молодой советской республики [1]. Железнодорожные пути и подвижной состав имели плачевный вид. В аварийном состоянии находилось 86 железнодорожных мостов, до 70% паровозов и вагонов были выведены из строя [2].

В этот кризисный период II Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов 26 октября 1917 г. принимает обращение «Ко всем железнодорожникам» с призывом обеспечить бесперебойную работу железнодорожного транспорта [3].

Встал вопрос и о том, что сами железнодорожники нуждаются в защите как от дезертировавших с фронта военнослужащих, так и от большевистских главковерхов, которые с оружием в руках отстаивали свое право на персональный вагон, а порой и целый железнодорожный состав [4].

3 февраля 1918 г. была сформирована Всероссийская чрезвычайная межведомственная комиссия по охране дорог [5]. 17 июля 1918 г. названная Комиссия заменяется Управлением охраны путей сообщения, а 28 ноября 1918 г. в целях нормализации создавшегося положения и обеспечения движения железнодорожного транспорта было введено военное положение. Железнодорожники в период военного положения стали числиться на действительной военной службе. На железные дороги были командированы особо уполномоченные чрезвычайные военные комиссары [6].

Постановлением Совета народных комиссаров от 7 августа 1918 г. в структуре Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) был образован Железнодорожный отдел, имевший задачей «регулирование борьбы с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем на всей сети железных дорог». 10 мая 1919 г. Железнодорожный отдел был реорганизован в Транспортный отдел ВЧК. Первым руководителем Железнодорожного/Транспортного отдела стал член РСДРП(б) с дореволюционным стажем И.П. Жуков (репрессирован и расстрелян в 1937 г.) [7].

Принятие чрезвычайных мер изменить ситуацию коренным образом не смогло. Самоуправство комиссаров по большей части вносило дезорганизацию и отток квалифицированных кадров [8]. Поэтому уже осенью 1919 г. создается Особый комитет, куда вошли представители Всероссийской чрезвычайной комиссии, Революционного военного совета республики (высший орган управления и политического руководства РККА) и *Народный комиссариат путей сообщения.* Возглавил комитет член РСДРП(б) с 1905 г., начальник Транспортного отдела ВЧК С.Т. Ковылкин [9].

В декабре 1918 г. Реввоентрибунал Республики, председателем которого на тот момент был «старый большевик», член Латышской социал-демократической партии с 1900 г. К.Х. Данишевский (репрессирован в 1937 г., расстрелян в 1938 г.), выпустил общую для всех ВТ «Инструкцию революционным военным трибуналам», но уже 04.02.1919 г. принято «Положение о революционных военных трибуналах», Положение утверждено приказом № 277 от 13 февраля 1919 г. [10].

Переходя к вопросу о военном правосудии на ж/д, необходимо отметить, что впервые трибунал на железнодорожном транспорте упоминается в Приказе № 1 Реввоенсовета республики [11], председателем которого был нарком по военным и морским делам

Л.Д. Троцкий (депортирован в 1929 г., убит агентом НКВД в 1940 г.). А согласно Приказу № 2177 от 15.12.1919 г. Революционного военного совета республики учреждаются Революционные военные железнодорожные трибуналы в городах: Москва, Петроград, Гомель, Рузаевка (центр Рузаевского уезда с 1918 по 1928 г.). Указанным военным трибуналам поручалось рассмотрение дел как о преступлениях на железных дорогах, так и обо всех правонарушениях, совершенных в непосредственной близости от железных дорог. Так, например, лиц, задержанных в зоне отчуждения железной дороги и заподозренных в порче железнодорожных путей, надлежало «судить в 24 часа по законам военного времени» [12].

Декрет ВЦИК от 18 марта 1920 г. утвердил «Положение о Революционных трибуналах» [13], объявленное основным законодательным актом для трибуналов всех категорий. Согласно Декрету в России создавались РВЖДТ [14]. РВЖДТ формировались при управлениях железных дорог, а при Народном комиссариате путей сообщения учреждался Главный революционный трибунал на железнодорожном транспорте (ГРЖДТ), который возглавил большевик с дореволюционным стажем, участник революции 1905 г. Ю.Ю. Межин (репрессирован и расстрелян в 1937 г.) [15]. Численность сотрудников по штату в ГРЖДТ- 71 чел., РВЖДТ - 22 чел. [16].

Председатель и заместители ГРЖДТ, как и председатель РВЖДТ, назначались на пост наркомом путей сообщения, а члены РВЖДТ - комиссарами железных дорог после утверждения Народным комиссариатом путей сообщения.

В анализируемом Положении регламентировался как порядок проведения предварительного следствия и процедур подготовки к судебному процессу, так и процесс защиты, обвинения и судебного разбирательства. В Положении детально описаны порядок обсуждения и вынесения судебного решения и исполнение приговора. При РВЖДТ состояли военные следователи, которые проводили предварительное расследование дел, подсудных РВЖДТ.

РВЖДТ имели возможность проверить следствие по делам, находившимся в судебном производстве. Основные следственные действия утверждались председателем РВЖДТ в обязательном порядке. Обвиняемому непременно предоставлялась защита - если в судебное заседание допускалось обвинение. Различные ходатайства, заявления, отводы решались на заседании РВЖДТ. Обвиняемый имел право заявлять жалобы и ходатайства знакомиться с материалами дела и проведенных следственных действий, подлежащих рассмотрению судом в судебном заседании.

В РВЖДТ судебные заседания были открытыми. Слушание дела заочно допускалось только с согласия обвиняемого, при нахождении его за границей РСФСР или уклонении от судебного разбирательства. Также в закрытом режиме дело могла быть рассмотрено в случае, если усматривалась вероятность, что публичное рассмотрение вызовет нежелательный результат либо вредные последствия. В таких случаях РВЖДТ выносил мотивированное постановление.

Основными видами наказаний, применяемых РВЖДТ согласно анализируемому Положению, были:

- расстрел;
- лишение свободы;
- конфискация имущества;
- лишение политических прав;
- выговор и штраф.

РВЖДТ мог вынести постановление об освобождении от наказания либо назначить его условно. Обсуждение приговора происходило в совещательной комнате, а объявлялся подсудимый именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республи-

ки. Приговор, выносимый РВЖДТ, являлся окончательным и обжалованию не подлежал. Все приговоры РВЖДТ выносились «руководствуясь исключительно оценкой обстоятельства дела и интересами пролетарской революции» и исполнялись немедленно [17].

Приговоры к расстрелу были изъяты из указанного правила и доводились до сведения ГРЖДТ. ГРЖДТ мог приостановить исполнение данного приговора, передав дело для повторного рассмотрения. В случаях, если нарушений не обнаруживалось, ГРЖДТ давал команду исполнить расстрельный приговор

С началом нового, мирного этапа первоочередными задачами стали подъем экономики, строительство мирной жизни, сокращение Вооруженных Сил. Затронули преобразования и судебно-правовую компоненту. Декретом ВЦИК РСФСР от 23 июня 1921 г. «Об объединении всех революционных трибуналов Республики» был учрежден Верховный трибунал при ВЦИК (Верхтриб) [18].

В Верхтриб при ВЦИК оказались объединены Главный революционный военный железнодорожный трибунал, Революционный военный трибунал при Реввоенсовете Республики и Кассационный и Верховный революционный трибуналы при ВЦИК соответственно. РВЖДТ согласно ст. 10 рассматриваемого Декрета от 23 июня 1921 г. были упразднены за исключением одного на каждую железную дорогу и водный район [19; 20; 21; 22].

Завершая анализ основных направлений деятельности РВЖДТ в рассматриваемый период (правоприменительной практики, вопросов формирования и т.д.), возможно прийти к выводу о том, что деятельность РВЖДТ регулировались нормативными правовыми актами, которые, даже исходя из современных подходов, были выработаны на высоком уровне юридической техники. РВЖДТ в краткий срок справились с основной задачей, которую ставило перед ними правительство советской республики, - вести борьбу с правонарушениями, нарушающими порядок движения по железным дорогам, техническое состояние железнодорожных путей и подвижного состава.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. - декабрь 1991 г. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: РГГУ, 1994. - 418 с.
2. История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2: 1917-1945 гг. - СПб., 1997. - 416 с., ил.
3. Декреты Советской власти. - М.: Госполитиздат, 1957. - С. 10-11.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (далее - РГАСПИ). Ф.5, ОП.1, Д.1225, Л.1.
5. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917- 1918. - М., 1942. - С. 341.
6. Собрание узаконений (СУ) РСФСР. - 1918. - № 86. - Ст. 895.
7. Лубянка: органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1991. Справочник / сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. - М.: МФД, 2003. - 768 с.
8. РГАСПИ. Ф.5, ОП.1, Д.1225, Л.4-4 об.
9. Красный путь железнодорожника. - М., 1919. - № 36. - С. 15; - № 40. - С. 12; - № 43.- С. 13.
10. СУ РСФСР. - 1919. - № 13. - Ст. 131.
11. Ведомости путей сообщения. - М, 1918. - № 11/12. - С. 3-4.
12. Красный путь железнодорожника.- М., 1919. - № 45. - С. 16; № 47. - С. 18.
13. СУ РСФСР. - 1920. - № 22-23. - Ст. 115.
14. СУ РСФСР. - 1920. - № 21. - Ст. 112
15. Вестник НКПС.- 1920.- № 12-13.- С. 25.
16. РГАСПИ. Ф.634, ОП.2, Д.37, Л.3.
17. Чарный С.А. Революционные военные трибуналы на транспорте 1918-1921 гг. / [Электронный ресурс] - URL: http://polit.ru/article/2014/05/11/revtrib/
18. СУ РСФСР. - 1921. - № 51. - С. 294.

19. Петухов Н.А. Становление и развитие военных судов как органов осуществления судебной власти в условиях военной службы // Информационный бюллетень военных судов. - 1998. - № 171.
20. Петухов Н.А. История военных судов России. Монография / Петухов Н.А.; Под ред., с предисл.: Лебедев В.М. - М.: Норма, 2003. - 352 с.
21. Власов А.Н. В начале трудного пути (о создании Революционного военного трибунала при Революционном Военном совете республики - первого высшего военного суда России) // Информационный бюллетень военных судов. - 2000. - № 3.
22. Гороховский Н.Н. Становление и правовой статус военных трибуналов в Среднем Поволжье (ноябрь 1917 - 1922 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Казань, 2004.

REFERENCES

1. Korzhihina T.P. Sovetskoe gosudarstvo i ego uchrezhdenija: nojabr' 1917 g. – dekabr' 1991 g. [The Soviet state and its institutions: November 1917 – December 1991] 2nd ed., revised. and add., Moscow: RGGU, 1994. 418 p. (in Russian)
2. Istorija zheleznodorozhnogo transporta Rossii i Sovetskogo Sojuza. T. 2: 1917-1945 gg. [History of rail transport in Russia and the Soviet Union. Vol. 2: 1917-1945 gg]SPb., 1997. 416 C., Il. (in Russian)
3. Dekrety Sovetskoj vlasti. [Decrees of the Soviet government]. M: Gospolitizdat, 1957, T. p. 10-11.
4. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI). [Russian state archive of socio-political history (RGASPI)], F. 5, OP. 1, d. 1225, n. 1. (in Russian)
5. Sobranie uzakonenij i rasporjazhenij pravitel'stva za 1917-1918. [The collection of legalizations and orders of the government in 1917-1918]. M., 1942. P. 341. (in Russian)
6. Sobranie uzakonenij (SU) RSFSR. 1918. [Collection of laws (SU) of the Russian Federation. 1918]. No. 86. St. 895. (in Russian)
7. Lubjanka: organy VChK–OGPU–NKVD–NKGB–MGB–MVD–KGB. 1917–1991. [Lubyanka: the bodies of the Cheka–OGPU–NKVD–NKGB–MGB–MVD–KGB. 1917-1991]. A Handbook. comp. A. I. Kokurin, N. In. Petrov. Moscow: MFD, 2003. 768. (in Russian)
8. RGASPI, F. 5, OP. 1, d. 1225, L. 4-4.
9. Krasnyj put' zheleznodorozhnika. [Red the path of the railroad]. M., 1919. No. 36. P. 15; No. 40. p. 12; No. 43. P.13.
10. SU RSFSR. 1919. No. 13. St. 131.
11. Statement of Railways. M, 1918. No. 11/12. Pp. 3-4.
12. Red the path of the railroad. M., 1919. No. 45. P. 16; No. 47. p. 18.
13. SU RSFSR. 1920. No. 22-23. St. 115.
14. SU RSFSR. 1920. No. 21. St. 112
15. Bulletin of people's Commissariat. 1920 No. 12-13. P.25.
16. RGASPI, F. 634, OP. 2, D. 37, L. 3.
17. Charnyj S.A. Revoljucionnye voennye tribunaly na transporte 1918-1921 gg. [Revolutionary military tribunals for transport 1918-1921]. Available at: URL: http://polit.ru/article/2014/05/11/revtrib/ (in Russian)
18. SU RSFSR. 1921. No. 51.p. 294.
19. Petuhov N.A. Stanovlenie i razvitie voennyh sudov kak organov osushhestvlenija sudebnoj vlasti v uslovijah voennoj sluzhby. [The formation and development of the military courts as organs of the judicial power in the context of military service]. Informacionnyj bjulleten' voennyh sudov. 1998. No. 171. (in Russian)
20. Petuhov N.A. Istorija voennyh sudov Rossii. Monografija. Petuhov N.A.; Pod red., s predisl.: Lebedev V.M..[History of military courts in Russia. Monograph. Petukhov N..; Ed., with Pref.: Lebedev V. M.]. M.: Norma, 2003. 352 p. (in Russian)
21. Vlasov A.N. V nachale trudnogo puti (o sozdanii Revoljucionnogo voennogo tribunala pri Revoljucionnom Voennom sovete respubliki – pervogo vysshego voennogo suda Rossii). [In the beginning of the difficult road (on the establishment of the Revolutionary military Tribunal of the

Revolutionary Military Council of the Republic, the first Supreme military court of Russia)]. Informacionnyj bjulleten' voennyh sudov. 2000. No. 3. (in Russian)

22. Gorohovskij N.N. Stanovlenie i pravovoj status voennyh tribunalov v Srednem Povolzh'e (nojabr' 1917 – 1922 gg.): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. [The establishment and legal status of military tribunals in the middle Volga region (November 1917 – 1922): abstract. dis. kand. the faculty of law. Sciences]. Kazan, 2004. (in Russian)

Информация об авторе:

Григорьев Олег Вячеславович, кандидат юридических наук, доцент, кафедра теории и истории государства и права, Новосибирский военный институт им. И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации,
г. Новосибирск, Россия
3411208@mail.ru

Information about the author:

Oleg V. Grigoryev, Candidate of Law, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, I.K. Yakovlev Novosibirsk Military Institute of the Russian National Guard Troops,
Novosibirsk, Russia
3411208@mail.ru

Получена: 25.06.2017

Для цитирования: Григорьев О.В. На опасных перегонах: военное правосудие на железных дорогах (1918-1921 гг.). Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 2. с.18-23.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-18-23.

Received: 25.06.2017

For citation: Grigoryev O.V. On dangerous span: military justice on railways (1918-1921). Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 2. Pp. 18-23.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-18-23. (in Russian)

УДК 94 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-24-30

КАРПУХИН Николай Николаевич
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
nicar85@mail.ru

Nickolay N. KARPUCHIN
Kuban State University
Krasnodar, Russia
nicar85@mail.ru

УЧАСТИЕ КАБАРДИНЦЕВ В ДВИЖЕНИИ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ ШЕЙХА МАНСУРА

KABARDIANS' PARTICIPATION IN SHEIKH MANSUR'S MOVEMENT

В статье анализируются причины и различные аспекты участия кабардинцев в движении под предводительством шейха Мансура (1785-1791 гг.). В этот период на Центральном Кавказе самым развитым в социально-экономическом и военном отношении народом были кабардинцы, поэтому шейх Мансур стремился заручиться их поддержкой. После присоединения Кабарды по Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г. и раздела Крымского ханства в 1783 г. Российская империя становится доминирующей силой на Северном Кавказе. С одной стороны, усиление России в регионе привело к устранению для Кабарды крымско-турецкой угрозы, с другой стороны, Россия стала препятствием для доминирования кабардинцев в регионе, что привело к обострению российско-кабардинских отношений. Усиление исламизации в регионе, ориентация части кабардинской знати на Турцию и развитая набеговая экспансия стали благоприятной почвой для распространения идей газавата, что позволило шейху Мансуру на начальном этапе движения привлечь на свою сторону часть кабардинцев, но систематические поражения от российской армии, большие потери и отсутствие хорошей добычи стали основными причинами их ухода от него.

The article highlights the causes and various aspects of Kabardians' participation in Sheikh Mansur's movement (1785-1791). The Kabardians were economically, socially and militarily ahead during that period in the Central Caucasus region. For this reason sheikh Mansur aimed to gain their support. After the accession of Kabarda under the treaty of Kucuk Kaynarca in 1774 and the Crimean Khanate division in 1783, the Russian Empire became the dominant force in the North Caucasus. On the one hand, Russia's reinforcement in the region eliminated for Kabarda the Crimean Turkish threat; on the other hand Russia became an obstacle for Kabardians' domination in the region. This situation led to the aggravation between Russia and Kabarda. Islamization strengthening in the region as well as the developed invasive expansion provided all the facilities for development of Gazavat ideas. Initially it enabled Sheikh Mansur to win some of the Kabardians to his side, but regular defeat made by the Russian army; heavy losses and lack of plunder were the reasons of their leaving.

Ключевые слова: Кабарда, шейх Мансур, Дол Мударов, Северный Кавказ, набеговая экспансия, Азово-Моздокская линия, Газават

Keywords: Kabarda, Sheikh Mansur, Dol Muradov, North Caucasus, invasive expansion, Azov-Mozdok frontline, Gazavat

После подписания в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мирного договора [22, с. 35] территория Кабарды была присоединена к России, что не могло не повлиять на российско-кабардинские взаимоотношения. Россия воспринимала Кабарду как стратегически важный плацдарм для влияния на проживавшие в регионе народы Северного Кавказа, так как именно кабардинцы были в XVIII в. самыми развитыми из них в социально-экономическом и военном отношении, и, соответственно, Российская империя стремилась упрочить свое влияние прежде всего на саму Кабарду.

Княжества кабардинцев, Большая и Малая Кабарда, располагались по верхнему течению рек Кумы и Подкумка, а также по всему протяжению реки Малки, до слияния ее с Тереком. Под их властью находились осетины, ингуши, абазинцы и карачаевцы. Согласно источникам XVIII в., Большая Кабарда могла в случае войны выставить около 5 тыс. всадников и 5 тыс. пехоты, а Малая Кабарда - 700 всадников [10, с. 15-16]. То есть, как можно видеть отсюда, в последней четверти XVIII в. Кабарда обладала большими для региона территориальными и военными ресурсами.

В свою очередь, отношение кабардинцев к России было далеко не однозначным и не у всех одинаковым. С одной стороны, при помощи России была устранена крымско-турецкая угроза. С другой стороны, российское присутствие вносило отнюдь не только благожелательные для Кабарды серьезные изменения в ее жизнь, ставшие в дальнейшем

причинами участия кабардинцев в движении шейха Мансура.

Во-первых, Кабарда утрачивала доминирующее по отношению к другим народам Кавказа политическое положение в регионе [9, с. 9], так как она потеряла власть над осетинами и ингушами, которые приняли подданство Российской империи, и теряла право собирать с них дань; во-вторых, большой ущерб несла ее экономика, так как Россия препятствовала работорговле, составлявшей один из главных источников дохода княжеств.

В-третьих, серьезным фактором, вызывавшим напряженность в отношениях, стало строительство российских укреплений и коммуникаций, образовывавших Азово-Моздокскую линию. С началом строительства часть кабардинцев и осетин стала уходить от кабардинских князей и селиться на российской территории. На призывы выдать бежавших, высказывавшиеся в петициях, Россия отвечала отказом. Ответом становились вооруженные набеги на русские приграничные поселения кабардинских владетелей, стремившихся с помощью силы подчинить своей власти вышедших из подчинения людей, набеги, всегда сопровождавшиеся грабежом, угоном скота и захватом в рабство [7, с. 53].

Особенно выделялись в этом деле владетель Кильчукин и малокабардинский князь Дол Мударов, поддерживавшие партию, ориентированную на Турцию, и воевавшие впоследствии вместе с шейхом Мансуром против России [3, с. 240]. Мударов совершал набеги на российские поселения, осетин и ингушей. Он разбойничал в окрестностях Владикавказа и грабил купцов на пограничной линии России, имея при себе отряд в 700 человек, на какое-то время ему удалось прервать сообщение между Россией и Грузией [7, с. 61]. О набегах Мударова на коммуникации в районе Дарьяльского ущелья российскому командованию жаловался грузинский царь Ираклий. Он просил оказать помощь армянским купцам, ограбленным в Ахловых кабаках [17, Д.13. Ч.17. Л.119].

В-четверых, это захват Россией, как считает Б. К. Мальбахов и как это понимали владетели Кабарды, кабардинских земель для помещиков из числа царских военных и чиновников. По словам исследователя, ряд укреплений, заложенных Россией по дороге в Грузию, стал последней каплей, переполнившей терпение кабардинцев [11, с. 109]. Суждение это некорректно, так как в данный период Россия не раздавала и не захватывала земли на этнической территории проживания кабардинцев, а только ограничивалась постройкой укреплений на границе с Кабардой, которые очень сильно затрудняли набеги на южные границы России кабардинцев как самих по себе, так и совместно с закубанцами. Соответственно шейх Мансур выражал не антиколониальный протест, потому что Россия еще не успела стать на Кавказе колониальной державой в точном смысле этого слова [6, с. 21].

В-пятых, развитая у кабардинцев набеговая экспансия в этот период была постепенно переориентирована в сторону южных границ России, так как набеги в этом направлении приносили больше выгоды из-за оживления экономической жизни на русской границе [4, с. 126].

В-шестых, уже упомянутая набеговая экспансия кабардинцев благодаря проповеднической деятельности шейха Мансура, которая хоть и осуществлялась в 1783-1785 гг. исключительно в равнинных районах Чечни, очевидно, быстро стала известной и кабардинцам, воспринималась не просто как набег, но как реализация газавата, то есть получала религиозное освящение. Н.Ф. Дубровин писал: «Зная наклонность своих соотечественников к грабежу и хищничеству и желая удовлетворить народной страсти, Мансур стал проповедовать о необходимости войны против неверных, придавая ей значение богоугодного дела» [8, с. 90]. Он стремился направить набеги не на соседние горские племена, а на южные границы России, стремился объединить горцев, учитывая их уклад, под исламскими лозунгами. Его проповеди были направлены не только против христиан, но

и против северокавказских народов, у которых к 80-м годам XVIII в. ислам еще не стал господствующей религией.

Наконец, еще одной причиной были сложные социально-экономические противоречия внутри Кабарды. Особо стоит отметить влияние на отношение Кабарды к России Турции, желавшей вернуть прежнее положение в регионе и регулярно присылавшей на Кавказ своих агентов для ведения агитационной антироссийской деятельности. В этом стремлении ее поддерживали такие европейские государства, как Англия, Франция и Пруссия, боявшиеся усиления России на Северном Кавказе.

Безусловно, не все кабардинцы выбрали сторону шейха Мансура. Прежде всего лояльны к России оказались кабардинцы, жившие в Моздоке и в поселениях на пограничной линии России, многие из них во время борьбы помогали российским войскам и администрации. Не поддержали Мансура и многие кабардинские князья и уздени: во-первых, шейх Мансур стремился создать теократическое государство, где доминировали бы чеченцы, а это, конечно же, не устраивало кабардинских князей, так как они исторически претендовали на главенство в регионе; во-вторых, учение шейха Мансура было направлено в основном на низшие слои горского общества, но Кабарда стояла в тот период на более высоком уровне развития, чем чеченские объединения, и кабардинские князья в учении шейха Мансура видели угрозу для своей власти.

Даже подданные князя Дола Мударова, одного из самых верных сторонников шейха Мансура, не все приняли участие в движении. Сохранились источники, подтверждающие, что Алий Тлишев [18, Д.13. Ч.18. Л.148] и семья Айтека Какулова бежали во время движения шейха Мансура в Моздок и приняли христианство [18, Д.13. Ч.18. Л.265-266].

Не приняли участие в движении бывшие данники кабардинцев - осетины и ингуши. К тому же эти народы были в конце XVIII в. исламизированы менее других народов Центрального Кавказа, а значит, менее восприимчивы к идее газавата. В проповедях шейха Мансура четко прослеживалась необходимость как раз таки их исламизация. Для достижения цели были выбраны самые простые методы: набеги и запугивание.

Со второй половины 1785 г. на осетин часто нападал Дол Мударов, что подтверждают рапорты полковника К. Матцена [12, Д.13. Ч.5. Л.45], также часто он нападал на селения кабардинцев, не поддержавших Мансура [15, Д.13. Ч.15. Л.56-57]. Осуществлялись систематические набеги и на ингушей, чья ненависть к Долу Мударову позволила российскому командованию заручиться их поддержкой. Командующий Кавказским корпусом генерал-поручик граф П.С. Потемкин рассчитывал на них в поимке князя, обещая «200 рублей деньгами, 600 аршин холста и 150 аршин сукна» [16, Д.13. Ч.16. Л.237].

Говоря о начале движения под предводительством шейха Мансура, можно отметить, что к маю 1785 г. в Чечне сложилась неспокойная обстановка: нарастало недовольство населения Россией. Российское командование принимает решение военным путем усмирить недовольных, отправив в Чечню отряд полковника Пиери. Полковник беспрепятственно дошел до аула Алды, чеченцы же, видя приближение русского отряда, покинули его. Но, возвращаясь на Кавказскую линию, Пиери попал в засаду, организованную шейхом Мансуром. Отряд Пиери был окружен в лесу и почти полностью уничтожен чеченцами. Победа под руководством шейха Мансура стала началом движения на Северном Кавказе, продлившегося до 1791 г. - взятия его в плен в Анапе.

Первую победу шейха над русскими войсками горцы приписали его чудесам и окружили ореолом победителя. Именно тогда Ушурма получил имя Мансур, что по-арабски означает «Победоносный» [5, с. 23]. Успех прославил и сделал его известным во всех уголках Кавказа, после чего под знамена Мансура встали новые сторонники [2, с. 65], в том числе и кабардинцы, желавшие принять участие в крупных набегах на российские поселения в регионе.

Стремясь развить успех разгрома отряда Пиери, Мансур предпринял два похода на Кизляр - с экономической точки зрения очень притягательный объект для грабежа. Развитая набеговая экспансия у горцев и желание легкой наживы позволили в короткое время собрать войско для нападения. Участие в набеге приняли и кабардинцы. Но не все кабардинцы поддержали Мансура. Например, кабардинский князь Бекович Черкасский [21, с. 141] командовал терскими казаками, которые героически отбили все атаки горцев на Кизляр. Оказавшиеся неудачными походы дезорганизовали войско Мансура, от него начали отходить чеченцы.

Неудачной стала и осада Григориополиса в конце июля 1785 г., в которой также принимали участие кабардинцы под руководством князя Дола Мударова. Осада закончилась полным провалом, но первые неудачи не оттолкнули кабардинцев от Мансура, так как они продолжали верить в шейха и надеяться на легкую и большую добычу. В свою очередь, и Мансур после неудачных походов на Кизляр и начала ухода чеченцев очень надеялся на поддержку кабардинцев.

К моменту прихода Мансура в Кабарде сформировалось три партии. Первая партия поддержала шейха, ее возглавил малокабардинский князь Дол Мударов. Кроме Мударова, в нее входили также Атажуко Мисостов с сыном Арсланбеком, Кильчукин, Наврузов, Акдемиров и другие. Вторую, наиболее крупную, партию возглавляли князья Касаевы и Хамурзины, они придерживались прорусской ориентации. Третью партию, придерживавшуюся нейтралитета, возглавил князь Мисост Боматов, в 1785 г. избранный старшим князем-валием Кабарды [11, с. 110]. Боматов находился в выжидательной позиции, ожидая перевеса сил одной из партий, чтобы ее поддержать. В 1786 г., после ряда поражений Мансура и ухода от него кабардинцев, Мисост Боматов становится на сторону России.

Интересно, что жаждавшие наживы кабардинские князья, поддержав Мансура, стремились тем не менее к самостоятельным набегам на пограничную линию России, так как основные российские силы в регионе были направлены на подавление восстания и это давало хорошую возможность легко и безнаказанно грабить. Такими набегами прославились уже не раз упоминавшиеся князья Дол Мударов, Атажуко Мисостов, Кильчукин и др.

Российское командование, придававшее большое значение Кабарде, как мы уже отмечали в начале статьи, увидело нависшую угрозу ее полного перехода на сторону Мансура. Для предотвращения этого в октябре 1785 г. П.С. Потемкин лично повел войско, и 2 ноября 1785 г. возле Татартупа произошло сражение между войском шейха Мансура и отрядом полковника Л. Нагеля. На стороне Мансура выступил его верный союзник Дол Мударов со своими людьми**.** Мансур потерпел поражение. Временно он укрылся в доме Дола Мударова, затем вместе с ним же ушел в Чечню, но, не найдя там поддержки, был вынужден уйти в Кумыкию. Уздени и черный народ князя Мударова его позицию не поддержали и заявили, что в случае отказа присягнуть России они от него уйдут [15, Д.13. Ч.15. Л.372]. Отошли от Мансура после поражения под Татартупом и другие кабардинцы. В своих письмах к российскому командованию они указывали, что «к имаму мы не касаемся» [14, Д.13. Ч.12. Л.194].

В сражении против шейха Мансура и Дола Мударова приняли участие ингуши, на что указывают рапорты П.С. Потемкина. За участие в изгнании врагов России из Кабарды ингушам, «бывшим при поражении Дола», раздали по 4 аршина простого сукна [16, Д.13. Ч.16. Л.237]. Также П.С. Потемкин разрешил ингушам грабить владения Дола Мударова, а в случае его поимки обещал выплатить вознаграждение в 300 рублей [16, Д.13. Ч.16. Л.320]. Но в дальнейшем, после помилования Мударова, в конце концов оставившего Мансура, российское командование просило ингушских старшин не притеснять и не обижать князя и его подданных [18, Д.13. Ч.18. Л.119].

За победу над шейхом Мансуром в Кабарде Екатерина II пожаловала бригадира Апраксина и полковника Л. Нагеля кавалерами ордена святого Владимира III степени, полковника Савельева и премьер-майора Мансурова - кавалерами Владимира IV степени, а нижним чинам отряда выдали в награждение «грандерам по два рубля, прочим по одному рублю на человека» [20, с. 358].

После поражения под Татартупом и ухода в Кумыкию Мансур стал рассылать прокламации по всему Северному Кавказу, в которых призывал правоверных мусульман продолжить священную войну против неверных и «сулил вечное блаженство каждому мусульманину, павшему на поле брани или убившему гяура» [8, с. 230].

В 1786 г., после неудачных походов на Кизляр, тяжелых поражений и больших потерь, Мансур теряет поддержку среди горцев. Для пополнения своего войска ему пришлось проводить насильственную мобилизацию с каждой мечети по два человека, а также десятую часть имевшегося у жителей хлеба для прокормления находившихся при нем людей [21, с. 146].

Жесткая вербовка сторонников в Кумыкии, где он брал аманатов и жестоко расправлялся с несогласными, частые поражения от русской армии привели к тому, что шейх Мансур практически потерял поддержку горцев на Северном Кавказе, но, самое главное, он потерял поддержку чеченцев и кабардинцев, которые составляли костяк движения.

Бывшие верные союзники - владельцы Кабарды - стали уходить от Мансура и уводить своих подданных. Они перестали верить в его пророчества, в обещания скорой помощи от Турции, легкой и большой добычи. Первоначально поддержавшие Мансура кабардинцы начали просить у российского командования помилования за участие в движении, они писали в письмах: «о даровании нам в преступлениях наших прощения» [13, Д.Ч.11. Л.204]. Милосердная политика русского командования к владельцам Кабарды, участвовавшим в движении, прощение и денежные вознаграждения позволяли склонять их на свою сторону.

Серьезной потерей для Мансура стало пленение и уход от него кабардинского князя Дола Мударова летом 1786 г. Во время неудачного набега Дол Мударов попал в окружение и сдался, российское командование его помиловало и разрешило уйти к себе домой. Это событие имело очень сильное воздействие на сторонников Мансура, стремившихся отойти от движения, получив помилование от российского командования.

В сентябре 1786 г. кабардинцы дали подписку, что если Мансур явится в их селения, то они обязаны будут задержать его и предоставить начальству. К 1787 г. на подконтрольной России территории движение было подавлено. Чеченцы, кабардинцы и кумыки полностью перестали поддерживать шейха Мансура, вернулись к мирной жизни, просили прощения и повторно принимали присяги на верность. Например, командующий Кавказским корпусом П.А. Текелли указывал в рапортах, что старший кабардинский владелец князь Мисост Боматов и его дети подтвердили свою преданность России и обещали привести кабардинцев в покорность [19, Д.2. Л.113].

5 июля 1787 г. при помощи закубанского владельца Казы-Гирея Мансур оставил Чечню и ушел за Кубань [8, с. 232-233]. Помилованный Россией Дол Мударов принял участие на стороне России в походе кабардинского князя Горича на закубанцев. За этот поход ему было пожаловано воинское звание секунд-майора с жалованием [1, Д.1. Л.4].

Таким образом, антироссийская деятельность шейха Мансура не нашла абсолютной поддержки у кабардинцев, основная их часть не стала поддерживать партию, ориентированную на Турцию. Степень поддержки кабардинцами движения шейха Мансура зависела от социально-экономических, политических, религиозных и региональных факторов и обстоятельств, которые надо анализировать в контексте динамики российско-кабардинских взаимодействий конца XVIII века.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф.115. Кабардинские дела. Оп.115/2. Д.1. Л.4.
2. Баддели Джон. Завоевание Кавказа русскими (1720-1860). - М., 2011.
3. Блиев М.М., Бзаров Р.С. История Осетии. - М., 2000.
4. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. - М., 1994.
5. Гасаналиев М. Шейх Мансур (Ушурма) как руководитель освободительного движения // Общественные и гуманитарные науки. Известия ДГПУ. - 2011. - № 2.
6. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. - М., 2003.
7. Дегоев В.В. Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век). - М., 2013.
8. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2. - СПб., 1886.
9. Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала. Исторические очерки / Под ред. акад. В.Б. Виноградова. - Пятигорск, 2006.
10. Кучиев А.Г. Город Моздок: Исторический очерк. - Владикавказ, 1995.
11. Мальбахов Б.К. Кабарда в период от Петра I до Ермолова (1722-1825). - Нальчик, 1998.
12. Российский государствпенный архив древних актов (далее - РГАДА). Ф.23. Кавказские дела. Д.13. Ч.5. Л.45.
13. РГАДА. Ф.23. Кавказские дела. Д.13. Ч.11. Л.204.
14. РГАДА. Ф.23. Кавказские дела. Д.13. Ч.12. Л.194.
15. РГАДА. Ф.23. Кавказские дела. Д.13. Ч.15. Л.372.
16. РГАДА. Ф.23. Кавказские дела. Д.13. Ч.16. Л.237.
17. РГАДА. Ф.23. Кавказские дела. Д.13. Ч.17. Л.119.
18. РГАДА. Ф.23. Кавказские дела. Д.13. Ч.18. Л.119.
19. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.52. Кн. Потемкин-Таврический. Оп.1/194. Д.2. Л.113.
20. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.27. - СПб., 1880.
21. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XV-XIX вв. - М., 1958.
22. Юзефович Т. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. - СПб., 1869. - С. 35.

REFERENCES

1. Russian Empire External Policy Archive. Fund 115. Kabardian records. Inv.115/2. F. 1. L.4.
2. Baddeley F. John. The Russian conquest of the Caucasus (1720 -1860). M., 2011. (in Russian)
3. Bliev M.M., Bzarov R.S. The history of Ossetia. M., 2000. (in Russian)
4. Bliev M.M., Degoev V.V. The Caucasus war. M., 1994. (in Russian)
5. Gasanaliev M. Sheikh Mansur (Ushurma) as the leader of the Liberation movement. Social and humanitarian sciences. Izvestia of Dagestan State Pedagogical University. 2011. No. 2. (in Russian)
6. Degoev V.V. Great game at the Caucasus: history and the present. M., 2003. (in Russian)
7. Degoev V.V. Inconceivable Chechnya: Sheikh Mansur and his time (18 century). M., 2013. (in Russian)
8. Dubrovin N.F. The history of war and sovereignty of Russians at the Caucasus. Vol. 2. St. Petersburg, 1886. (in Russian)
9. Klyichnikhov J.J., Linets S.I. The North Caucasian junction: peculiarities of conflict potential. Historical sketches. Edit. by B.V. Vinogradov. Pyatigorsk, 2006. (in Russian)
10. Kuchiev A.G. Mozdok: Historical sketches. Vladikavkaz, 1995. (in Russian)
11. Malbakhov B.K. Kabarda from Peter I to Ermolv (1722-1825). Nalchik, 1998. (in Russian)
12. Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 23. Caucasian records. F.13. P.5. L.45.
13. Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 23. Caucasian records. F.13. P.11. L.204.
14. Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 23. Caucasian records. F.13. P.12. L.194.
15. Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 23. Caucasian records. F.13. P.15. L.372.
16. Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 23. Caucasian records. F.13. P.16. L.237.
17. Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 23. Caucasian records. F.13. P.17. L.119
18. Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 23. Caucasian records. F.13. P.18. L.119.
19. Russian State Military Historical Archive. Fund 52. Duke Potemkin-Tavricheskij. Inv. 1/194. F.2. L.113.

20. Collection of Imperial Russian Historical society. Vol.27. St. Petersburg, 1880. (in Russian)
21. Smirnov N.A. Russian Policy at the Caucasus in 15-19 c. M., 1958. (in Russian)
22. Juzefovich T. Russian Treaties with the East. Political and commercial. St. Petersburg, 1869. (in Russian)

Информация об авторе:

Карпухин Николай Николаевич, аспирант, кафедра истории России, факультет истории, социологии и международных отношений, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
nicar85@mail.ru

Получена: 30.06.2017

Для цитирования: Карпухин Н. Н. Участие кабардинцев в движении под предводительством шейха Мансура. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 2. с.24-30.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-24-30.

Information about the author:

Nickolay N. Karpuchin, Postgraduate Student, Russian History Department, Faculty of History, Sociology and International Relations, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
nicar85@mail.ru

Received: 30.06.2017

For citation: Karpuchin N. N. Kabardians' participation in sheikh Mansur's movement. Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 2. Pp. 24-30.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-24-30. (in Russian)

УДК 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-31-39

КАСЬЯНОВ Валерий Васильевич
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
culture@kubsu.ru

ПЕТРОВ Владимир Иванович
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
history1380@mail.ru.

Valery V. KASYANOV
Kuban State University
Krasnodar, Russia
culture@kubsu.ru

Vladimir I. PETROV
Kuban State University
Krasnodar, Russia
history1380@mail.ru

ПРАВОСЛАВНОЕ И ИСЛАМСКОЕ ДУХОВЕНСТВО ЮЖНОГО УРАЛА И СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

ORTHODOX AND ISLAMIC CLERGY OF THE SOUTHERN URAL AND MIDDLE VOLGA IN THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY

Духовенство Южного Урала и Среднего Поволжья второй половины XIX в. выполняло важные государственные задачи по духовному объединению граждан, предупреждению национальных конфликтов, сглаживанию социального неравенства российского общества. Отличительной чертой второй половины и конца XIX в. являлась интеграция духовенства с другими сословиями. Благосостояние среднего и низшего духовенства напрямую зависело от уровня жизни прихожан, поэтому священники региона находились на низком уровне социально-экономического обеспечения. Правительство было вынуждено искать возможности для социального обустройства части лиц духовного сословия. Детей духовенства начинают принимать в светские учебные заведения и на гражданскую, военную службу. С 1871 г. дети духовенства приравниваются к детям личных дворян и относятся к личному и почетному гражданствам, что открывало путь к занятию торговлей и предпринимательству в торговле. Процент священнослужителей от всего населения Южного Урала в 1867 г. оказался равным 1% (0,95%), а в 1897 г. - уже всего 0,3%, потому что число священников в регионе уменьшилось с 22,65 тыс. до 10,3 тыс. человек. Количество лиц духовного звания в России за этот же период также уменьшилось с 1,2% в 1858 г. до 0.89% в 1897 г. Священнослужителей русской национальности среди духовенства всех направлений христианской религии данных регионов к концу XIX в. оказалось подавляющее большинство - 98%. Так, в Оренбургской и Уфимской губерниях среди изучаемого сословия оказался весьма солидным процент исламских проповедников. Нужно отметить, что и мусульманского населения на территории Приуралья было больше, чем в Среднем Поволжье. На территории Уфимской губернии в конце века проживало 1680 мулл с членами семей, что равно 38% от всего числа духовных лиц с семьями по всей губернии.

The clergy of the southern Urals and the Middle Volga region of the 19th century in the performance of important state tasks in the spiritual Association of citizens, preventing national conflicts, reduce social inequality in Russian society in the second half of the 19th century. A distinctive features of the second half and the end of the nineteenth century was the integration of the clergy with other classes. The welfare of the middle and lower clergy depends on the quality of life of parishioners and priests of a region were at a low level of socio-economic security. The government was forced to seek opportunities for social development in part of persons of spiritual estate. Clergy children begin to accept secular educational institutions and civil military service. Since 1871 the children of the clergy are equal to children of personal noblemen, and treat hereditary honorary citizenship and personal citizenship, which opened the way to industrial and commercial businesses. The proportion of clergy in the population of the southern Urals in 1867 was 1% (0.95%), and in 1897 - 0.3%, and quantifies the clergy was reduced from 22.65 thousand people to 10 289 thousand. In Russia in General this figure also decreased from 1,2% in 1858 to 0,9% in 1870. Russian priests in the clergy of all Christian denominations of the Middle Volga and southern Urals in the late 19 century was the most - 98%. In Ufa and Orenburg provinces had a fairly high percentage of the Muslim priests, as the population of the Mohammedan religion. So, in the Ufa province in the late 19th century there were 1680, representative of the Muslim clergy, which amounted to 38.0% of the total number of the clergy of the province.

Ключевые слова: священнослужители Юного Урала и Среднего Поволжья XIX в., жалование приходского духовенства, уменьшение численности духовного сословия, христианское духовенство, исламское духовенство, треба, церковная руга

Keywords: clergy of southern Ural and Middle Volga in second half and end of 19th century, salaries of parish clergy, reasons for reduction in number of clergy in middle Volga and southern Urals, Christian clergy, Muslim clergy

Священнослужители губерний Южного Урала и Среднего Поволжья в XIX в. несли в народ установки государства по поддержанию гражданского мира и межнационального

согласия. Лица духовного звания призывали россиян к поддержке Императора в обстановке социального неравенства и наличия несправедливого распределения богатств между сословиями, в частности между крестьянством и дворянством. Отличительной чертой второй половины века можно назвать интеграцию духовенства с другими сословиями [1, с. 109]. Определенная часть священников не имела соответствующего источника существования. Поэтому правительство было вынуждено искать возможности для социального обустройства части лиц духовного сословия. С 1860 г. сыновей настоятелей, дьяков принимают гражданские и военные высшие учебные заведения, а также разрешают поступать на службу в качестве гражданских и военных служащих. С 1871 г. дети духовенства приравниваются к детям личных дворян и относятся к числу потомственных почетных граждан и к личному гражданству, в зависимости от должности духовного лица - родителя. Это открывало путь к промышленному и торговому предпринимательству [2, с. 161]. Таким образом, духовенство изучаемых регионов к началу XX в. выходит из своих сословных границ, сохраняя основные функции своего сословия, свою организацию общественной жизни.

Процент священнослужителей от всего населения Южного Урала в 1867 г. оказался равным 1% (0,95%), а в 1897 г. - уже всего 0.3%, потому что число священников в регионе уменьшилось с 22,65 тыс. до 10,3 тыс. человек [3, с. 74]. Количество лиц духовного звания в России за этот же период также уменьшился с 1,2% в 1858 г. до 0,89% в 1897 г. Священнослужителей русской национальности среди духовенства всех направлений христианской религии изучаемых регионов к концу XIX в. оказалось подавляющее большинство - 98%. Основная доля исламского духовенства на территории Уфимской губернии, а именно 98,7%, размещалась в уездах, то есть была сельской. Безусловно, это определялось тем, что большая часть населения (87%) была уездной, то есть аграрной. Православные священнослужители Башкирии в большинстве своем служили и проживали на территории уездов, но процент сельских среди христианских служителей был существенно ниже, чем у исламских - 65,3%. В Казанской губернии почти 81% исламских священников были татарами (Приложение № 1), а в Башкирии (на территории Уфимской губернии) в тот же период главной частью по численности были башкиры - 84,4% (1419 чел.) [6, с. 101].

Лишь в городских поселениях этих двух регионов (Поволжья и Урала) численность священников в изучаемый период не сократилась, а в городах Поволжья увеличилась. Процент семейств священнослужителей с 1867 по 1897 г. в составе горожан возрос с 1,3% до 1,4% [7, с. 156]. Но общая численность сословия в регионах уменьшилось, и ,как водится, этот факт был напрямую связан с ухудшением экономических условий жизни семей священников.

Благополучие всего духовенства, кроме епископата и митрополитов, напрямую зависело от качества жизни прихожан. Подавляющим большинством в приходах были сельские земледельцы и скотоводы. Жизнь села ухудшалась от повышения выкупных платежей в период реформ, от непрерывного сокращения размеров земельных наделов, от неурожаев (1870, 1871, 1874, 1890-1891 гг.). В 1892-1893 гг. в изучаемых регионах разразился масштабный голод с массовыми жертвами. Все это уменьшало требу - жалование священников в приходах, так как треба основывалась на простом устном договоре. Мало того, хлебная руга, сбор продуктов по дворам в деревнях могли сходить на нет в трудные неурожайные годы.

Доход непосредственно самой церкви в неурожайные периоды с примонастырских или же прицерковных угодий почти полностью отсутствовал, как и у всех земледельцев. Да и церковные владения именно сельскохозяйственными и лесными угодьями в то время были уже большой редкостью. Так, в Оренбургской губернии, например, на 1877 г. только Троицкий мужской монастырь являлся землевладельцем и распоряжался 370 десятинами земли [8, с. 72]. Если же у какой-либо церкви, мечети или монастыря был все же обрабатываемый земельный участок, будь то собственный или взятый в аренду, то он был незначительным по площади. Кроме того, настоятели приходов, имея такие малые участки при церкви, старались там соорудить различные постройки, складские помещения, помещения для производства свеч, а чаще всего сдавали эту землю при монастыре или церкви в аренду третьим лицам.

До 1857 г. священники не имели возможности дополнительно обеспечивать себя различного рода торговлей, потому что духовенству, в первую очередь монашествующему, запрещалось заниматься торговлей и промыслами, ставящими их в ряд с людьми торгового разряда, то есть с купцами [9].

При рассмотрении национального состава изучаемого сословия, но только христианского вероисповедания, выясняется, что русскими были 98% от всех священников-христиан:

- в Оренбургской губернии - 99%;
- в Уфимской - 96,6%.

Служители татарской национальности среди христиан составили 1,74% в Уфимской губернии (77 чел.), немецкой национальности в Самарской губернии - 0,92% (98 чел.). Чувашей в Башкирии среди священников было 49 человек, или 1,1%. (см. Приложение 2). Очень редко среди служителей культа в изучаемых регионах можно было встретить тептярей, черемисов и вотяков.

Распределение христианского духовенства по уездам Уфимской губернии в конце XIX в. не было равномерным и зависело от численности населения уездов. В Уфимской губернии наибольшее число представителей христианского духовенства проживало в Уфимском уезде - 1673 человека, 897 лиц данного сословия проживало в Мензелинском уезде, и менее всего их проживало в Белебеевском уезде (399 чел.) [10, с. 182-183]. В Южном Приуралье, то есть в Оренбургской и Уфимской губерниях, к 1891 г. действовало 288 церквей и соборов и 173 часовни и молитвенных домов [11], а мечетей в одной только Уфимской губернии в 1899 г. насчитывалось более 1,5 тыс., что больше на 50% (если рассчитывать на население), чем в губерниях изучаемого Поволжья.

Священнослужителей русской национальности среди духовенства всех направлений христианской религии изучаемых регионов к концу XIX в. оказалось подавляющее большинство - 98%. В Среднем Поволжье Казанская губерния выделялась наибольшей численностью священников нехристианской веры - 378 чел. (без членов семей), или 8,2% от всего губернского духовенства. Меньше всего магометан-священников насчитывалось в Симбирской губернии - 137 чел. (без членов семей), или 4%.

Большая часть магометанского духовенства Среднего Поволжья была сельской. Так, в Казанской и Симбирской губерниях к сельским служителям магометанской церкви относились 95,6% [12, с. 108, 109], в Самарской губернии - 76,1% [13, с. 3]. Наибольшее число священников-мусульман Казанской губернии проживало в Казанском уезде, Симбирской губернии - в Буинском уезде (34% от общего количества в губернии), Самарской губернии - в Самарском уезде (10,3%).

Исламское духовенство Южного Урала конца XIX в. проживало большей частью в Уфимской губернии - 81,8% от общей численности данного духовенства в регионе. Мусульманские священнослужители Южного Урала на 92,6% были сельскими (98,8% - в Уфимской губернии, 86,3% - в Оренбургской губернии) [14, с. 92, 93]. Наибольшее число магометанского духовенства проживало в Бирском уезде Уфимской губернии - 2201 чел. (с членами семей), что составило 28,8% от их общей численности по губернии, в Мензелинском уезде - 1912 чел. (25,0%), в Белебеевском уезде - 1530 человек (20,0%);

Таким образом, в изучаемых регионах с 1867 по 1897 г. произошло существенное сокращение численности духовенства: по Среднему Поволжью - на 38,4%, по Южному Уралу - на 52,5%. Если в Самарской и Оренбургской губерниях, где доля русского населения была наиболее высокой, сокращение числа лиц духовного звания было незначительным (5,4% и 4,4% соответственно), то в других губерниях сокращение было очень серьезным (в Казанской - 72,4%, в Уфимской - 71,5%). Главной причиной этого послужило ухудшение экономического благосостояния лиц духовного звания и их семей в связи с экономическим кризисом в пореформенный период.

Магометанское духовенство - муллы - жили с весьма хорошим достатком. «Кроме земли, отводимой мулле обществом, каждый крестьянин, по религиозным законам, обязан отдать ему определенную часть со сбора хлеба и других произведений» [15, с. 93]. Представители духовенства, владевшие недвижимостью по праву принадлежности к дворянству, могли сдать в аренду свою собственность [16, с. 290]. Исламское духовенство, как и белое православное духовенство, могло «приобретать и отчуждать всеми законны-

ми способами земли и дома в селениях и городах» [17, с. 290]. Дома духовенства, также дома их вдов и сирот освобождались от воинского постоя, поземельного сбора [18, с. 290].

В целях материального обеспечения священнослужителей мусульманского вероисповедания и для увеличения штатов канцелярий губернских магометанских собраний по указу Александра II увеличивались сборы за регистрацию каждого брака с 8,5 копеек до 15 копеек серебром с 1 января 1881 г. [19, л. 24]. Из собранных средств за браки верующих магометан губернаторам разрешалось направить определенные суммы на дополнительное обеспечение канцелярий магометанских собраний.

Так, в письме Министерства внутренних дел Оренбургскому губернатору разрешалось ежегодно из средств, собранных за браки магометан, отпускать 1363 рубля 35 копеек и «распределять эту сумму следующим образом - секретарю собрания, получающему ныне 280 рублей, назначить добавочные 320 рублей трем столоначальникам и переводчику, получающим по 168 рублей добавочных по 132 рубля каждому, журналисту, получающему 141 рубль добавочных 139 рублей, для найма писцов и на канцелярские расходы в 1121 рубля 65 копеек увеличить на 378 рублей 35 копеек» [20, л. 1, 2].

Духовенство выполняло не только обязанности, связанные с отправлением культа, но и чисто административные задачи по регистрации рождений, браков, смертей. К функциям священников относилось также преподавание Закона Божьего в начальной и средней школе и богословия в высшей школе. В каждой из епархий существовал особый училищный совет, возглавляемый архиереем, который контролировал церковно-школьное образование. Территории епархий Среднего Поволжья и Уфимской губернии в основном совпадали с административными границами губерний, исключением была Оренбургская епархия, территория которой была значительно шире одноименной губернии [21]. Заседания епархиального училищного совета проходили в губерниях города. Архиерей назначал в каждом учебном округе специального наблюдателя за работой церковно-приходских школ. Церковные школы были двух типов: школы однолетнего курса обучения грамоте и церковно-приходские школы с двух-четырехлетним сроком обучения [22, с. 42-43]. Основными предметами выступали Закон Божий, церковно-славянское чтение, русское письмо, четыре действия арифметики, церковное пение [23, с. 88]. Аналогичные учебные заведения функционировали при лютеранских и римско-католических храмах, еврейских синагогах. При мусульманских мечетях существовали мектебе и медресе. Особенно большое количество мусульманских начальных школ было развернуто в Уфимской и Казанской губерниях. Так, во второй половине XIX в. в Уфимской губернии был известен новый мектеб (открылся в 1862 г.) при соборной мечети в г. Верхнеуральском, где два духовных наставника обучали 30 местных и 100 посторонних шакирдов (с 1865 г. Верхнеуральский уезд перешел к Оренбургской губернии). Немало мектебов действовало в волостях Оренбургской губернии: в Сарталыкской волости - 12 начальных магометанских школ, в Ичикинской - 5, Кубелек-Телевской - 1 (д. Московo), в Троицком уезде - 1 школа Тунгатаровской волости [24, с. 137]. Самым крупным комплексом мусульманских учебных заведений в Среднем Поволжье располагала Казанская губерния. К началу XIX в. только в г. Казани действовало 12 медресе высшего, 24 медресе неполного высшего и среднего типа и 13 начальных мектебов [25, с. 88].

Духовенство всех вероисповеданий к концу XIX в. оказалось одним из самых грамотных сословий. Так, в губерниях Среднего Поволжья грамотность среди лиц духовного звания составила 73,1%, а на Южном Урале - 71,7%.

Лишь дворянство превосходило по грамотности духовенство в Среднем Поволжье, но в Самарской губернии дворяне уступали в этом лицам духовного сословия: например, в 1897 г. грамотных среди священнослужителей было 74,7%, а среди дворян - 72,8% [26, с. 36, 37.]. В губерниях Южного Урала процент грамотности духовенства также превышал уровень грамотности дворян - 71,4% и 65,1% соответственно. Это соотношение по региону сложилось из-за относительно низкой грамотности дворянства в Уфимской губернии (56,9%), а в Оренбургской губернии грамотных дворян было 73,3% от их общего числа, что превосходило средние показатели по лицам духовного звания [27, с. 42-43].

Табл. 1. Динамика численности населения Южного Урала по вероисповеданию с 1867 по 1897 г.

Table 1. Dynamics of the population of the Southern Urals in the religion from 1867 to 1897.

	Губерния, уезд	Год	Общее количество жителей	Православных	Старообрядцев	Римско-католиков	Протестантов	Иудеев	Магометан
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	Уфимская губерния								
1	Уфимский с г.Уфа	1867	196 155	106 079	2328	151	107	121	85 030
		1897	372 906	232 448	8876	693	1872	432	125 318
2	Белебеевский с г. Белебей	1867	254 839	67 815	4451	43	3	-	178 055
		1897	433 179	132 229	7913	194	989	99	283 929
3	Бирский с г. Бирск	1867	298 220	72 308	1262	21	1	27	164 843
		1897	497 696	152 806	2406	55	195	30	258 480
4	Златоустовский с г.Златоуст	1867	107 879	67 400	3144	86	347	3	36 890
		1897	185 498	117 505	6586	191	170	67	60 968
6	Стерлитамакский с г. Стерлитамак	1867	183 313	78 556	1993	38	65	5	101 961
		1897	327 382	165 308	7488	116	1679	82	152 586
5	Мензелинский с г. Мензелинск	1867	257 171	110 256	172	36	27	11	144 126
		1897	379 981	161 431	742	39	23	23	214 425
	Итого по губернии	1867	1 297 577	502 414	13 350	378	551	167	710 905
		1897	2 196 642	961 727	34 011	1288	4926	733	1 095 706
	Оренбургская губерния								
1	Оренбургский с г. Оренбург, с г. Илецкая защита	1867	253 323	180 075	5655	147	283	355	66 182
		1897	555 653	422 175	17 720	1779	4181	130 1	108 472
2	Верхнеуральский с г. Верхнеуральск	1867	124 163	74 063	254	4	7	29	49 667
		1897	223 245	156 192	1103	109	208	64	65 552
3	Орский с г.Орск	1867	108 504	27 615	850	11	33	28	79 897
		1897	206 944	99 173	4731	79	36	38	102 881
4	Троицкий с г.Троицк	1867	95 872	78 788	3119	28	43	73	13 733
		1897	201 231	160 658	8918	183	288	234	30 944
5	Челябинский с г. Челябинск	1867	258 842	210 219	7017	68	8	35	41 323
		1897	413 072	336 674	17 512	647	183	358	57 694
	Итого по губернии	1867	840 704	570 760	16 895	196	374	520	250 802
		1897	1 600 145	1 174 872	49 984	2797	4896	199 5	365 543
	В целом по региону	1867	2 138 281	1 073 174	30 245	574	925	687	961 707
		1897	3 796 787	2 136 599	83 995	4085	9822	272 8	1 461 249

Источник: таблица составлена авторами на основе обработки данных: «Движение населения в Европейской России за 1867 год. Статистические таблицы, обработанные в Центральном Статистическом Комитете Министерства Внутренних Дел». СПб., 1872. С.

58-59, 66-67; Первая всеобщая перепись населения Российской Империи. 1897 год. Оренбургская губерния. СПб., 1904. Т.28. С. 2, 3, 54, 55; Уфимская губерния. СПб., 1904. Т.45. Тетр.1. С. 38-57. Тетр.2. С. 2-3.

Source: the table was compiled by the authors on the basis of data processing: "The population movement in European Russia in 1867. Statistical tables, processed in the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs". St. Petersburg, 1872. Pp. 58-59, 66-67; The first general census of the Russian Empire in 1897. The Orenburg province. St. Petersburg, 1904. Vol.28. Pp. 2, 3, 54, 55; Ufa province. St. Petersburg, 1904. Vol.45. Tetr.1. Pp. 38-57. Tetr.2. Pp.2-3.

Табл. 2. Соотношение национального состава духовенства всех христианских вероисповеданий в Среднем Поволжье и Южном Приуралье в конце XIX в.

Table. 2. Correlation of the national composition of the clergy of all Christian faiths in the Middle Volga and Southern Urals at the end of the 19th century.

		Казанская		Симбирская		Самарская		По Ср. Поволжью		Оренбургская		Уфимская		По Юж. Уралу	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
1	Все духовенство с членами семей	9598	100	8695	100	10638	100	28931	100	5863	100	4426	100	10289	100
2	Русские	9492	98,9	8592	98,8	10282	96,6	28366	98,0	5806	99,0	4277	96,6	10083	98,0
3	Украинцы	1	0,01	-	-	39	0,37	40	0,14	38	0,65	1	0,02	39	0,40
4	Беларусы	-	-	16	0,18	-	-	16	-	1	0,01	9	0,20	10	0,09
5	Поляки	2	0,02	2	0,02	2	0,02	6	-	-	-	1	0,02	1	-
6	Литовцы и латыши	-	-	-	-	4	0,04	4	-	-	-	-	-	-	-
7	Немцы	30	0,31	4	0,05	98	0,92	132	0,52	-	-	-	-	-	-
8	Евреи	1	0,01	-	-	-	-	1	-	1	0,01	-	-	1	-
9	Вотяки	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	0,02	1	-
10	Мордва	10	0,1	13	0,15	88	0,82	111	0,40	8	0,14	3	0,07	11	0,1
11	Черемисы	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	0,07	3	-
12	Татары	46	0,48	5	0,05	47	0,44	98	0,33	1	0,01	77	1,74	78	0,76
13	Башкиры	6	0,06	-	-	8	0,07	14	-	-	-	4	0,09	4	-
14	Чуваши	7	0,07	62	0,71	56	0,52	125	0,43	-	-	49	1,1	49	0,48
15	Тептяры	-	-	-	-	6	0,06	6	-	-	-	-	-	-	-
16	Других нацстей	3	0,03	-	-	8	0,07	11	-	8	0,14	1	0,02	9	0,08

Источник: таблица составлена авторами на основе обработки данных: Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Казанская губерния. СПб, 1904. Т.14. С. 2, 3, 108-181; Симбирская губерния. СПб., 1904. Т.39. С. 162-165; Самарская губерния. СПб., 1904. Т.28. С. 158; Уфимская губерния. СПб., 1904. Т.45. С. 96, 97, 182, 183.

Source: the table was compiled by the authors on the basis of data processing: The First General Population Census of the Russian Empire in 1897 Kazan province. St. Petersburg, 1904. T. 14. Pp. 2, 3, 108-181; Simbirsk Province. SPb., 1904. T.39. Pp. 162-165; The Samara province. SPb., 1904. T.28. P. 158; Ufa province. SPb., 1904. T.45. Pp. 96, 97, 182, 183.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Касьянов В.В., Петров В.И. Социально-политическая характеристика российского общества XIX века (попытка макроисторического анализа) // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - Т. 9. - № 1-1. - С. 108-113. . DOI: http://dx.doi.org/10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-108-113
2. Гончаренко Л.Н. Города Среднего и Нижнего Поволжья во второй половине XIX века (социально-экономические исследование). - Чебоксары, 1995. - С. 180.
3. Петров В.И. Население Среднего Поволжья и Южного Приуралья во второй половине XIX века. - Оренбург, 2005. - 267 с.; Вся Россия. - СПб., 1898. - Т.1. - С. 86.
4. Петров В.И. Духовенство Среднего Поволжья и Южного Урала в пореформенный период // Теория и практика общественного развития. - 2010. - № 4. - С. 230-233.
5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. - СПб., 1904. - Т. 45. - С. 92-94.
6. Там же. Казанская губерния. - СПб., 1904. - Т.14. - С. 101.
7. Гончаренко Л.Н. Указ. соч. - С. 156.
8. Государственный архив Оренбургской области (далее - ГАОО) Ф.174. Оп.1. Д.345. Л.72.
9. Свод законов Российской империи (далее - СЗРИ). Изд. 1857. Законы о состояниях. - СПб., 1857. - Т. 9, ст. 284.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Уфимская ния. - СПб., 1904. - Т. 45. - С. 182, 183.
11. Российский государственный исторический архив (далее - РГИА). Ф.796. Оп.442. Д. 889, 943, 1009, 1038, 1143, 1194, 1246, 1295; Ф.804. Оп.1. Д.26.
12. Подсчеты авторов на основе данных Первой всеобщей переписи населения 1897 г. Казанская губерния. - СПб., 1904. - Т. 14. - С. 178,179; Симбирская губерния. - СПб., 1904. - Т. 39. - С. 108, 109.
13. Там же. Самарская губерния. - СПб., 1904. - Т. 36. - С. 118-119; Государственный архив Смоленской области (далее - ГАСО). Ф.171. Оп.8. Д.344. Л.3.
14. Подсчеты авторов на основе данных Первой всеобщей переписи населения 1897 г. Оренбургская губерния. - СПб., 1904. - Т. 28. - С. 118,119; Уфимская губерния. - СПб., 1904. - Т. 45. - С. 92, 93.
15. Там же. - С. 93.
16. СЗРИ, изд. 1857. Законы о состояниях. - СПб., 1857. - Т. 9. - С. 290.
17. Там же.
18. Там же.
19. ГАОО. Ф.11. Оп.5. Д.10/а. Л.24.
20. ГАОО. Ф.11. Оп.2. Д.1043. Л. 1, 1 об., 2.
21. Никольский С.С. 50-летний юбилей Оренбургской епархии (1859-1909 гг.) // Оренбургские епархиальные ведомости. - 1909. - № 21.
22. Производительные силы России. - СПб., 1896. - Отд. 19. - С. 42-43.
23. Молодость древнего города. - Казань, 1978. - С. 88.
24. Сулейманова Л.Ш. История становления и развития национальных общеобразовательных школ и педагогических учебных заведений в Башкортостане. - Уфа, 2000. - С. 137.
25. Молодость древнего города. - Казань, 1978. - С. 88.
26. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Самарская ния. - СПб., 1904. - Т. 36. - С. 36, 37. Подсчеты автора.
27. Там же. Оренбургская губерния. - СПб., 1904. - Т. 28. - С. 52, 53; Уфимская губерния. - СПб., 1904. - Т. 45. - С. 42-44. Подсчеты автора.

REFERENCES

1. Kasyanov V.V., Petrov V.I. Socialno-politicheskaya xarakteristika rossijskogo obshhestva xix veka (popytka makroistoricheskogo analiza). [Kasyanov V. V., Petrov V. I. the Socio-political characteristics of the Russian society of the XIX century (trying macrohistorical analysis]. Historical and Social Educational Idea 2017. T. 9. No. 1-1. P. 108-113. DOI: http://dx.doi.org/10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-108-113 (in Russian)
2. Goncharenko L.N. Goroda Srednego i Nizhnego Povolzhya vo vtoroj polovine xix veka. [Goncharenko L.N. The city's Middle and Lower Volga in the second half of the XIX century]. A socio-economic study. Cheboksary, 1995. P. 180.. (in Russian)
3. Petrov V.I. Naselenie Srednego Povolzhya i Yuzhnogo Priuralya vo vtoroj polovine xix veka. [Petrov V. I. population of the Middle Volga and the southern Urals in the second half of the XIX century]. Orenburg, 2005. 267 p.; the Whole of Russia. SPb., 1898, vol. 1. P. 86. (in Russian)
4. Petrov V.I. Duhovenstvo Srednego Povolzh'ya i YUzhnogo Urala v poreformennyj period. [The clergy of the Middle Volga and southern Urals in the post-reform period]. Theory and practice of social development. 2010. No. 4. pp. 230-23]3. (in Russian)
5. Pervaya vseobshhaya perepis naseleniya rossijskoj Imperii 1897 g. [The first General census of the Russian Empire in 1897], St. Petersburg 1904. V. 45. P. 92-94. (in Russian)
6. Ibid. - Kazan province. SPb., 1904, vol. 14. P. 101.. (in Russian)
7. Goncharenko L.N. «goroda srednego i nizhnego povolzhya vo vtoroj polovine xix veka» [Goncharenko L. N. "The city's Middle and Lower Volga in the second half of the XIX century"]. Economic and Social research, Cheboksary, 1995. P. 156. (in Russian)
8. GAOO, f. 174, op. 1, d. 345, l. 72.
9. SZRI. izd. 1857. zakony o sostoyaniyax. [SSRI. Ed. 1857. The laws of the Statesъ]. SPb., 1857. Vol. 9, article 284. (in Russian)
10. Pervaya vseobshhaya perepis naseleniya rossijskoj Imperii 1897 g. Ufimskaya guberniya. [The first General census of the Russian Empire in 1897 Ufa province]. SPb., 1904. Vol. 45. Pp. 182, 183. (in Russian)
11. RGIA, f. 796, op. 442, DD. 889, 943, 1009, 1038, 1143, 1194, 1246, 1295; f. 804, op. 1, f. 26. (in Russian)
12. Podschety avtorov na osnove dannyx pervoj vseobshhej perepisi naseleniya 1897 g. Kazanskaya guberniya. [The estimates of the authors based on data from the First General population census of 1897, Kazan province.] SPb., 1904. Vol. 14. pp. 178,179, Simbirsk province. SPb., 1904. V. 39. P. 108, 109. (in Russian)
13. Ibid. - Samara region, St. Petersburg, 1904. Vol. 36. pp. 118-119; GASO, f. 171, op. 8, d. 344, l. 3. (in Russian)
14. Podschety avtorov na osnove dannyx pervoj vseobshhej perepisi naseleniya 1897 g. Orenburgskaya guberniya. [The estimates of the authors based on data from the First General census of 1897 the population of the Orenburg province]. SPb., 1904. V. 28. Pp. 118,119; Ufa province; SPb., 1904. V. 45. P. 92, 93. (in Russian)
15. Ibid., p. 93. (in Russian)
16. SSRI, ed. 1857. The laws of the States. SPb., 1857. V. 9. S. 290. (in Russian)
17. Ibid. (in Russian)
18. Ibid. (in Russian)
19. GAOO, f. 11, op. 5, D. 10 and L. 24.. (in Russian)
20. GAOO, f. 11, op. 2, d. 1043, l. 1, 1., 2.. (in Russian)
21. Nikolskij S.S. 50-letnij yubilej Orenburgskoj eparxii (1859-1909 gg.). [Nikolsky S. S. 50th anniversary of the Orenburg diocese (1859-1909.)]. The Orenburg diocesan Bulletin. 1909. N. 21. (in Russian)
22. The productive forces of Russia. SPb., 1896. Otd. 19. - P. 42-43. (in Russian)
23. The youth of the ancient Kazan, 1978. -P. 88. (in Russian)
24. Sulejmanova l.sh. istoriya stanovleniya i razvitiya nacionalnyx obshheobrazovatelnyx shkol i pedagogicheskix uchebnyx zavedenij v Bashkortostane. [Suleymanova L. S. History of the formation and development of national schools and educational institutions in Bashkortostan]. Ufa, 2000. P.137. (in Russian)
25. The youth of the ancient city. Kazan, 1978. P. 88. (in Russian)
26. The first General census of the Russian Empire in 1897 Samara province. SPb., 1904 P. 36, 37. Author's calculations. (in Russian)

27. Ibid. Orenburg province. SPb., 1904. - T. 28. Pp. 52,53; Ufa province. SPb., 1904. - T. 45. - P. 42-44. Author's calculations. (in Russian)

Информация об авторах:

Касьянов Валерий Васильевич, доктор исторических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
culture@kubsu.ru

Петров Владимир Иванович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
history1380@mail.ru.

Получена:07. 08. 2017

Для цитирования: Касьянов В.В., Петров В.И. Православное и исламское духовенство Южного Урала и Среднего Поволжья во второй половине XIX века. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 2. с.31-39.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-31-39.

Information about the authors:

Valery V. Kasyanov, Doctor of Historical Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of Department of Russian History, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
culture@kubsu.ru

Vladimir I. Petrov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
history1380@mail.ru

Received: 07. 08. 2017

For citation: Kasyanov V.V., Petrov V.I. Orthodox and islamic clergy of the Southern Ural AND Middle Volga in the second half of the XIX century. Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 2. Pp. 31-39.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-31-39. (in Russian)

УДК 94 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-40-47

ЛАПТЕВА Елена Васильевна
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
г. Москва, Россия
ella-7@yandex.ru

Elena V. LAPTEVA
Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russia
ella-7@yandex.ru

АМЕРИКАНСКОЕ РОССИЕВЕДЕНИЕ: ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

Статья посвящена проблеме формирования образа России в американском россиеведении. Образ России еще не рассматривался с позиций формирования его на основе устойчивых стереотипов восприятия. Впервые анализируются основные составляющие образа России с точки зрения стереотипного восприятия. Особое внимание уделяется проблеме эволюции образа России в США, его отдельным составляющим (стереотипам), исследуется их происхождение. Автор обратился к массиву американской исторической и общественно-популярной литературы - работам специалистов-россиеведов, журналистов, пишущих о России, литературоведов и искусствоведов (Р. Лакера, А. Даллина, А. Роува. Ш. Фицпатрик, Дж. Гамбрелла и т.д.). Автор приходит к выводу, что образ России в США имеет как естественное (основанное на национальном противопоставлении и менталитете) происхождение, так и искусственное (специализированное акцентирование особых черт России и русского национального характера специалистами-россиеведами и советологами). В настоящее время большую роль играют стереотипы «чуждости» и «враждебности», сформированные в американском россиеведении в более ранний период (в 1970 - начале 1990-х гг.). С охлаждением отношений России и США, с введением санкционной политики эти стереотипы были реанимированы и призваны снова наполнять современный образ России; сформировались новые специальные термины - «путинизм», «мягкая сила России» и т.д. В этих условиях поднятие вопроса об основе подобных воззрений, психологических составляющих современного образа России представляется актуальным.

Ключевые слова: россиеведение, стереотипы, советология, образ России

AMERICAN RUSSIAN STUDIES: FORMATION OF SCIENTIFIC STEREOTYPES

The article is devoted to the problem of formation of image of Russia in American Russian studies. The image of Russia has not been considered from the standpoint of forming it on the basis of steady stereotypes of perception. For the first time analyzed the main components of the image of Russia from the point of view of stereotyping. Special attention is paid to the problem of evolution of Russia's image in the U.S., its individual components (stereotyping), and explores their origin. The author appealed to the array of American historical and socio-popular literature - the works of specialists in Russian studies, journalists writing about Russia, literature and art (R. Laker, A. Gallina, A. Rove. S. Fitzpatrick, G. Gambrell, etc.). The author comes to the conclusion that the image of Russia in the United States has both natural (based on national opposition and mentality) origin, and artificial(special emphasis the special features of Russia and Russian national character professional Sovietologists and Russian studies). Currently, a large role is played by stereotypes of "otherness" and "hostility" formed in American Russian studies in the earlier period (1970s. - present 1990s.). With the cooling of relations between Russia and the United States, with the introduction of the sanctions policy, these stereotypes have been revived and are designed to refill the modern image of Russia; formed a new special term - "Putinism", "soft power of Russia", etc. In these conditions, raising the question of the basis of such beliefs, the psychological components of a modern image of Russia is very important.

Keywords: Russian studies, stereotypes, West Sovietology, image of Russia

Многие представления современного человека основаны на стереотипах. В значительной степени стереотипы распространены в представлениях этнического характера. Под стереотипом понимаются устойчивые, регулярно повторяющиеся формы поведения. Стереотип рассматривается как специфическая схема человеческого сознания, «экономящая» мышление (Липпман; Lippman W.) [18], которая проявляется в определенных нормах его поведения; они имеют тенденцию в целях защиты интересов собственного класса и группы увеличивать разрывы между противоположными группами и классами в социуме и сокращать различия между членами одной и той же социальной группы. Это своего рода шаблоны, штампы, образцы поведения, принятые в той или иной культуре [2, с. 5]. Согласно О. Клайнбергу (Klineberg O.) [16], стереотип содержит зерна истины. Этим положением впоследствии воспользовались западные специалисты, активно участвующие в создании образов иностранных государств. Это касается в первую очередь образа

России в США, в создание которого немалый вклад вложили специалисты-советологи и россиеведы.

Пути формирования стереотипов, по мнению Ю.И. Игрицкого, специалиста в области исследования американского россиеведения, идут по трем основным направлениям. Первое из них - простейшее - элементарное человеческое общение, «гуманитарный обмен»; второе - влияние элиты (вождей, монархов, пастырей) на менталитет масс через проповеди, законы, наставления, указы; третье - массовая пропаганда, характерная для новейшего времени с возможностями воздействия на большие группы населения [4, с. 72-82].

Важным, кроме поиска путей формирования стереотипов, является определение основы, на которой формируются стереотипы. Думается, что ценностные характеристики играют определяющую роль в этом процессе. В американской историографии отражается спектр стереотипов восприятия, который имеется у представителей американской нации. В основе американского менталитета лежат несколько главных представлений, которые способствуют формированию стереотипов. Каждое из этих представлений обладает определенной характеристикой. Среди них, например, представление об американской нации как миссионере западного мира, его главе и наиболее важной составляющей части. В основе данного представления - цивилизационная характеристика.

Рационализм, который выдвигается вперед в оценочных суждениях американскими учеными-россиеведами, также является ценностной характеристикой, как и выделение морально-культурных норм на основе христианской религии. Все, что не подпадает под эти критерии, в работах американских специалистов зачастую поддается сомнению; чужие национальные культурные, религиозные ценности признаются второстепенными и малозначимыми. Так рождаются основные параметры образа, в том числе образа России.

В американском россиеведении, как и в предыдущем, очень схожем учении советологии (наполненной в основном политологическим изучением России), можно выделить научные, абстрагированные от основных научных теорий и концепций стереотипы сознания, которые участвуют в составлении общего образа России в США.

При формировании образа России в американской научной литературе в первую очередь присутствовали теории европоцентризма и американской исключительности. Они задали особый тон: комплекс черт, которыми наделяется Россия, носит в основном негативный, враждебный характер. Это категоричные стереотипы.

Характерным в силу своей распространенности стереотипом в американской россиеведческой литературе является стереотип отсталости нашего общества и культуры. Господство официальной идеологии, цензуры и тотальный авторитаризм российского государства послужили, с усиленно тиражируемой точки зрения западных исследователей, залогом отсталости в развитии России в досоветское, советское и постсоветское время. Конкретно советскую отсталость западные ученые-русисты ассоциируют с закрытостью. Это принято связывать с верностью тоталитарным идеалам и азиатской сущностью (М. Уолкер; Walker M.) [29, p. 170-171].

Подчеркивается культурная изоляция России и Запада. Отсутствие модернизации, по мнению западных исследователей, объяснялось также не только всевластием советского (российского) государства, но и особым настроем русской души, особенностями русского национального характера, отсутствием опыта западной демократии. Этого мнения, в частности, придерживались А. Улам, Н. Рязановский, Д. Тредголд (Ulam A., Riasanovsky N., Tredgold D.) и ряд других авторов. А.Я. Блинкин, который анализировал в своей статье содержание американского специализированного россиеведческого журнала «Критика», писал, что для его авторов - Р. Пайпса, П. Кенеза. Р. Дэниелса (Pipes R., Kenez P., Daniels R.) и других - наша страна видится «царством вечной отсталости» [3, с. 162-167]. Отставание России в развитии от Запада проявляется, по мнению американских русистов, и в культуре (Р. Стайтс; Stites R.) [27, p. 148].

Западные, в том числе и американские, ученые считали, что причиной отсталости России в первую очередь является задержка технического прогресса и политические про-

счеты; они желали успеха действиям М.С. Горбачева (Н. Гросс; Gross N.) [6, с. 124], но констатировали пристрастие русских к старым ценностям и нежелание модернизироваться.

Убеждение в отсталости равно советского и постсоветского общества и культуры характерно как для представителей академического россиеведения, так и для специалистов-литературоведов, политологов, социологов, журналистов. Грамотно сформулированное и подтвержденное фактами из русской средневековой и современной истории, цифровыми данными убеждение в российской отсталости принимает форму научной традиции, выраженной словами россиеведов.

Отсталость российского общества в американском менталитете связана с азиатскими характеристиками; одной из таких почитается жестокость. Жестокость рассматривается западными наблюдателями как качество, издавна присущее русскому человеку (Н. Райс; Ries N.) [24, p. 77]. В монографии, посвященной исследованию русского национального характера и сознания, Р. Хингли (Hingley R.) приводит слова, часто повторяющиеся в русской жизни (анализ сделан на основании изучения русской классической литературы XIX в.): власть, нагайка, кандалы и т.п. [12].

Американские исследователи считали, что причина жестокости кроется в особой системе ценностей русского общества. Ф. Маклеан (Maclean F.) в работе «Holy Russia: A First companion to Europe Russia» высказал мнение, что «слабость является чем-то, что русские презирают. Силу они понимают и восхищаются» [20, p. 325]. По мнению Р. Дэниелса (Daniels R.), причины русской жестокости и агрессивности кроются в культурной несамостоятельности, что компенсируется особой агрессивностью [10]. Об этом же говорит и Э. Робертс (Roberts E.) [25, p. 5]. Американские специалисты связывают вместе такие понятия, как жестокость и агрессивность, которая, по их мнению, находит выход в особой политике государства

Для американских ученых жестокость - это прежде всего следствие тоталитарного правления, некий вид государственной жестокости по отношению к гражданам СССР. О репрессиях тоталитарного государства писалось в труде Дэниелса «Is Russia Reformable? Change and Resistance from Stalin to Gorbachev» [10, p. 106-111]. Дж. Кип в работе «Last of the Empire: A History of Soviet Union, 1945-1991» [14, p. 129, 274]. Существование культа жестокости в современной России вызывает особую озабоченность и пристальное внимание американских авторов. Об этом пишет Р. Стайтс (Stites R.), который отмечает быстрый рост «гангстерских синдикатов» и особой «гангстерской культуры» [27, p. 189-200]. Образ жестокого русского человека, всегда готового к агрессии и нападению, прочно закрепился в американском сознании.

Агрессия и жестокость россиян в американской историографии связывается с тягой к завоеваниям, формируя стереотип русского колониализма. Вера в то, что Россия (СССР) отличалась воинственностью, постоянной тягой к завоеваниям и колониализмом, распространена у западных русистов и является сложившимся стереотипным убеждением, отраженным в их исследованиях. В издании Х. Ишама (Isham H.), вице- президента исследовательского института Восток-Запад, указывалось, что русские «инстинктивно испытывают стремление к расширению и милитаризму» [13, p. 5]. Подобная идея присутствует в сборнике «Soviet Society and Culture», а также в работах Р. Пайпса (Pipes R.). «Захватнические устремления» России многие американские исследователи склонны были объяснять растущей военной мощью, которую нужно было «реализовывать». Эта мысль присутствует в работах С. Бялера (Bialer S.) [8], Т. Нэйлора (Naylor T.H.) [22], Р. Дэниелса (Daniels R.) и др. Одной из сторон захватнической политики, по их мнению, является русский колониализм. Ф. Тудман (Tudman F.) считал, что расцвет русского колониализма начинается с 1812 г. и продолжается в советское время, используются силы Советской армии во имя «экспансии русской империи» [28, p. 199-200]. Известный в США россиевед, преподаватель Бирмингемского университета Дж. Смит (Smith J.) считал экспансию старой «русской традицией» [26, p. 262].

Причины резкого осуждения американскими авторами российского (советского) «колониализма» и внешней политики, за которой, как считали многие комментаторы, кроется русское извечное стремление к расширению, прокомментированы в работе Ю.

Игрицкого «Россия и Запад». Он писал: «…корень глубинного негативизма Европы … по отношению к России - боязнь поглощения Европы (как сосредоточия западного мира) Россией (как сосредоточием Евразии), чьи ценности в большей степени расходятся, чем сходятся с западными ценностями» [4, с. 72]. Американскими же авторами, кроме всего прочего, двигало извечное чувство соперничества одной великой державы с другой, опасение российского превосходства - если не экономического и политического, то превосходства военного, доказанного путем захвата новых территорий.

Как некоторый отголосок этого концепта в американском россиеведении присутствует стереотипное убеждение в русской гигантомании. Русские не знают меры: тяга к огромным захватам, необъятность территории в итоге бесконтрольного расширения постепенно породили любовь ко всему, что превосходит стандарт - эта мысль присутствует в работах американского россиеведения. Россиеведы ищут признаки русской гигантомании во всем, порой находя для подтверждения своего убеждения неожиданные ракурсы (Р.В. Мэтьюсон, Э. Робертс, Дж. Смит; Mathewson R.W. Jr., Roberts E., Smith J.). Огромное государство и большая армия являются в глазах американских авторов аргументом в защиту идеи о неразумном стремлении русских к гигантомании. Эта идея характерно проявляется в словах Р. Пайпса (Pipes R.). Он писал: «Русские прославляют тот факт, что они обладают огромным государством и армией, вызывающей страх иностранцев. Это чувство … может быть для них компенсацией за ощущение обыденности, которое появляется у них при сравнении России с Западом» [in:13, p. 5]. Любопытные исторические ассоциации имеются в работе Дж. Биллингтона «Icon and Axe» (James Hadley Billington), где он подчеркивает тягу русских к образованию огромных проектов (или участию в них). Стереотипное убеждение в русской гигантомании является характерной составляющей образа России; это своеобразный маркер, подчеркивающий коренное отличие России (СССР) от западного мира.

Американские россиеведы активно работают над образом России как азиатской державы, где, по их мнению, важны хитрость, лукавость, ложь. Лучше всего характеристика скрытности озвучена в работе американских журналистов Д. и Ф. Кун (Kuhn F,. Kuhn D): «Хотя российским символом всегда был медведь, имидж моллюска подходит ей больше. Даже когда она расширяла свою территорию, Россия закрывала свою раковину. Иногда раковина раскрывалась, впуская струйку движения людей, товаров и идей, затем закрывалась снова, отделив страну и людей от внешнего мира» [17, p. 14]. О русской тяге к секретности пишет Ф. Маклеан (Maclean F.) в работе «Holy Russia» [20, p. 321], Э. Робертс (Roberts E.) [25, p. 5, 19]. В работе «The New Image-Makers: Soviet Propaganda and Disinformation Today» указывается, что «традиционная секретность стала естественным фоном», отмечаются особые советские «враждебность и подозрение» [23, p. 36, 38].

По мнению многих американских русистов, русская скрытность, особенно в советское время, объяснялась особой изоляционистской политикой партии и правительства, которые стремились отгородить страну от влияния Запада. Р. Дэниелс (Daniels R.) пишет: «Официальная мания секретности блокировала обмен идей не только с внешним миром, но и внутри среды советских ученых» [10, p. 110]. Период перестройки и политика М.С. Горбачева, несмотря на некоторую эйфорию западных средств массовой информации и приветствия гласности, не изменили общего мнения исследователей-россиеведов по поводу общей изоляционистской политики советского государства. В коллективном исследовании «The New Image-Makers: Soviet Propaganda and Disinformation Today» отмечается, что «советский режим продолжает бояться, что открытое состояние позволит проникнуть западной идеологии с континента во внутреннюю жизнь советской страны вслед за изменениями» [23, p. 14]. Подобные идеи отражаются в работе «Culture and the Media in the USSR Today» и многих других.

Все вышеуказанные психологические концепты - суть определяющие характеристики азиатства, принадлежности к восточному миру. Сравнение России с азиатскими странами очень популярно в американской историографии. С. Бялер (Bialer S.) сравнивает Россию с Китаем эпохи культурной революции (речь идет о перестройке Горбачева как особой культурной политике) [8, p. 167]. Т. Мак-Даниел (McDaniel T.) также проводит

сравнение с Китаем, кроме того, он проводит параллели с исламским миром и Японией эпохи Мейдзи [19, p. 29, 38, 147]. С Японией Мейдзи сравнивает Россию Д. Браун (Brown D.) [9]. А.М. Хазанов (Khazanov A.M.) считает, что Россия (СССР) напоминает Оттоманскую империю [15, p. 239]. Аналогии с Оттоманской империей имеются также в работе Х. Рэгсдейла (Ragsdale H.) «The Russian Tragedy: The Burden of History», А. Янова (Yanov A.) [30]. Если провести некоторый контент-анализ, на первом месте по частоте употребления в работах американских исследователей стоит сравнение России с Китаем; на втором - с императорской Японией. Затем соответственно идет оттоманская Турция, Византия и Монголия.

Иногда западные авторы не говорят прямо о том, что Россия (СССР) - азиатская страна, но, опираясь на стереотипы, перечисляют качества, присущие российскому обществу и культуре, характеризующие их как восточные. В работе Э. Берри (Berry E.E.) «Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication» указываются следующие российские черты: «византийский формализм и ритуализм, восточная духовная покорность» [7, p. 45] - то есть те черты, которые невозможны при характеристике одной из стран Запада.

Американские авторы с долей иронии говорят о том, что Россия сама хотела бы считать себя европейской державой; с точки зрения Запада это не так. (Интересен факт, что большинство россиян действительно считают себя европейцами. По опросу общественного мнения, проведенному в России в 1995 г., только 17% опрошенных считают, что Россия ближе к Востоку, чем к Западу) [1, с. 203]. Иронию представителей Запада вызывает также евразийская теория, они полагают позицию быть мостом между Европой и Азией неискренней (Р. Хингли; Hingley R.) [12, p. 143-145].

В американской историографии присутствует стереотипное убеждение в лживости русского национального характера. С точки зрения западного россиеведения, лживость имеет разные концы: в советское время партия обманывала народ, который сам был рад обманываться. Американские ученые-россиеведы отдают должное советской пропагандистской машине в искусстве убедить народ. М. Ибон (Ebon M.) в исследовании «The Soviet Propaganda Machine» пишет, что задача советской пропагандистской машины - рождать мифы и это делается путем использования газет, цитирования «нужных» книг и через «агентов влияния» - журналистов, а также путем использования средств массовой информации [11]. Особенно это касалось формирования образа капитализма и внешней политики Запада. Об этом подробно рассказывается в работе «The New Image-makers: Soviet Propaganda and Disinformation Today» [23]. Постепенно вывод о присущей русскому человеку лживости, навыке обмана становился, не без помощи россиеведения, сформировавшимся и прочным стереотипом восприятия в сознании западного жителя.

Все вышеперечисленные стереотипы, присутствующие в работах американского россиеведения, можно объединить в группы, условно названные автором «стереотипы чуждости» и «стереотипы «враждебности». Они взаимосвязаны.

Обращение к этим стереотипам позволяет американским ученым смоделировать образ России как агрессивной страны, нацеленной на завоевание колоний, с отсталым, лживым, консервативным и религиозным обществом, уверенным в своей избранности - т.е. страной и народом, столь отличающимся от американской нации и США. В настоящее время идет оживление старых стереотипов. Россия набирает мощь, растет ее популярность в мире, и, чтобы не потерять завоеванные позиции, американские специалисты поднимают старые модели, основанные на привычных стереотипах восприятия. Изменяются лишь некоторые термины: появляются, в частности, такие определения, как «путинизм» и «мягкая сила России» (Russian soft pressing). Обращение к стереотипам в американском россиеведении особенно актуально в современный период, когда Запад окончательно утратил пакет методологических принципов, с помощью которых шло изучение славянского мира в целом и России, ее общества и культуры в частности.

На выводах и оценках западных исследователей сказывается разница менталитетов, убеждений, культурных норм. Многие оценки, выводы, характеристики были даны из-за непонимания и незнания языка, обычаев, нравов. Другие - из-за той или иной пред-

взятости, личного отношения или позиции, продиктованной классовой, политической или религиозной принадлежностью, вследствие разницы национальных обычаев и менталитета.

Стереотипы «чуждости» и «враждебности», имеющиеся в западном сознании и отраженные в работах американского россиеведения, не только подчеркивают цивилизационные отличия наших культур, разницу исторического опыта, но и призваны быть своеобразным оружием, доказательством в борьбе за мировое лидерство - политическое и духовное. Национальные оценки давно уже переросли рамки естественных психологических концептов и стали научной традицией. Научные стереотипы имеют тенденцию к стойкому сохранению, переходят из одной работы в другую, наследуются последующими поколениями исследователей. Стереотипы обладают неадекватной мерой обобщенности и в целях апологии собственной культурной и общественной модели имеют тенденцию увеличивать цивилизационные разрывы. Они обладают мощным эмоциональным воздействием и способностью сохраняться в неизменном виде в течение очень длительного отрезка времени. Сложная система взаимозависимости стереотипов, стереотипных убеждений и ассоциаций укрепляет конкретный (в основном негативный) образ, сформированный в сознании западного (американского) исследователя.

Стереотипы восприятия, имеющиеся в сознании западного исследователя, в своей характеристике несут и такой маркер, как сложность их четкого выделения и классификации. Налицо - смешение психологических признаков, социального поведения и культурных предпочтений. Тем не менее автор считает, что изучаемые явления - это именно стереотипы, так как выполняют четкую психологическую функцию - экономии мышления, обладают характеристикой твердости и малоизменяемости во времени.

Стереотипы восприятия, имеющиеся в обыденном сознании американского исследователя-россиеведа, - психологическое отражение апологии западного мира. Дальнейшее изучение и анализ в отечественной исторической науке стереотипов восприятия, сложившихся в сознании представителей западного общества и, в частности, исследователей-россиеведов, позволит во многом преодолеть границу непонимания, которая сложилась в отечественной и западной науке и политике, а также поможет укрепить процесс культурного взаимодействия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Андреев А.А. Мы и они // Обновление России. Трудный поиск решений. - Вып.4. - М.: Рос.ин-т соц. и нац. проблем, 1996.
2. Байбурин Л.К. Этнические стереотипы поведения. - Л.: ЛГУ, 1985. 241 с.
3. Блинкин А.Я. «Kritika» - американские исследования по истории СССР // Вопросы истории. - 1983. - №4. - С. 162-167.
4. Игрицкий Ю.И. Россия и Запад // Свободная мысль. - 2000. - №5. - С.72-82.
5. Нэйлор Т. Раскрытие закрытого общества // В. Швецов. С точки зрения Запада: Зарубежная общественно-историческая мысль об основных (переломных) этапах российской истории XX века. - М.: Изд-во РАГС, 1997. - 202 с.
6. Советская культура в эпоху перестройки: Сб. мат-лов бурж. печати. - М.: Прогресс, 1989. - 393 с.
7. Berry E.E. Transcultural Experiments Russian and American Models of Creative tion. - Baissingstoke (Hants).: McMillan, cop.1999. - 338 p.
8. Bialer S. The Soviet Paradox: External Expansion, Internal Decline. - L.: Taurus, 1986. - 391 p.
9. Brown D. Soviet Russian Literature since Stalin. - Cambridge: Camb. univ. press, 1978. - 394 p.
10. Daniels R.V. Is Russia Reformable? Change and Resistance from Stalin to Gorbachev. - Boulder, L.: Westview press, 1988. - 141 p.
11. Ebon M. The Soviet Propaganda Machine. - N.Y.: McGraw-Hill Book co, 1987. - 195 p.
12. Hingley R. The Russian Mind. - N.Y.:Screebner's, 1977. - 307 p.
13. Isham H. Remaking Russia: Voices from within. - Prague: Sharpe, 1995. - 330 p.
14. Keep J.L.H. Last Empire: A History of the Soviet Union, 1945-1991. - Oxford: Oxford Univ. Press, 1995. - 477 p.

15. Khazanov A.M. After the USSR: Ethnicity, Nationalism and Politics in the Commonwealth of Independent States. - Madison (Wisc).: Univ. of Wisconsin Press, 1995. - 311 p.
16. Klineberg O. The scientific study of national stereotypes // Unesco international social science billetin. - Vol.11. - P. 505.
17. Kuhn F,. Kuhn D. Russia on our Mind. - N.Y.: Laurel,1976. - 267 p.
18. Lippman W. Public opinion. - N.Y.-L.: McMillan, 1966. - 290 p.
19. McDaniel T. The Agony of the Russian Idea. - Princeton (N.J.): Prin. Univ. Press, 1996. - 201 p.
20. Maclean F. Holy Russia: A First Companion to Europ. Russia. - L.: Century, 1982. - 347 p.
21. Marsh R. History and Literature in Contemporary Russia. - Oxford: McMillan, 1995. - 289 p.
22. Naylor T.H. Gorbachev strategy. Origins the Closed Society. - Lexington (Mass.): Lexington books, 1988. - 253 p.
23. The New Image-Makers: Soviet Propaganda and Disinformation Today. - Wash.: Pergamon Press, 1988. - 262 p.
24. Ries N. Russian Talk: Culture and Conversation during Perestroika. - Ithaca: Corn univ.press,1997. - 220 p.
25. Roberts E. Glasnost: The Gorbachev's revolution. - L.: Hamish Hamilton, 1989. - 94 p.
26. Smith J. Beyond the Limits: The Concept of Space in Russian History and Culture. - Helsinki, 1999. - 276 p.
27. Stites R. Cultural History and Russian Studies // in: Beyond Soviet Stadies. - Wash.: Woodrow Wilson Center, 1995. - 269 p.
28. Tudman F. Nationalism in Contemporary Europa. - Boulder (Cal.): EEA, 1981. - 293 p.
29. Walker M. The Waking Giant: Soviet Union under Gorbachev. - L., etc.: Michael Joseph, 1989. - 282 p.
30. Yanov A. The Russian Challenge and the Year 2000. - N.Y., Oxford:Basil Blackwell, 1987. - XV1. - 302 p.

REFERENCES

1. 1.Andreev A.A. My i oni.[We and they] in Obnovlenie Rossii. Trudnii poisk reshenii. [Russia update. The difficult search for solutions].Vyp.4. Moscow: Publ.Ros.in-t sots. I nats.problem,1996. (in Russian)
2. 2.Bayburin L.K.Atnicheskii stereotypy povedeniya [Ethnic stereotypes of behavior] Leningrad: Publ. LGU,1985.241 p. (in Russian)
3. 3.Blinkin A.Ya. «KRITIKA» - Amerikanskie issledovaniya po istorii SSSR. [«KRITIKA»- American studies history of the USSR]. Voprosyi istorii. [Questions of history],1983. No. 4. Pp.162-167.
4. Igritskiy Yu. I. Rossiya i Zapad [Russia and the West]. Svobodnaya myisl.[Free thought],2000.No 5. Pp.72-82. (in Russian)
5. 5.Nailor T. Raskryitie zakryitogo obschestva[Disclosure of a closed society] in V. Shvetsov. S tochki zreniya Zapada: Zarubezhnaya obschestvenno-istoricheskaya myisl ob osnovnyih (perelomnyih) etapah rossiyskoy istorii XX veka.[V.Shvetsov. From the point of view of the West: International social and historical thought about the main (critical) stages of Russian history of the twentieth century]. Moscow:Publ. RAGS,1997. 202 p. (in Russian)
6. Sovetskaya kultura v epohu perestroyki: Sb-k mat-lov burzh. pechati. [Soviet culture in the era of perestroika. The collection of materials of the bourgeois press]. Moscow: Publ.Progress,1989. 393 p. (in Russian)
7. 7.Berry E.E. Transcultural Experiment: Russian and American Models of Creative Communication.-Baissingstoke (Hants).: McMillan,cop.1999. 338 p.
8. 8.Bialer S. The Soviet Paradox: External Expansion, Internal Decline.-L.:Taurus,1986. 391 p.
9. 9.Brown D. Soviet Russian Literature since Stalin.-Cambridge: Camb.univ.press,1978. 394 p.
10. 10.Daniels R.V. Is Russia Reformable? Change a. Resistance from Stalin to Gorbachev.-Boulder, L.: Westview press, 1988.141 p.
11. 11.Ebon M. The Soviet Propaganda Machine.-N.Y.: McGraw-Hill Book co, 1987. 195 p.
12. 12.Hingley R. The Russian Mind. N.Y.:Screebner's, 1977. 307 p.
13. 13.Isham H. Remaking Russia: Voices from within.-Prague: Sharpe,1995.330 p.
14. 14.Keep J.L.H. Last Empire: A History of the Soviet Union,1945-91.Oxford: Oxford Univ. Press,1995.477 p.
15. 15.Khazanov A.M. After the USSR: Ethnicity, Nationalism and Politics in the Commonwealth of Independent States.- Madison (Wisc). :Univ. Of Wisconsin Press,1995.311 p.
16. 16.Klineberg O. The scientific study of national stereotypes. Unesco international social science billetin. Vol.11.P.505.

17. 17.Kuhn F,. Kuhn D. Russia on our Mind. N.Y.: Laurel,1976.267 p.
18. Lippman W. Public opinion.-N.Y.-L.:McMillan,1966. 290 p.
19. 19.McDaniel T. The Agony of the Russian Idea .Princeton (N.J.):Prin.Univ.Press,1996. 201 p.
20. 20.Maclean F. Holy Russia: A First companion to Europ. Russia. L.: Century,1982. 347 p.
21. 21.Marsh R. History and Literature in Contemporary Russia. -Oxford:McMillan,1995. 289 p.
22. 22.Naylor T. H. Gorbachev strategy. Origins the Closed Society.-Lexington (Mass.): Lexington books,1988. 253 p.
23. 23.The New Image-Makers: Soviet Propaganda and Disinformation Today.-Wash.: Pergamon Press,1988. 262 p.
24. 24.Ries N. Russian Talk: Culture and Conversation during Perestroika. Ithaca: Corn univ.press,1997.220 p.
25. 25.Roberts E. Glasnost: The Gorbachev's revolution. L.:Hamish Hamilton,1989. 94 p.
26. 26.Smith J. Beyond the Limits: The Concept of Space in Russian History and Culture.-Helsinki,1999. 276 p.
27. 27.Stites R. Cultural History and Russian Studies. in: Beyond Soviet Stadies. - Wash.: Woodrow Wilson Center,1995. 269 p.
28. 28.Tudman F. Nationalism in Contemporary Europa.-Boulder(Cal.): EEA,1981.293 p.
29. 29.Walker M. The Waking Giant: Soviet Union under Gorbachev.-L., etc.:Michael Joseph,1989. 282 p.
30. Yanov A. The Russian Challenge and the Year 2000. N.Y., Oxford: Basil Blackwell, 1987-XV1, 302p.

Информация об авторе:

Лаптева Елена Васильевна, доктор исторических наук, профессор, Департамент экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия
ella-7@yandex.ru

Получена: 23.06.2019

Для цитирования: Лаптева Е.В. Американское Россиеведение: формирование научных стереотипов. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 2. с.40-47.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-40-47.

Information about the author:

Elena V. Lapteva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russia
ella-7@yandex.ru

Received: 23.06.2019

For citation: Lapteva E.V. American russian studies: formation of scientific stereotypes. Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 2. Pp. 40-47.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-40-47. (in Russian)

УДК 94(47).02 + 904 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-48-56

ЛАСТОВСКИЙ Геннадий Альбертович
Смоленский государственный университет
г. Смоленск, Россия
genlast@mail.ru

Gennady A. LASTOVSKIY
Smolensk State University
Smolensk, Russia
genlast@mail.ru

ГНЕЗДОВО И СМОЛЕНСК В КОНЦЕ IX-X ВВ.: НА ПУТИ К СМОЛЕНСКОМУ КНЯЖЕСТВУ

GNEZDOVO AND SMOLENSK AT THE END OF 9-10 CENTURIES: ON THE WAY TO THE SMOLENSKY PRINCIPLE

Статья посвящена проблеме взаимосвязи крупнейшего в Европе объекта материальной культуры конца IX - начала XI в. - Гнездовского археологического комплекса и летописного Смоленска. Актуальность исследования обусловлена остротой полемики между сторонниками теории «Гнездово - это летописный Смоленск» и их оппонентами, утверждающими, что Смоленск и Гнездово представляют собой два одновременно развивавшихся центра, выполнявших разные социально-исторические роли в регионе Верхнего Поднепровья и Подвинья. Автор проанализировал имеющиеся письменные источники по проблеме, сопоставив их с достижениями советской и российской археологии. В работе подвергнуты критическому осмыслению концептуальные положения, высказанные ранее в исследовательских работах. Это позволило в итоге прийти к выводу о бесперспективности статичного рассмотрения роли Гнездова в развитии общественных отношений на землях, занятых кривичским этно-территориальным образованием. Автор считает возможным утверждать, что гнездовский комплекс претерпел постепенную трансформацию из торгового поселения, схожего вначале со скандинавским виком, в погост, выполнявший уже функции административного и податного центра киевского князя посредством проживавшей в нем дружины. Эти изменения никак не укладываются в канву имеющихся нарративных свидетельств о Смоленске и подводят к мысли о сосуществовании двух центров - раннегородского территориально-административного (Гнездово), подчиненного Киеву, и кривичского догосударственного (Смоленск). Нарастающее их противостояние привело в XI в. к поглощению кривичского центра прокиевским и созданию на их базе княжеского наместнического Смоленска.

The article is devoted to the relationship of Europe's largest object of the material culture of the late 9 - early 11 centuries - Gnezdovo archaeological complex and the chronicle Smolensk. The relevance of the study is caused by the exigencies of controversy between the supporters of the theory "Gnezdovo is the chronicle Smolensk" and their opponents, claiming that Smolensk and Gnezdovo represent two simultaneously developing centres, executing different socio-historical roles in the region of the Upper Dnieper and Dvina. The author has analyzed the available written sources on the problem, comparing them with the achievements of Soviet and Russian archaeology. Conceptual positions expressed earlier in research work subjected in the paper to critical reflection. In the end, it allowed the author to conclude about the futility of a static consideration of the role of Gnezdovo in the development of public relations on the land occupied by the ethno-territorial formations of the krivichy. The author considers it possible to argue that the Gnezdovo complex has undergone a gradual transforming from trade settlements, similar initially with the Scandinavian Vik, in the pogost, carrying out the functions of the administrative and tax center of the Kyiv Prince by guards, living in it. These changes will not fit into the fabric of the existing narrative evidence about Smolensk and leads to the idea of the coexistence of two centers - the earlyurban administrative-territorial center (Gnezdovo), subordinate to Kiev, and the pre-state center of the krivichy (Smolensk). The growing confrontation between these centers resulted in the 11 century to absorb krivichsky center of the Pro-Kyiv center and the creation on their base of Smolensk governorship.

Ключевые слова: Гнездово, Смоленск, Древняя Русь, письменные источники, археологические исследования, концепции развития, путь «из варяг в греки», трансформация поселения

Keywords: Gnezdovo, Smolensk, Ancient Rus, written sources, archaeological research, concept development, route “from Varangians to Greeks”, transformation of settlement

Благодарность. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №16-21-04001.

Acknowledgement. The publication was prepared within research project supported by the Russian Foundation for Basic Research, No. 16-21-04001.

История научного изучения Гнездовского археологического комплекса насчитывает уже более 100 лет. Не менее внушительны по времени и попытки связать между собой

историю города Смоленска и крупнейшего объекта истории материальной культуры конца IX - начала XI в., находящегося в 15 км от центра города на месте современного микрорайона Гнездово. В 1902 г. свое мнение по этому поводу высказал автор известного сочинения, посвященного изучению курганных захоронений средневекового Гнездова, В.И. Сизов, заключивший, что «Гнездово… было погостом Смоленска, и что здесь, в Гнездове, с древних времен развивалась торгово-промышленная жизнь в то время, когда Смоленск был только острожком или крепостью, где сидел правитель («муж княжой»), ездивший на полюдье или принимавший дань или товар от окрестных мест» [35, с. 125]. Археолог не соглашается при этом с утверждением смоленского краеведа С.П. Писарева о нахождении города Смоленска в древности на том же месте, где он стоит и сегодня [28, с. 5], апеллируя к тому, что характер древних находок на территории города не имеет ничего общего с находками в Гнездове того же периода [35, с. 125-126].

Несколько иной точки зрения придерживался исследователь средневековых древностей А.А. Спицын, утверждавший, что древнее Гнездово - не просто погост Смоленска, но оно и есть сам летописный Смоленск, приобретший значение «лишь при установлении здесь транзитного пути между норманнами и хазарами» [36, с. 7] и только в период правления киевского князя Ярослава Владимировича (Мудрого) перенесенный на новое, современное место.

Довольно долгое время спицынская трактовка местонахождения древнего Смоленска была определяющей в отечественной исторической науке. Однако в 1950-е годы один из крупнейших советских археологов, послевоенный руководитель Гнездовской археологической экспедиции Д.А. Авдусин вернулся к теории одновременного существования двух поселений - Смоленска и Гнездова, по сути, реанимировав точку зрения В.И. Сизова: «Гнездовская курганная группа имеет ярко выраженный характер не сельского, а городского кладбища, причем кладбища крупного города. Значит, где-то рядом уже существовал крупный город, и этим городом был Смоленск» [1, с. 11]. А одну из глав цитируемой брошюры автор назвал «Гнездово - кладбище языческого Смоленска». В ней Д.А. Авдусин попытался объяснить причину удаленности курганного комплекса от местонахождения древнего Смоленска, предположив, что в Гнездове находилось племенное святилище смоленских кривичей [1, с. 14-15].

Свою точку зрения о сосуществовании двух населенных пунктов Д.А. Авдусин отстаивал и в конце 70-х годов прошлого столетия [3, с. 44-46], полемизируя с Л.В. Алексеевым, считавшим вслед за А.А. Спицыным Гнездово древним Смоленском [5, с. 88-91; 6, с. 143-144 («Летописи не знают Гнездова, потому что именуют его Смоленском!»)]. Аналогичного мнения Д.А. Авдусин придерживался и в одной из своих последних работ - вступительной статье в коллективном сборнике «Смоленск и Гнездово» [4, с. 8-9]. Хотя тогда высказывались и довольно осторожные суждения о недостаточности данных для решения вопроса о взаимоотношении Смоленска и Гнездова в период, предшествовавший первой половине XI в. [21, с. 34; 8, с. 14-15].

В конце 90-х годов XX в. профессор Смоленского государственного педагогического университета А.А. Кондрашенков, разделяя точку зрения Д.А. Авдусина, предложил считать Гнездово и Смоленск составными частями одной большой агломерации (так называемого «Смоленского региона»), взаимно дополнявшими друг друга [14, с. 14-15]. На одновременное существование двух центров, по его мнению, указывают находки монет и вещей IX-X вв. на территории современного Смоленска [14, с. 13].

Результаты раскопок, проведенных на территории, прилегающей к Соборному холму, в 2014 и 2016 гг. сотрудниками Института археологии РАН [16; 34], как бы то ни было укрепляют точку зрения сторонников одновременного существования Смоленска и Гнездова в конце IX-X вв.

Закономерно возникает вопрос о необходимости существования в непосредственной близости друг от друга двух населенных пунктов, один из которых назывался Смоленском. Используя имеющиеся письменные источники и в особенности вещественные, представленные в отличие от первых в гораздо более объемном виде, попытаемся опре-

делить место этих центров в системе социально-экономических отношений Верхнего Поднепровья.

В русских летописях сообщения о Смоленске IX-X вв. встречаются четырежды. Первое - в недатированной части Повести временных лет (ПВЛ), где говорится о кривичах, сидящих в верховьях Волги, Двины и Днепра, главным центром («градом») которых называется Смоленск [29, с. 10]. Следующее упоминание относится к 863 г., под которым в Устюжском летописном своде говорится о походе варягов Аскольда и Дира из Новгорода «ко Царюграду». Их путь пролегал мимо Смоленска, который они обошли стороной, «зане град велик и мног людьми» [31, с. 18, 56] (в ПВЛ этот поход датируется 862 г.). Третье сообщение относится ко времени похода князя Олега из Новгорода на Киев (882 г.), во время которого он подошел к Смоленску и заставил смолян признать его (в летописи - малолетнего сына Рюрика Игоря) своим правителем [29, с. 14; 31; с. 18, 57]. Четвертое упоминание значится под 989 г. (В ПВЛ - 988 г.), но относится к периоду после 1010 г. и касается перераспределения князем Владимиром Святославичем между сыновьями наместнических столов после смерти старшего сына Вышеслава (ум. 1010 г.). По новому раскладу смоленским наместником стал князь Станислав Владимирович [30, с. 57].

Еще одно упоминание «крепости Милиниска (Смоленска)» содержится в сочинении византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей», составленном между 948-952 годами [15, с. 44-45, о дате составления см. с. 5].

Все остальные материалы, доступные для исследователей, носят исключительно материальный, археологический характер.

По отношению к характеру Гнездовского поселения конца IX-X вв. в конце XX - начале XXI в. было высказано несколько версий, а именно: а) Гнездово - это «открытое поселение» с непостоянным составом населения, обслуживающее волок из Днепра в Двину и обеспечивающее функционирование местного торжища (В.А. Булкин, Г.С. Лебедев); б) Гнездово - это военно-дружинный погост-форпост Киева, выполняющий административно-фискальные функции, в первую очередь связанные с осуществлением полюдья в среде смоленских кривичей (В.Я. Петрухин); в) Гнездово - это племенной центр смоленских кривичей (Л.В. Алексеев); г) Гнездово - единственный раннегородской центр на территории Верхнего Поднепровья и Подвинья со сформировавшейся иерархией поселений конца I - начала II тыс. н.э. (Н.В. Ениосова, В.В. Мурашева, Т.А. Пушкина, В.С. Нефедов) [11, с. 260-265].

По поводу первых трех версий со стороны исследователей истории Верхнего Поднепровья и Подвинья высказывались различные критические замечания. Так, «открытый» характер поселения, по мнению Н.В. Ениосовой и Т.А. Пушкиной, плохо согласуется с системой укреплений Центрального городища [11, с. 261]. В то же время Т.А. Пушкина не отрицает неукрепленный характер первоначально небольшого по численности населения Гнездова на рубеже IX-X вв., подчеркивая, что «центральное городище как неукрепленная часть поселения складывается не ранее второй четверти X в.» [32, с. 9]. Отметим для себя это небольшое противоречие.

Колебания численности населения Гнездова, которые вслед за Д.А. Авдусиным [2] подчеркивает В.С. Нефедов [26, с. 281] исходя из особенностей географии и гидрографии военно-торговых путей, проходивших между средней Ловатью и верхним Днепром, вовсе не обязательно были характерны для так называемого позднего периода (с середины X в.) в истории археологического памятника. «Естественный и стабильный состав демографической структуры», прослеженный Ю.Э. Жарновым исходя из материалов некрополя [11, с. 261-262], как раз присущ именно этому временному отрезку функционирования гнездовского поселения. Это, как нам кажется, не может априори относиться к более раннему периоду. Отсюда и вполне обоснованное (применительно лишь к указанному времени) утверждение В.П. Даркевича о том, что Гнездово по ряду признаков (изложенных в работе Г.С. Лебедева [17, с. 105]) «сближается с центрами, известными под германским названием "вик"» [9, с. 49]. Г.С. Лебедев охарактеризовал их как места «дележа награбленной добычи, даней и выкупов, а также полученных в обмен на эти средства заморских

товаров» [17, с. 104], что, как видим, вполне может согласовываться с характером раннегнездовского поселения.

Здесь, как нам кажется, стоит упомянуть о результатах проведенных в 2015-2016 гг. на р. Западная Двина археологических раскопок современного поселения Кордон Шумилинского района Витебской области Республики Беларусь. Археологический комплекс находится примерно в 40 км на юго-восток от Полоцка. Материалы, полученные в результате проведенных исследований [18; 19], свидетельствуют о наличии в этом месте в IX - первой половине X в. объекта компактного проживания скандинавов, занимавшихся торговыми операциями с Хазарией (из Днепра в Волгу через Десну, Сейм, Оскол, Северский Донец, Дон) и Волжской Булгарией (из Днепра в Волгу через Десну и Оку) [20, с. 396; 7, с. 133], что подтверждается находками серебряных куфических монет [18, с. 123-126]. Это направление контактов варягов Кордона, как мы думаем, было определяющим, особенно для IX в., так как находки византийских монет единичны и относятся к первой половине X в. Это подтверждает высказанный Т.А. Пушкиной, В.В. Мурашевой и Н.В. Ениосовой тезис о неразвитости в основной период существования вновь открытого поселения скандинаво(русско)-византийской торговли [33, с. 269]. Комплекс у д. Кордон, вероятно, представлял собой в IX - начале X в. некое подобие вика и скорее всего во временном (но, конечно, не территориальном) отношении был предтечей раннего Гнездова конца IX - первой половины X в. И не он ли, в отличие от затаенного «в укромных речных излучинах» [12, с. 281] древнего Полоцка, с начала IX в. перекрывает в пределы Смоленского Поднепровья «движение балтского импорта по Западной Двине» [19, с. 58-59], (а, возможно, и влияет на торгово-экономические потенции жителей Полоцка [10, с. 8]). Ведь выявленные размеры комплекса Кордон намного превышают установленные границы полоцкого городища (всего 0,5 га).

Относительно вопроса о нижней дате существования гнездовского комплекса не лишним будет вспомнить летописный поход 882 г. князя Олега на Киев. Возможно именно он дал тот импульс, который привел к формированию на р. Свинец нового военно-торгового поселения скандинавов. Кстати, именно после этого похода (возможно, как один из его результатов) исследователями отмечается появление в окрестностях Киева кладов восточных монет, при том что «до начала X в. Киев располагался на периферии пути продвижения восточного серебра в Среднее Поднепровье» [7, с. 133].

Попытка рассмотрения Гнездова в качестве племенного центра кривичей (наиболее ярко присутствует в работах Л.В. Алексеева) не имеет под собой каких-либо веских оснований. Результаты археологических исследований не выявили на памятнике следов, подтверждавших существование в какой-нибудь временной отрезок его функционирования поселения культуры смоленско-полоцких длинных курганов (КСПДК) [25, с. 90]. Анализ деталей погребального обряда и сопутствующего инвентаря выявил наличие двух культурных традиций: определенно скандинавской и иной, не имеющей пересечений с раннекривичскими традициями захоронений в длинных курганах [13, с .6; 32, с. 7]. На различных участках поселения были обнаружены украшения и предметы, характерные для памятников ареала КСПДК, при практически полном отсутствии захоронений носителей этой культуры в гнездовском могильнике. Данный факт, по мнению исследователей, может свидетельствовать лишь о том, что сами эти украшения и предметы большей частью производились в Гнездове и сбывались (являлись предметами торговли) местному кривичскому населению [33, с. 257]. Вероятно, и самих носителей КСПДК привлекали к хозяйственно-ремесленной деятельности на поселении, но не хоронили, «поскольку они не обладали там полноправным статусом и не входили в состав раннегородской общины» [25, с. 101]. Ко всему прочему, необходимо добавить, что размеры и топография поселения в Гнездове к середине X в. никак не тянули на статус племенного центра-крепости, о чем указывал в уже упоминавшемся нами сочинении К. Багрянородный. Отсюда напрашивается вывод: Гнездово не могло быть летописным племенным центром смоленских кривичей. Для уточнения его местонахождения необходимо, как нам кажется, обратиться к положениям версии о Гнездове - дружинном административно-фискальном центре киевской власти в Верхнем Поднепровье.

Сторонники этой гипотезы утверждают, что центры, подобные Гнездову, были созданы как погосты-станы для дружины, собирающей дань, полюдье [27, с. 240], и центры административного управления в противовес, существовавшим в этих местах племенным центрам. Соответственно, курганные некрополи - это дружинные кладбища. Погосты, по мнению В.Я. Петрухина, соединяли в себе не только особенности скандинавских виков, но и хусабю - королевских усадеб, управлявшихся слугами конунга и предназначенных для сбора дани с местного населения [22, с. 68, 71]. Однако для конца IX - первой половины X в. говорить об этом, по нашему мнению, преждевременно. Нет никаких данных, свидетельствующих о наличии каких-либо черт хусабю в этот период существования гнездовского поселения. Вероятно, отношения между Киевом и Смоленском (находившимся, по мнению исследователей, поддерживающих теорию погостов, на своем нынешнем месте) в этот период строились не на принципах подчинения одного другому.

Когда же в таком случае Гнездово приобрело характер административно-фискального погоста? Об этом совершенно красноречиво говорят подмеченные еще в 90-х годах прошлого века факты, свидетельствующие о катастрофических изменениях в жизни обитателей поселения. В слоях, относящихся к 950-м годам, фиксируется масштабное пожарище («военный разгром Гнездова», сопровождавшийся «уничтожением высшего слоя гнездовской элиты» [26, с. 289]), которое не привело к исчезновению протогородского центра с чертами вика, но возобновило его жизнь на новом этапе при активном участии вновь прибывших поселенцев. На это указывают изменения в материальном облике, такие как появление камерного обряда погребения, «среднеднепровской» высококачественной круговой керамики, овручских пирофиллитовых пряслиц, ременных украшений «черниговской» школы [24, с. 194-195], то есть всего того, что было характерно для обитателей киевской округи. Кто-то из исследователей видит в этом результат деятельности княгини Ольги по установлению ею уроков и погостов в территориях, лежащих к северу от Киева [23, с. 399], кто-то - деятельность по установлению единовластного правления ее сыном Святославом [25, с. 105-106], но суть в том, что Гнездово именно с этого момента становится погостом, направленным в том числе и на постепенное лишение реальной власти над сельской округой элиты смоленского племенного центра. Этому способствовал и процесс изменения торговых путей маршрута «из варяг в греки», передвинувшихся выше по Днепру и сделавших естественно укрепленные смоленские холмы более привлекательными для функционирования крупного административно-экономического центра. Одновременно с этим усилившийся приток славянского населения с юга позволил развернуться активному процессу ассимиляции местных кривичей и коренному изменению характера материальной культуры Смоленского Поднепровья и Подвинья. Трансформации эти, как известно, завершились в первой половине XI в. формированием основ политико-административного устройства Смоленского княжества-наместничества как составной части Киевской Руси.

Таким образом, рассмотренные нами факты свидетельствуют о малоперспективности попыток установления однозначности характера функционирования гнездовского поселения на всем протяжении его истории. Особенности существования этого комплекса убеждают нас в том, что на разных этапах в развитии Гнездова доминировали разные социально значимые роли. Исходя из этого менялся и характер отношений между Гнездовом и Смоленском: от относительно мирного сосуществования к политической конфронтации и последующей трансформации в единый административно-политический и экономический центр Смоленской земли.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Авдусин Д.А. Возникновение Смоленска / Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1957. - 56 с.
2. Авдусин Д.А. Гнездово и Днепровский путь // Новое в археологии. Сб. ст., посв. 70-летию А.В. Арциховского. - М.: Изд-во МГУ, 1972. - 328 с.
3. Авдусин Д.А. О Гнездове и Смоленске / Д.А. Авдусин // Вестник Московского университета. - Серия 8. История. - 1979. - № 4. - С. 42-49.

4. Авдусин Д.А. Актуальные вопросы изучения древностей Смоленска и его ближайшей округи // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города) - М.: Изд-во МГУ, 1991. - 263 с.
5. Алексеев Л.В. О древнем Смоленске / Л.В. Алексеев // Советская археология. - 1977. - № 1. - С. 83-103.
6. Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX-XIII вв. // М.: Наука, 1980. - 264 с.
7. Андрощук Ф.А. Гнездово, Днепровский путь и финал Бирки // Гнездово: 125 лет исследования памятника. Тр. Государственного исторического музея. - М.: ГИМ, 2001. - Вып.124. - С. 126-133.
8. Булкин В.А., Лебедев Г.С. Гнездово и Бирка (к проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Посвящается 70-летию М.К. Каргера. - Л.: Наука, 1974. - С. 11-17.
9. Даркевич В.П. Происхождение и развитие городов древней Руси (X-XIII вв.) / В.П.Даркевич // Вопросы истории. - 1994. - № 10. - С. 43-60.
10. Дук Д.В. Полацк і Полацкая зямля у IX-X стагоддзях: вытокі беларускай дзяржаунасці // Беларускі гістарычны часопіс. - Мн.: Пачатковая школа. - 2013. - № 11. - С. 5-9.
11. Ениосова Н.В. Гнездово как раннегородской центр эпохи формирования древнерусского государства и некоторые вопросы его интерпретации / Н.В. Ениосова, Т.А. Пушкина // Древнейшие государства Восточной Европы: 2014 год: Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. - М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016 . - 640 с.
12. Еремеев И.И. Полоцкая земля // Русь в IX-X веках. Археологическая панорама. - М.; Вологда: Древности Севера, 2012. - С. 275-297.
13. Жарнов Ю.Э Погребальный обряд в Древней Руси по материалам гнездовского некрополя / Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / МГУ. Ист. факультет. - М., 1992. - 23 с.
14. Кондрашенков А.А. Смоленск и Гнездово: историография проблемы / Гнездово: история и современность. Материалы межвузовской научно-практической конференции. - Смоленск: СГПУ, 1998. - 123 с.
15. Константин Багрянородный. Об управлении империей. - М.: Наука, 1991. - Изд. 2-е, испр. - 496 с.
16. Кренке Н.А., Ершов И.Н. Смоленская экспедиция 2014 г. / [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.archaeolog.ru/?id=2&id_nws=290&zid_nws=9, свободный. (Дата обращения 12.06.2017).
17. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. - 287 с.
18. Левко О.Н. Кордон - новый памятник археологии эпохи викингов в Восточной Европе // Доклады Национальной академии наук Беларуси. - Мн.: ИД Белорусская наука, 2016. - Т. 60. - № 5. - С. 120-127.
19. Левко О.Н. Полоцкое княжество и Витебское Подвинье в эпоху викингов // Наука и инновации. - Мн.: ИД Белорусская наука, 2016. - № 11. - С. 57-62.
20. Леонтьев А.Е. Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII-X в. / А.Е. Леонтьев, Е.Н. Носов // Русь в IX-X веках. Археологическая панорама. - М.; Вологда: Древности Севера, 2012. - С. 383-401.
21. Ляпушкин И.И. Гнездово и Смоленск // Проблемы истории феодальной России / Сб. статей к 60-летию проф. В.В.Мавродина. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. - С. 33-37.
22. Мельникова Е.А. Формирование сети раннегородских центров и становление государства (Древняя Русь и Скандинавия) / Е.А. Мельникова, В.Я. Петрухин // История СССР. - М., 1986. - № 5. - С. 63-77.
23. Мурашева В.В. Актуальные проблемы исследования Гнездова // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. - М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2012. - С. 389-405.
24. Мурашева В.В. «Град велик и мног людьми». Некоторые итоги исследований Смоленской экспедиции Исторического музея // Государственный исторический музей и отечественная археология; к 100-летию отдела археологических памятников / Тр. Государственного исторического музея. - Вып. 201. - М.: ГИМ, 2014. - С. 187-202.
25. Нефедов В.С. Ранние этапы политогенеза на территории Смоленской земли (конец IX - первая половина XI в.) // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства / Сб. материалов междунар. науч. конф. (Вологда-Кириллов-Белозерск 6-8 июня 2012 г.). - Вологда: Древности Севера, 2012. - С. 89-113.
26. Нефедов В.С. Смоленское Поднепровье и Подвинье в период формирования Древнерусского государства по археологическим данным // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. - М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2012. - С. 270-298.

27. Петрухин В.Я. Русь в IX-X веках. От призвания варягов до выбора веры. - М.: Форум, Неолит, 2014. - 464 с.
28. Писарев С.П.. Княжеская местность и храм князей в Смоленске / Историко-археологическое исследование в связи с историей Смоленска. - Смоленск: Типо-литография Ф.В.Зельдович, 1894. - 305 с.
29. Повесть временных лет / Под. ред. В.П. Адриановой-Перетц. - СПб.: Наука, 1996. - Изд. 2-е. - 669 с.
30. Полное собрание русских летописей. - М.: Языки русской культуры. - Т.9. - Изд. 3-е. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. - 2000. - 288 с.
31. Полное собрание русских летописей. - Л.: Наука. - Т.37. Устюжские и вологодские летописи XVI-XVIII вв. - 1982. - 228 с.
32. Пушкина Т.А. Гнездово: итоги и задачи исследования // Гнездово: 125 лет исследования памятника. Тр. Государственного исторического музея. - М.: ГИМ, 2001. - Вып.124. - С. 4-10.
33. Пушкина Т.А. Гнездовский археологический комплекс / Т.А. Пушкина, В.В. Мурашева, Н.В. Ениосова // Русь в IX-X веках. Археологическая панорама. - М.; Вологда: Древности Севера, 2012. - С. 243-273.
34. Работы Смоленской экспедиции Института археологии РАН в 2016 г. / [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.archaeolog.ru/?id=2&id_nws=360&zid_nws=9, свободный. (Дата обращения: 12.06.2017).
35. Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска // Материалы по археологии России. - № 28. - СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1902. - 152 с.
36. Спицын А.А. Гнездовские курганы в раскопках С.И. Сергеева // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 15. - СПб.: Типография главного управления уделов, 1905. - С.6-70.

REFERENCES

1. Avdusin D.A. Vozniknovenie Smolenska. [The appearance of the Smolensk]. Smolensk: Smolenskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1957. 56 p. (in Russian)
2. Avdusin D.A. Gnezdovo i Dneprovskiy put'. Novoe v arkheologii. Sbornik statey posv. 70-letiyu A.V.Artsikhovskogo. [Gnezdovo and Dniper way. New in archaeology. Collection of articles dedicated to the 70th anniversary A.V.Artsikhovsky]. M.: Izdatelstvo MGU, 1972. 328 p. (in Russian)
3. Avdusin D.A. O Gnezdove i Smolenske. [About Gnezdovo and Smolensk]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya. No.4. 1979. Pp.42-49. (in Russian)
4. Avdusin D.A. Aktual'nye voprosy izucheniya drevnostey Smolenska i ego blizhayshey okrugi. [Current issues the study of antiquities of Smolensk and its nearest neighborhood]. Smolensk i Gnezdovo. M.: Izdatel'stvo MGU, 1991. 263 p. (in Russian)
5. Alekseev L.V. O drevnem Smolenske. [About the ancient Smolensk]. Sovetskaya arkheologiya. no.1. 1977. Pp.83-103. (in Russian)
6. Alekseev L.V. Smolenskaya zemlya v IX-XIII vv. [Smolensk land in IX-XIII centuries]. M.: Nauka, 1980. 264 p. (in Russian)
7. Androshchuk F.A. Gnezdovo, Dneprovskiy put' i final Birki. [Gnezdovo, Dnieper way and the ending of Birka]. Gnezdovo: 125 let issledovaniya pamyatnika. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. M.: GIM, 2001. Vyp.124. Pp. 126-133. (in Russian)
8. Bulkin V.A., Lebedev G.S. Gnezdovo i Birka (k probleme stanovleniya goroda). [Gnezdovo and Birka (to the problem of the formation of the city)]. Kul'tura srednevekovoy Rusi. Posvyashchaetsya 70-letiyu M.K.Kargera. L.: Nauka, 1974. Pp.11-17. (in Russian)
9. Darkevich V.P. Proiskhozhdenie i razvitie gorodov drevney Rusi (X-XIII vv.). [The origin and development of cities of ancient Rus (X-XIII centuries)]. Voprosy istorii. 1994. No.10. Pp. 43-60. (in Russian)
10. Duk D.V. Polatsk i Polatskaya zyamlya u IX-X stagoddzyakh: vytoki belaruskay dzyarzhaunastsi. [Polotsk and Polotsk land in IX-X centuries: the origins of the Belarusian statehood]. Belaruski gistarychny chasopis. Mn.: Pachatkovaya shkola. 2013. №11. Pp.5-9. (in Belarusian).
11. Eniosova N.V., Pushkina T.A. Gnezdovo kak rannegorodskoy tsentr epokhi formirovaniya drevnerusskogo gosudarstva i nekotorye voprosy ego interpretatsii. [Gnezdovo as ealyurban center of the epoch of formation of the ancient Russian state and some questions about its interpretation]. Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy: 2014 god: Drevnyaya Rus' i srednevekovaya Evropa:

vozniknovenie gosudarstv. M.: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2016. 640 p. (in Russian)
12. Eremeev I.I. Polotskaya zemlya. [The Polotsk land]. Rus' v IX-X vekakh. Arkheologicheskaya panorama. Moskva; Vologda: Drevnosti Severa, 2012. Pp. 275-297. (in Russian)
13. Zharnov Yu.E Pogrebal'nyy obryad v Drevney Rusi po materialam gnezdovskogo nekropolya. [Funeral rites in Ancient Russia according to the materials of the Gnezdovo necropolis]. Avtoref. diss. … kand. ist. nauk: 07.00.06. MGU. Ist. fakul'tet. M., 1992. 23 p. (in Russian)
14. Kondrashenkov A.A. Smolensk i Gnezdovo: istoriografiya problem. [Smolensk and Gnezdovo: the historiography of the problem]. Gnezdovo: istoriya i sovremennost'. Materialy mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Smolensk: SGPU, 1998. 123 p. (in Russian)
15. Konstantin Bagryanorodnyy. Ob upravlenii imperiey. [Controlling the Empire]. M.: Nauka. Izd. 2-e, ispravlennoe. 1991. 496 p. (in Russian)
16. Krenke N.A., Ershov I.N. Smolenskaya ekspeditsiya 2014 g. [Smolensk expedition 2014]. Available at: http://www.archaeolog.ru/?id=2&id_nws=290&zid_nws=9, svobodnyy. (accessed:12.06.2017). (in Russian)
17. Lebedev G.S. Epokha vikingov v Severnoy Evrope. [The Viking age in Northern Europe]. L.: Izd-vo LGU, 1985. 287 p. (in Russian)
18. Levko O.N. Kordon - novyy pamyatnik arkheologii epokhi vikingov v Vostochnoy Evrope. [Cordon - a new monument of archaeology the Viking age in Eastern Europe]. Doklady Natsional'noy akademii nauk Belarusi. Mn.: ID Belorusskaya nauka, 2016. T. 60. №5. Pp. 120-127. (in Russian)
19. Levko O.N. Polotskoe knyazhestvo i Vitebskoe Podvin'e v epokhu vikingov. [The Principality of Polotsk and Vitebsk Dvina in the Viking age]. Nauka i innovatsii. Mn.: ID Belorusskaya nauka, 2016. №11. Pp. 57-62. (in Russian)
20. Leont'ev A.E. Vostochnoevropeyskie puti soobshcheniya i torgovye svyazi v kontse VIII-X v. [The Eastern lines of communication and trade networks in the late VIII-X centuries]. Rus' v IX-X vekakh. Arkheologicheskaya panorama. Moskva;Vologda: Drevnosti Severa, 2012. Pp. 383-401. (in Russian)
21. Lyapushkin I.I. Gnezdovo i Smolensk. [Gnezdovo and Smolensk]. Problemy istorii feodal'noy Rossii. Sb. statey k 60-letiyu prof. V.V.Mavrodina. L.: Izd-vo LGU, 1971. Pp.33-37. (in Russian)
22. Mel'nikova E.A., Petrukhin V.Ya. Formirovanie seti rannegorodskikh tsentrov i stanovlenie gosudarstva (Drevnyaya Rus' i Skandinaviya). [The formation of a network of ealyurban centers and the establishment of the state (Ancient Russia and Scandinavia)]. Istoriya SSSR. M., 1986. no.5. Pp.63-77. (in Russian)
23. Murasheva V.V. Aktual'nye problemy issledovaniya Gnezdova. [Actual problems of studies of Gnezdovo]. Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2010 god. Predposylki i puti obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva. M.: Un-t Dmitriya Pozharskogo, 2012. Pp.389 - 405. (in Russian)
24. Murasheva V.V. «Grad velik i mnog lyud'mi». Nekotorye itogi issledovaniy Smolenskoy ekspeditsii Istoricheskogo muzeya. [«Grad velik i mnog lyud'mi». Some results of the research expedition of the Smolensk from Historical Museum]. Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey i otechestvennaya arkheologiya; k 100- letiyu otdela arkheologicheskikh pamyatnikov. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Vyp.201. M.: GIM, 2014. Pp. 187-202. (in Russian)
25. Nefedov V.S. Rannie etapy politogeneza na territorii Smolenskoy zemli (konets IX - pervaya polovina XI v.). [The early stages of politogenesis in the territory of the Smolensk land (the end of IX - first half of XI century)]. Severnaya Rus' i problemy formirovaniya Drevnerusskogo gosudarstva. Sb. materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Vologda-Kirillov-Belozersk 6-8 iyunya 2012 g. Vologda: Drevnosti Severa, 2012. Pp. 89-113. (in Russian)
26. Nefedov V.S. Smolenskoe Podneprov'e i Podvin'e v period formirovaniya Drevnerusskogo gosudarstva po arkheologicheskim dannym. [In Smolensk, the Dnieper and the Dvina in the period of formation of Old Russian state according to the archaeological]. Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2010 god. Predposylki i puti obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva. M.: Un-t Dmitriya Pozharskogo, 2012. Pp.270-298. (in Russian)
27. Petrukhin V.Ya. Rus' v IX-X vekakh. Ot prizvaniya varyagov do vybora very. [Rus in IX-X centuries. From calling the Vikings until the choice of faith]. M.: FORUM, NEOLIT, 2014. 464 p. (in Russian)
28. Pisarev S.P. Knyazheskaya mestnost' i khram knyazey v Smolenske. Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie v svyazi s istoriey Smolenska. [The Prince's countryside and the Church of the princes of Smolensk. Historical and archaeological research in connection with the history of Smolensk]. Smolensk: Tipo - litografiya F.V.Zel'dovich, 1894. 305 p. (in Russian)
29. Povest' vremennykh let. [The tale of bygone years]. Pod. red. V.P.Adrianovoy-Peretts. SPb.: Nauka. Izd. 2-e. 1996. 669 p. (in Russian)

30. Polnoe sobranie russkikh letopisey. [Full collection of Russian Chronicles]. M.: Yazyki russkoy kul'tury. T.9. Izdanie 3-e. Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu. 2000. 288 p. (in Russian)
31. Polnoe sobranie russkikh letopisey. [Full collection of Russian Chronicles]. L.: Nauka. T.37. Ust-yuzhskie i vologodskie letopisi XVI-XVIII vv. 1982. 228 p. (in Russian)
32. Pushkina T.A. Gnezdovo: itogi i zadachi issledovaniya. [Gnezdovo: outcomes and objectives of the study]. Gnezdovo: 125 let issledovaniya pamyatnika. Tr. Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. M.: GIM, 2001. Vyp.124. Pp. 4-10. (in Russian)
33. Pushkina T.A., Murasheva V.V., Eniosova N.V. Gnezdovskiy arkheologicheskiy kompleks. [Gnezdovo archaeological complex]. Rus' v IX-X vekakh. Arkheologicheskaya panorama. Moskva; Vologda: Drevnosti Severa, 2012. Pp. 243-273. (in Russian)
34. Raboty Smolenskoy ekspeditsii Instituta arkheologii RAN v 2016 godu. [Work in Smolensk expedition of the Institute of archaeology RAS in 2016]. Available at: http://www.archaeolog.ru/?id=2&id_nws=360&zid_nws=9, svobodnyy. (accessed:12.06.2017). (in Russian)
35. Sizov V.I. Kurgany Smolenskoy gubernii. Vypusk 1. Gnezdovskiy mogil'nik bliz Smolenska. [Barrows of the Smolensk province. Issue 1. The burial ground of Gnezdovo near Smolensk]. Materialy po arkheologii Rossii. №28. SPb.: Tip. Glavnogo upravleniya udelov, 1902. 152 p. (in Russian)
36. Spitsyn A.A. Gnezdovskie kurgany v raskopkakh S.I.Sergeeva. [Gnezdovo burial mounds in the excavations of S. I. Sergeev]. Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii. Vypusk 15. SPb.: Tipografiya glavnogo upravleniya udelov, 1905. Pp.6-70. (in Russian)

Информация об авторе:

Ластовский Геннадий Альбертович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России,
Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Россия
genlast@mail.ru

Получена: 01.08.2017

Для цитирования: Ластовский Г.А. Гнездово и Смоленск в конце IX-X ВВ.: на пути к смоленскому княжеству. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 2. с.48-56. doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-48-56.

Information about the author:

Gennady A. Lastovskiy, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, Smolensk State University,
Smolensk, Russia
genlast@mail.ru

Received: 01.08.2017

For citation: Lastovskiy G.A. Gnezdovo and Smolensk at the end of 9-10 centuries: on the way to the Smolensky principle. Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 2. Pp. 48-56. doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-48-56. (in Russian)

УДК 9; 93/94

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-57-65

НЕВОСТРУЕВ Николай Алексеевич
Пермский государственный медицинский университет имени академика Е.А. Вагнера
г. Пермь, Россия
nik772@yandex.ru

Nikolay A. NEVOSTRUEV
Perm State Medical University named after E.A. Wagner
Perm, Russia
nik772@yandex.ru

РОССИЙСКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В 1917 ГОДУ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

RUSSIAN CIVIL SOCIETY IN 1917 (ON THE EXAMPLE OF PERM PROVINCE)

В статье дается характеристика состояния основных элементов гражданского общества накануне и в ходе событий 1917 г. Они возникают в предшествующий период, в ходе реформ 60-70-х годов XIX в. Системообразующим основанием для них являлась система местного самоуправления в лице земских учреждений и городского управления. Обладая экономической самостоятельностью от государственных структур, они становятся надежной основой для поддержки многочисленных общественных организаций и объединений, выступающих в качестве основных каналов гражданской активности. В ходе последующего развития происходит усложнение и расширение числа и зоны влияния гражданских организаций. С началом Первой мировой войны эти новые организации представляли не только экономические и социальные структуры страны в условиях войны (Военно-промышленные комитеты, Всероссийский земский союз, Всероссийский союз городов), но и оказывали заметное влияние на дальнейшее усложнение системы гражданских отношений. После Февральской революции 1917 г. коренным образом меняется характер работы земских учреждений и городского самоуправления, начавших постепенный переход из системы гражданского общества в сферу политических отношений. В работе дается оценка деятельности Комитетов общественной безопасности, созданных в ходе революции как объединенные центры гражданской активности населения. Автор вступает в полемику с рядом исследователей, видящих в этих новых структурах альтернативу противостояния в борьбе за власть между Советами и органами Временного правительства. Сделан вывод о принципиальной неспособности данных Комитетов общественной безопасности выступить в качестве новой политической силы в стране.

The article describes the state of the basic elements of civil society before and during the events of 1917 They occur in the preceding period, in the course of reforms 60-70-ies of the 19 century Strategic reason for them was the system of local government in the face of the provincial agencies and municipal governments. Possessing economic independence from state structures, they become a reliable basis to support various public organizations and associations acting as the main channels of civic engagement. During subsequent development, there is a complication and increasing the number and zones of influence of civil society organizations. With the outbreak of the First world war, these new organizations represented not only economic and social structure of the country in terms of war (the Military-industrial committees, the all-Russian County Union, all-Russian Union of cities), but also influenced the further complication of system of civil relations. After the February revolution of 1917 radically changed the nature of the work of the provincial institutions and city government, which began a gradual transition from the system of civil society in the sphere of political relations. The work assesses the performance of the public safety Committees created during the revolution as integrated centers of civil activity of the population. The author enters into polemics with a number of researchers, who see in these new structures, the alternative of confrontation in the struggle for power between the Soviets and the Provisional government. The conclusion about the fundamental inability of these public safety Committees to act as a new political force in the country.

Ключевые слова: гражданское общество дореволюционной России, Пермская губерния, альтернативы исторического развития России в 1917 г., политическое противостояние, городское самоуправление, земские учреждения, Временное правительство, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Комитеты общественной безопасности

Keywords: civil society of pre-revolutionary Russia, Perm province, alternatives to the historical development of Russia in 1917, political opposition, city government, local self-government, Provisional government, Soviet of workers, soldiers and peasants deputies, Committees of public safety

Проблема существования элементов гражданского общества в дореволюционной России - тема в отечественной историографии относительно новая. Она насчитывает чуть больше двух десятилетий. За это время появились отдельные статьи, издан ряд монографий, где анализируется работа его основных структурных частей: земских учреждений, городского самоуправления, разнообразных форм общественных организаций с

точки зрения развития гражданских отношений [1; 2; 3]. Проявили интерес к данной проблематике и зарубежные исследователи [4; 5; 6]. Результатом смены научной парадигмы исследований истории дореволюционной России становится вывод, что, несмотря на существование значительных препятствий со стороны сущностных характеристик самодержавной власти (отсутствие политических свобод, запретительный характер законодательства, доминирование православия в качестве идеологической основы власти, неравноправие в сфере национальных отношений), началом цивилизационных перемен в стране становятся знаменитые системные реформы 60-70-х годов XIX в. Для генезиса гражданских отношений особое значение имели реформы в области местного самоуправления, судебная, образования, в результате чего создаются объективные предпосылки для этих перемен. В качестве системообразующего фактора выступали земские учреждения и городское самоуправление. Именно эти два базовых элемента стали началом гражданского становления в России во второй половине XIX в. И они сыграли определенную роль в событиях 1917 г.

Оценка происходивших политических пертурбаций 1917 г. в нашей стране попрежнему остается актуальной не только для историков, но и для представителей других научных дисциплин: политологов, социологов, экономистов, педагогов и даже медиков. А также большой армии политических деятелей всех направлений: от монархистов до коммунистов. Идеологический флер того времени нисколько не потускнел, а, пожалуй, стал еще более четким и продолжает оказывать свое влияние на состояние современного российского социума.

Непреложный исторический вывод, с которым согласны все стороны, что накопившиеся противоречия развития России к началу XX в. получили свое отражение в экономике, политике, социальной сфере. Катализатором их обострения явилась Первая мировая война (1914-1918 гг.). Общественная активность населения на Урале, как и по всей стране, определялась ситуацией военного времени.

Война усложняла систему власти и управления, как в центре, так и на местах. Создаются новые структуры и организации, призванные решать или помогать решать вопросы, связанные с перестройкой всех сторон жизни общества на военные рельсы. К ним относится, прежде всего, образование в июле 1915 г. Военно-промышленного комитета (ВПК). В Пермской губернии отделение ВПК создается по инициативе Биржевого комитета и отделения Российского технического общества. Главой областного комитета был избран инженер-строитель, редактор журнала «Записки Пермского отделения Императорского Российского технического общества» А.Е. Ширяев [7, с. 6]. В связи с новыми возможностями в реанимации кустарной промышленности и сельской кооперации губернии работа этой организации получила большую поддержку со стороны земских учреждений, так как эти два концептуальных направления были традиционной вотчиной деятельности местных органов самоуправления. Поэтому у земских организаций открываются новые возможности оказывать уже не опосредованное, а прямое воздействие на социально-экономическое развитие своих регионов.

Объявление 18 июля 1914 г. военной мобилизации, введение в действие общегосударственного плана милитаризации жизни страны приводит к появлению еще одной влиятельной общественной организации. 30 июля 1914 г. в Москве состоялся учредительный съезд, принимающий решение о создании Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам (ВЗС).

В Пермской губернии комитет отделения Союза создается как коллегиальный орган в составе председателя - руководителя губернской управы и 8 непременных членов, в числе которых, впервые в истории таких организаций, отсутствовали представители губернаторской власти. Распорядительным органом становилось губернское земское собрание, где рассматривались вопросы финансирования основных направлений Союза.

Эти направления оформились в отделы: лечебно-санитарный, помощи раненым и инвалидам, военно-инженерный, финансовый и помощи беженцам. Аналогичные комитеты были организованы в Верхотурском, Екатеринбургском, Камышловском, Кунгурском, Оханском, Пермском и Соликамском уездах губернии. Они имели прямую вертикаль управления и отчитывались перед губернским комитетом, который, в свою очередь, - перед Центральным комитетом ВЗС. Координирующим органом выступало губернское санитарное бюро во главе с санитарным врачом И.К. Курдовым.

В этих условиях деятельность ВЗС и несколько позже, в августе 1914 г., Всероссийского союза городов (ВСГ), объединившего органы городского самоуправления, стала для русской армии действенной помощью и реальной поддержкой. Масштабы их деятельности вызывают уважение: к 1 сентября 1914 г. Земский союз оборудовал 59 688 коек, к 1 октября - 118 954, к 1 ноября - 148 818 коек; Союз городов - 18 711, 24 019 и 35 131 койки соответственно. К 1 июля 1915 г. силами общественности страны обеспечивалось почти 40% госпитальных коек в тыловых медицинских учреждениях [8, с. 10-11]. В 1916 г. в Пермской губернии было открыто 77 госпиталей на 6 403 койки. Подавляющая часть госпиталей была открыта в уездных городах и крупных заводских поселках. Это при том, что 50% врачебного персонала губернии было мобилизовано еще в первый год войны.

Весной 1915 г. военное командование вновь обращается к союзам за помощью в борьбе с эпидемиями, обустройстве миллионов беженцев, а затем и в организации поставок предметов снабжения и снаряжения для армии. Для Пермской губернии решение этих вопросов также приобретало важное значение, так как к 1 января 1916 г. здесь насчитывалось 25 тыс. беженцев [9, с. 5], а на предприятиях работало более 63 тыс. военнопленных. И без того сложная эпидемическая ситуация (в уездах осталось только три санитарных врача, остальные были мобилизованы на фронт) усугублялась значительным снижением жизненного уровня населения. Подавляющая часть владельцев и управляющих предприятий под «шумок» военного времени взяли курс на экономию фонда заработной платы, сворачивания социальных программ на производстве. Попытки рабочих сохранить элементарные условия своего существования жестко пресекались не только буржуазией, но и властными структурами. Организаторов стачек и забастовок увольняли с предприятий, и они подлежали немедленному призыву в действующую армию [10, с. 361, 366]. Сокращались финансовые возможности земских учреждений из-за снижения поступления земских налогов из деревни. К концу 1917 г. дефицит губернского бюджета достиг 12 млн руб. [11, с. 286-288]. Росли показатели смертности среди населения. Если в 1913 г. на 1000 населения Пермской губернии приходилось 36 умерших, то в 1915 г. - 41,5, к 1917 г. - 62. Естественный прирост населения сократился к 1917 г. по сравнению с довоенным периодом почти в 3,7 раза [12, с. 32-33].

В августе 1915 г. представители союзов были введены в состав Особых совещаний по обороне, продовольствию, транспорту, топливу и др., что говорило об известной степени доверия самодержавия к ним. Однако эта лояльность, особенно в удаленных от центральных районов губерниях, оказалась достаточно эфемерной. Чем дольше продолжалась война, тем более ощутимым становился громадный разрыв в степени гражданской готовности и ответственности, созданной в обществе. Налицо было упорное нежелание самодержавия, даже в такое критическое для себя время, вводить элементы политических свобод. Привлечение новых организаций и структур, относящихся к системе гражданского общества, было необходимым и оправданным с точки зрения укрепления власти и расширения основы ее существования. Но этот процесс происходил настолько прагматично, что в скором времени свел все положительные процессы на нет. Осознавая свою строго ограниченную роль и невозможность выполнить в полном объеме те задачи, которые они могли реально решить, эти организации пополняли ряды оппозиции. Так случилось и с Земским союзом и Союзом городов, создавшими в 1915 г. единую структу-

ру - Земгор. Уже в августе 1915 г. они принимают участие в деятельности политического объединения буржуазии - «Прогрессивного блока».

Главным итогом развития гражданского общества в России явился тот факт, что в феврале 1917 г. российская буржуазия получает практически готовый механизм управления на местах - земское и городское самоуправление. События в Петрограде были восприняты большинством общественности положительно. Объявленная Временным правительством и начатая в марте-апреле работа по реформированию системы местного управления предусматривала значительные перемены в городском механизме власти. Уже в Декларации от 3 марта 1917 г. в качестве главного преобразования в городском управлении было объявлено о введении всеобщего избирательного права. При Министерстве внутренних дел было создано особое совещание по реформе местного самоуправления, которое разработало и представило основной пакет законодательных документов. В работе этого рабочего органа приняли участие известные земские деятели, ученые-правоведы: Н.Н. Авинов, Б.Б. Веселовский, Д.Д. Протопопов, А.А. Станкевич, Н.М. Тоцкий, А.А. Буртов и др. Большинство из подготовленных ими проектов было принято Временным правительством в течение полугода [13, с. 150].

15 апреля 1917 г. Временное правительство издает постановление о выборе городских гласных и об участковых городских думах. Выборы объявлялись на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании, в них принимали участие достигшие 20-летнего возраста граждане России без тех ограничений, которые были характерны для периода царизма. Получили избирательное право женщины, военнослужащие, представители гражданской милиции, отменялся ценз оседлости. Города с населением более 50 тыс. жителей приравнивались по правам к уездному земству. В число гласных входили только избранные по выборам. Отказались от практики участия в работе городских дум представителей ведомств и должностных лиц. Должностные лица управ не утверждались в административном порядке. Тем самым устранялись опека со стороны государства и ограничения самостоятельности городского самоуправления. Новое Городовое положение от 9 июня 1917 г. предоставляло самые широкие права городам вступать в различные союзы и объединения с другими городами и земскими учреждениями. Принципиально новым было право городов (а также и земств) выбирать собственную милицию, которая подчинялась городским думам и отчитывалась перед ними. Закон о милиции был принят Временным правительством 17 апреля 1917 г. Впервые в истории городского управления задача охраны порядка и безопасности становилась одной из составных частей городской деятельности, а избранные в эти органы правопорядка милиционеры приравнивались к городским служащим.

Выборы в городские думы, которые проходили на территории Пермской губернии в июле-августе 1917 г., подтвердили факт переноса политического противостояния на уровень городского самоуправления. Выборы в гласные совершались впервые по партийным спискам, что заранее предопределяло борьбу классовых интересов. В Екатеринбурге выборы прошли 30 июля, в результате получена следующая раскладка сил: из 75 гласных эсеры получили 44 мандата, 18 мест удалось занять большевикам, кадетам досталось 10 мест и 3 - меньшевикам. В Пермскую городскую думу выборы состоялись 15 августа. Здесь тоже избиралось 75 гласных. Результаты были несколько другими: самое большое количество гласных было избрано от партии кадетов - 30 чел., 27 - от партии эсеров, 10 меньшевиков и только 8 гласных было избрано от большевиков. В уездных городах Соликамске, Чердыни, Верхотурье, Ирбите, Оханске в числе выбранных значительно преобладали кадеты.

Перевыборы в земские учреждения на Урале были завершены в сентябре 1917 г., и они превращаются в органы местной государственной власти. Причем выборы принесли в большинстве случаев успех буржуазным и мелкобуржуазным партиям, которые стави-

ли задачу ликвидации Советов как альтернативных органов власти. Подробная хронология событий 1917 г. на территории Пермской губернии воссоздана пермскими библиографами в 2007 г. и представляет достаточно полный перечень событий этого периода [14].

За перипетиями их противостояния практически незамеченным оказался интересный опыт этого периода, связанный с созданием после Февральской революции комитетов общественной безопасности (КОБ), возникших на волне революционной самодеятельности и гражданской активности в марте 1917 г. как в уездах, так и во всех городах Пермской губернии. По своему социальному составу они представляли более широкий спектр гражданских сил в обществе, куда входили, в отличие от городских дум, земские служащие, представители городской интеллигенции, духовенства. Однако наибольшее представительство в городских организациях имело учительство, создавшее в мае 1917 г. собственную учительскую организацию как составную часть Всероссийского учительского союза [15; 16; 17]. КОБы получили значительный вотум доверия, проводили мероприятия, включавшие и некоторые властные прерогативы, прежде всего по ликвидации старых порядков (они выступили инициаторами ареста представителей старой исполнительной власти, а также роспуска полиции и расследования ее действий в предшествующий период.

Исследователи справедливо ставили вопросы: могли ли эти принципиально новые организации выступить в роли объединяющего центра в период революционной активности масс? Ставили ли они перед собой вопросы о концентрации власти на местах? Какие задачи для них были главными? Может, возможен был третий путь в революции? Почему же они в конечном итоге быстро исчезают с политической арены страны? [18, с. 34-35; 19, с. 8-10; 20, с. 135; 21, с. 107-108].

На наш взгляд, КОБы представляли собой новую форму объединенных общественно-демократических организаций, которая в современных условиях носит название «Гражданский форум». В своих документах они не ставили вопроса о властных полномочиях, а декларировали свою деятельность в направлении политического просвещения масс, агитационной работы среди населения по поводу значения переживаемого исторического момента в стране, помощи официальным структурам власти в выполнении их распоряжений, а также выступали в качестве инициаторов создания новой милиции для поддержания порядка на своих территориях.

КОБы не только оказывали достаточно сильное влияние на процесс ликвидации прежней царской администрации, органов полиции и жандармерии, но и выступали инициаторами переизбрания губернского комиссара Временного правительства, председателя губернской земской управы Е.Д. Калугина. Прошедшее 23 марта 1917 г. в Перми собрание общественных организаций, в которое, кроме представителей от комитетов общественной безопасности, вошли также представители некоторых Советов губернии, солдатских комитетов, уездных земств и городского управления, избрало губернским комиссаром председателя Пермского ВПК инженера А.Е. Ширяева [22; 23]. В мае Ширяев был избран Пермским городским головой, и до октябрьских событий 1917 г. должность комиссара исполнял прапорщик Б.А. Турчевич, член партии эсеров.

В Екатеринбурге комитет общественной безопасности представлял собой общее собрание депутатов от различных организаций города численностью более 330 чел., которое избрало исполнительную комиссию в составе 30 человек. В нее входило 20 представителей, избранных из состава комитета, а 10 - из числа гласных городской думы, утверждаемых комитетом. Председателем исполнительной комиссии был избран А.А. Кощеев, присяжный поверенный, член руководства партии эсеров, председателем комитета - директор электростанции, глава уральских кадетов А.А. Кроль.

Аналогичная ситуация складывалась и в остальных городах губернии. По своей сути комитеты общественной безопасности не представляли собой органов власти на местах, они не ставили цели захвата власти. В большинстве случаев комитеты создавались и работали в рамках содействия мероприятиям Временного правительства, парализуя попытки старого режима оказать сопротивление новой власти, а также поддержания элементарного порядка в городах и обеспечения нормального течения жизни в них. Важной составной частью их деятельности была агитационная и пропагандистская работа среди населения, которую осуществляли союзы учителей, просветительские организации в городах.

Осознавая значение комитетов в бурное революционное время, Временное правительство поощряло их деятельность, осуществляя через средства массовой информации широкую пропаганду работы отдельных комитетов. Вместе с тем правительство не рассматривало их в качестве альтернативы государственным органам власти на местах, отдавая предпочтение земствам и городским думам. Поэтому на запросы с мест «относительно дальнейшего существования комитетов общественной безопасности и их функций в будущем» Временное правительство 5 июля 1917 г. разъясняло, что «городские комитеты должны ликвидироваться с момента конституирования новых городских дум, волостные - по образовании волостного земства».

С нашей точки зрения, создание комитетов общественной безопасности можно рассматривать как попытку соединения двух компонентов развития страны: становления правового государства и гражданского общества в их классическом буржуазном варианте. Однако считать их альтернативой двум созданным в революционный период 1917 г. системам будущей государственной власти на местах - земским учреждениям и городским думам, с одной стороны, и Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов - с другой, будет методологически неверным. Комитеты общественной безопасности представляли собой принципиально иное учреждение, в задачу которого не входил захват политической власти. В ней были представлены практически все общественные организации, созданные в стране к данному времени. По мере углубления раскола в обществе по вопросам о способах решения актуальных социально-экономических проблем: о земле, о скорейшем завершении войны, о подъеме жизненного уровня людей, повышении социальной защищенности и др. - происходила поляризация классовых и политических интересов. Гражданское согласие становилось призрачным, поэтому вооруженная политическая борьба являлась главным способом решения противоречий.

Усиливающаяся политическая конфронтация между основными классовыми силами в России в 1917 г. выдвинула на первый план необходимость решения политических вопросов как основных. Вводя в политическую систему элементы гражданских институтов, гражданское общество теряло тем самым свою образующую основу. Попытки найти им замену были непродолжительными по времени существования. Кроме того, Временное правительство, пытаясь использовать земства и городское самоуправление в целях укрепления собственной власти, невольно раскалывало их по партийно-политическому принципу, обрекая на гибель. Нельзя не учитывать и такой фактор, как недостаточный уровень образования и политической культуры народных масс, особенно крестьянства.

Начавшийся осенью 1917 г. общенациональный кризис затронул не только столицы и центральные районы страны, но и периферию. Основным вопросом революционных событий оставался, при всей важности остальных, вопрос о земле. Крестьянство разочаровывается в возможности получить землю помещиков от Временного правительства и отдает свои симпатии Советам. Объективный ход событий делал невозможным гражданский диалог между классами. Причем российская буржуазия, получив политическую власть от самодержавия, так и не смогла предложить обществу программу выхода из си-

стемного кризиса. Фактически она продолжала внутреннюю и внешнюю политику самодержавия, приведшую к его краху.

В условиях дальнейшего нарастания революционных событий военный переворот в Петрограде в октябре 1917 г. приводит к смене типа государственной власти. Поскольку революционными классами и их политическими партиями Советы рабочих, солдатских и позднее крестьянских депутатов рассматривались как универсальная форма государственного строительства, судьба земских организаций была предрешена. В марте-апреле 1918 г. они прекращают свое существование, их функции передаются соответствующим отделам Советов [24, с. 3]. На Урале они окончательно прекращают свою деятельность в июне 1918 г. [25, с. 194-199]. Эта же судьба касалась и комитетов общественной безопасности. Они исчезают из последующей российской истории, оставаясь своеобразным историческим курьезом.

Таким образом, уникальной в истории России можно считать попытку соединения политических и гражданских структур в Комитетах общественной безопасности, созданных в ходе Февральской революции 1917 г. Такие комитеты действовали практически во всех городах Урала, многих заводских поселках, в некоторых волостях. На примере Пермской губернии можно сделать вывод о попытке обеспечить гражданский мир в условиях революции, препятствовать реставрации старого государственного аппарата управления. Комитеты приняли активное участие в развитии земских учреждений, в организации городского управления на основе законодательства о местных органах власти, которое принималось Временным правительством. Однако в политическом процессе борьбы за власть они вынуждены были делать свой выбор только из двух альтернатив: Временное правительство или Советы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Грудцына Л.Ю. Государство и гражданское общество / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. С.М. Петрова. - М.: ЮРКОМПАНИ, 2010. - 464 с.
2. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.). В 2 т. - 2-е изд. испр. - Т. 2. - СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. - 568 с.
3. Невоструев Н.А. Образование и развитие элементов российского гражданского общества на Урале во второй половине Х1Х - начале XX века - Пермь: Изд-во ПГТУ, 2005. - 347 с.
4. Бредли Дж. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. - 1994. - № 5. - С. 77-89.
5. Ку Агнес С. Парадокс - гражданское общество без гражданства // Социс. - 2003. - № 12. - С. 11-20.
6. Пайпс Р. Истоки гражданских прав в России - год 1785. - М.: Московская школа политических исследований, 2010. - 502 с.
7. Записки Пермского отделения Императорского Российского технического ства. - Пермь, 1913. - № 4. - 67 с.
8. Краткий очерк деятельности Всероссийского Земского союза. - М., 1916. - 81 с.
9. Обзор Пермской губернии за 1915 год. - Пермь, 1916. - 133 с.
10. История Урала в период капитализма. - М.: Наука, 1990. - 504 с.
11. Сметы расходов и доходов и раскладочная ведомость Пермского губернского земства на 1917 год с объяснительной запиской. - Пермь, 1917. - 354 с.
12. Санитарный обзор Пермской губернии за 1915 год. - Пермь, 1918. - 75 с.
13. Гильченко Л.В. Из истории местного самоуправления в России // Государство и во. - 1996. - № 2. - С. 142-152.
14. 1917 год в Пермской губернии: хроника революционных событий // Календарь знаменательных и памятных дат Пермского края на 2007 год / Сост. О.С. Баранова. - Пермь, 2006. - С. 88-98.
15. Пермская земская неделя. - 1917. - № 10. - 12.03.
16. Пермские губернские ведомости. - 1917. - № 11. - 16.03.
17. Пермская жизнь. - 1917. - № 368. - 07.03.

18. Волобуев П.В., Булдаков В.П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. - 1996. - № 5-6. - С. 28-38.
19. Герасименко Г.А. Народ и власть: (1917 год). - М.: Воскресенье, 1995. - 288 с.
20. Кимитака М. Почему умерли земства // Родина. - 1994. - № 7. - С. 38-40.
21. Обухов Л.А. 1917 год в Пермской губернии: вопрос о власти // Пермский край: прошлое и настоящее. - Пермь: ПГУ, 1997. - С. 107-109.
22. Пермская земская неделя. - 1917. - № 12/13. - 02.04.
23. Пермская земская неделя. - 1917. - № 14. - 11.04.
24. Известия Пермского губисполкома. - 1918. - № 74. - 24.04.
25. Лукьянова Е.Н. Из истории советского строительства в Пермской губернии в 1918 году // Из истории края. - Пермь: ПГУ, 1964. - С. 184-212.

REFERENCES

1. Grudcyna L.Ju. Gosudarstvo i grazhdanskoe obshhestvo. [State and civil society]. Pod red. dokt. jurid. nauk, prof. S.M. Petrova. M.: JuRKOMPANI, 2010. 464 p. (in Russian)
2. Mironov B.N. Social'naja istorija Rossii perioda imperii (18 - nachalo 20 v.). [Social history of Russia during the period of the empire (18 - early 20 centuries)]. V 2 t. 2-e izd. ispr. T. 2. SPb.: Izd-vo «Dmitrij Bulanin», 2000. 568 p. (in Russian)
3. Nevostruev N.A. Obrazovanie i razvitie jelementov rossijskogo grazhdanskogo obshhestva na Urale vo vtoroj polovine XIX - nachale XX veka. [The formation and development of elements of Russian civil society in the Urals in the second half of the X1X - early XX century]. Perm': Izd-vo PGTU, 2005. 347 p. (in Russian)
4. Bredli Dzh. Obshhestvennye organizacii i razvitie grazhdanskogo obshhestva v dorevoljucionnoj Rossii. [Public organizations and the development of civil society in pre-revolutionary Russia]. Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1994. No. 5. P. 77-89. (in Russian)
5. Ku Agnes S. Paradoks - grazhdanskoe obshhestvo bez grazhdanstva. [Paradox - civil society without citizenship]. Socis. 2003. No. 12. P. 11-20. (in Russian)
6. Pajps R. Istoki grazhdanskih prav v Rossii - god 1785. [The origins of civil rights in Russia - the year 1785]. M.: Moskovskaja shkola politicheskih issledovanij, 2010. 502 p. (in Russian)
7. Zapiski Permskogo otdelenija Imperatorskogo Rossijskogo tehnicheskogo obshhestva. [Notes of the Perm branch of the Imperial Russian Technical Society]. Perm'. 1913. No. 4. 67 p. (in Russian)
8. Kratkij ocherk dejatel'nosti Vserossijskogo Zemskogo sojuza. [A brief outline of the activities of the All-Russian Zemsky Union]. M., 1916. 81 p. (in Russian)
9. Obzor Permskoj gubernii za 1915 god [Review of Perm province for 1915]. Perm', 1916. 133 p. (in Russian)
10. Istorija Urala v period kapitalizma. [History of the Urals in the period of capitalism]. M.: Nauka, 1990. 504 p. (in Russian)
11. Smety rashodov i dohodov i raskladochnaja vedomost' Permskogo gubernskogo zemstva na 1917 god s ob#jasnitel'noj zapiskoj. [Estimates of expenses and incomes and the spreading list of the Perm provincial zemstvo for 1917 with an explanatory note]. Perm', 1917. - 354 p. (in Russian)
12. Sanitarnyj obzor Permskoj gubernii za 1915 god. [Sanitary survey of the Perm province for 1915]. Perm', 1918. 75 p. (in Russian)
13. Gil'chenko L.V. Iz istorii mestnogo samoupravlenija v Rossii. [From the history of local self-government in Russia]. Gosudarstvo i pravo. 1996. No. 2. Pp. 142-152. (in Russian)
14. 1917 god v Permskoj gubernii: hronika revoljucionnyh sobytij. [1917 in Perm province: chronicle of revolutionary events]. Kalendar' znamenatel'nyh i pamjatnyh dat Permskogo kraja na 2007 god. Sost. O.S. Baranova. Perm', 2006. Pp. 88-98. (in Russian)
15. Permskaja zemskaja nedelja. [Perm Zemstvo Week]. 1917. No. 10. 12.03. (in Russian)
16. Permskie gubernskie vedomosti. [Perm Province Gazette]. 1917. No. 11. 16.03. (in Russian)
17. Permskaja zhizn'. [Perm Life. 1917. No. 368. 07.03. (in Russian)
18. Volobuev P.V., Buldakov V.P. Oktjabr'skaja revoljucija: novye podhody k izucheniju. [October revolution: new approaches to studying]. Voprosy istorii. 1996. No. 5-6. Pp. 28-38. (in Russian)
19. Gerasimenko G.A. Narod i vlast': (1917 god). [People and Power: (1917)]. M.: Voskresen'e, 1995. - 288 p. (in Russian)
20. Kimitaka M. Pochemu umerli zemstva. [Why the zemstvos died]. Rodina. 1994. № 7. Pp. 38-40. (in Russian)

21. Obuhov L.A. 1917 god v Permskoj gubernii: vopros o vlasti. [1917 in the Perm province: the question of power]. Permskij kraj: proshloe i nastojashhee. Perm': PGU, 1997. Pp. 107-109. (in Russian)
22. Permskaja zemskaja nedelja. [Perm Zemstvo Week]. 1917. No. 12/13. - 02.04.
23. Permskaja zemskaja nedelja. [Perm Zemstvo Week]. 1917. No. 14. - 11.04. (in Russian)
24. Izvestija Permskogo gubispolkoma. [Proceedings of Perm Provincial Executive Committee]. 1918. no.74. 24.04. (in Russian)
25. Luk'janova E.N. Iz istorii sovetskogo stroitel'stva v Permskoj gubernii v 1918 godu. [From the history of Soviet construction in the Perm province in 1918]. Iz istorii kraja. Perm': PGU, 1964. Pp. 184-212. (in Russian)

Информация об авторе:

Невоструев Николай Алексеевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Отечества, истории медицины, политологии и социологии, Пермский государственный медицинский университет имени академика Е.А. Вагнера,
г. Пермь, Россия
nik772@yandex.ru

Information about the author:

Nikolay A. Nevostruev, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Department of History, History of Medicine, Political Science and Sociology, Perm State Medical University named after E.A. Wagner,
Perm, Russia
nik772@yandex.ru

Получена: 03.07.2017

Для цитирования: Невоструев Н.А. Российское гражданское общество в 1917 году (на примере Пермской губернии). Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 2. с.*57-65*.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-*57-65*.

Received: 03.07.2017

For citation: Nevostruev N.A. Russian civil society in 1917 (on the example of Perm province). *Historical and Social Educational Idea.* 2017. Vol . 9. no.4. Part. 2. Pp. 57-65.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-57-65. (in Russian)

УДК94 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-66-74

ПАНТЮХИНА Галина Александровна
Уральский государственный юридический университет
г. Екатеринбург, Россия
galina-pantyukhina@yandex.ru

Galina A. PANTYUKHINA
Ural State Law University
Yekaterinburg, Russia
galina-pantyukhina@yandex.ru

НАРКОМАНИЯ В РОССИИ В КОНЦЕ XX - НАЧАЛЕ XXI В.: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Работа посвящена вопросам анализа ранее небывалого всплеска наркомании в России на рубеже XX и XXI вв., причинам появления этого социального зла, которое угрожает не только здоровью отдельных граждан страны, благополучию их семей, обществу в целом, но и национальной безопасности государства. В работе используются сведения, полученные из разных официальных источников: ООН, Минздравсоцразвития РФ, Федеральной службы по контролю за незаконным оборотом наркотических средств и их прекурсоров, подразделений МВД, заменивших в последние годы вышеуказанную службу. Приводится статистика преступлений, связанных с наркотиками. за 2016 г. в сравнении с 2015 г. и удельный вес преступлений этой категории в общей преступности по отдельным регионам России. Кроме этого, кратко показана роль отдельных зарубежных государств в производстве новых для России наркотических средств и психотропных веществ, что создает серьезные затруднения в их классификации и последующей уголовно-правовой квалификации их производителей и сбытчиков, а также в установлении конкретного вреда, причиняемого, например, различными синтетическими наркотиками, в том числе спайсами, их потребителям. В данной статье обращается внимание неравнодушных читателей и на возрастные категории лиц, впервые употребивших наркотическое средства (6 лет), количество лиц, которые хотя бы один раз их употребляли, и сколько лиц по официальной статистике состоит на наркоучете в органах здравоохранения в 2017 г. Автор работы также высказывает свое мнение по поводу причин и условий возникновения и развития наркомании в России, а также предлагает конкретные меры по борьбе с ней.

Ключевые слова: наркомания, причины распространения наркомании в России на рубеже XX и XXI вв., отдельные виды наркосодержащих веществ, в том числе курительные смеси (спайсы), наркозависимость, статистика преступности, связанной с наркоманией, причины смертности от злоупотребления наркотиками, влияние иностранных государств на рост наркомании в России, профилактика наркозависимости

DRUG ADDICTION IN RUSSIA IN THE LATE XX - EARLY XXI CENTURIES: CAUSES OF EMERGENCE AND SPREAD

The work is devoted to the analysis of the unprecedented surge in drug use in Russia at the turn of the 20 and 21 century, the reasons for the emergence of this social evil that threatens not only the health of individual citizens, their families and society as a whole, but also the national security of the state. We use the information obtained from different official sources: the UN, the health Ministry of the Russian Federation, the Federal service for control over trafficking of narcotic drugs and their precursors, the interior Ministry, replaced in recent years the above service. Provides crime statistics for 2016 compared to 2015 related to drugs and the proportion of these crimes in total crime in some regions of Russia. In addition, summarized the role of some foreign governments in the production of new Russia in narcotic drugs and psychotropic substances, which creates serious difficulties in their classification and subsequent criminal-legal qualification of producers and distributors, and to identify the specific harm caused, for example, various synthetic drugs including "spice" to their consumers. In this article the attention of concerned readers in the age categories of persons who first used drugs (6 years), the number of persons that at least once they ate and how many persons according to official statistics is narkoojee the health authorities in 2017. The author also gives his opinion on the reasons and conditions of occurrence and development of drug addiction in Russia, and offers concrete steps to combat it.

Keywords: addiction, causes of drug addiction in Russia at turn of 20 and 21 centuries, certain types substances, including smoking blends (spice) addiction, crime statistics related to drug addiction, causes of death from drug abuse, influence of foreign states on growth of drug addiction in Russia, prevention of drug addiction

Емкий рынок сбыта наркотиков, удобство географического положения страны для их транзита и ряд других причин способствовали лавинообразному росту контрабанды наркотических средств и психотропных веществ. Начиная с конца 80-х годов прошлого

века Россия стала объектом экспансии международного наркобизнеса. Более половины всех изымаемых на территории Российской Федерации наркотических средств имеют иностранное происхождение, о чем могут свидетельствовать различные маркировки на упаковочных материалах.

Наркобизнес стал одним из наиболее прибыльных видов преступной деятельности. Ввоз, транзит и распространение наркотиков на территории России оказались весьма привлекательными для организованных групп, преступных сообществ, занявших доминирующие позиции в этой сфере и наладивших прочные связи с международной организованной наркопреступностью. В распространение наркотиков вовлечены в качестве курьеров и мелких дилеров тысячи простых граждан, которых к этому подталкивает не только жажда легкой и быстрой наживы, но зачастую и тяжелое материальное положение [1].

Расширяется диапазон наркотиков, вовлекаемых в незаконный оборот. Наряду с наркотическими средствами растительного происхождения все чаще отмечается появление в обороте дорогостоящих и гораздо более опасных для здоровья синтетических и полусинтетических наркотиков.

Одной из особенностей преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков, является ее высокая латентность. Уголовная статистика фиксирует не реальное ее состояние, а лишь состояние борьбы с ней, проводимой правоохранительными органами и частично общественными организациями, нацеленными на борьбу с наркоманией. 80% опрошенных сотрудников органов внутренних дел считают, что уровень преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, значительно выше фиксируемого официальной статистикой [2]. Сама природа незаконного оборота наркотиков, предполагающая наличие целой цепочки действий и участников (производитель - оптовый покупатель - сбытчик - потребитель), обусловливает появление и функционирование организованных преступных сообществ. Как показывает российский и зарубежный опыт, распространение наркомании в молодежной среде приводит к формированию хорошо организованных молодежных банд, мобильных и дерзких, не останавливающихся даже перед убийством и похищением людей с целью приобретения денег на наркотики.

Расширение масштабов и географии незаконного оборота наркотиков, выход его за пределы национальных границ приводят к усилению политического и экономического влияния международной наркомафии в России. Преступность, связанная с незаконным оборотом наркотиков, превращается в наше время в одну из основных и долговременных угроз безопасности практически всех стран мирового сообщества, в том числе и России, территория которой все активнее используется международной наркомафией для транзита наркотических веществ. Причины и условия совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков носят не только общий для страны в целом характер, но имеют и региональную специфику. По данным специалистов, в некоторых регионах России (Москва, Санкт-Петербург, Хабаровск и др.) до 80% изъятых наркотиков поступают контрабандным способом из-за рубежа, а такие дорогостоящие наркотики, как героин, кокаин, а также синтетические препараты, быстро заполняющие российский рынок, практически полностью поступают по контрабандным каналам из зарубежных стран. Контрабандное перемещение наркотических средств на территорию России осуществляется из стран Ближнего и Дальнего зарубежья: Афганистана, Таджикистана, Казахстана, Литвы, Польши, Румынии, Китая, Нидерландов, Колумбии, Перу и др. [3].

Президент РФ В.В. Путин на II Московской международной антинаркотической конференции в 2015 г. заявил о необходимости скорейшего пресечения оборота всех видов наркотиков и о том, что он обеспокоен вопросами легализации наркотических средств в некоторых странах. В последнее время участились случаи пересылки наркоти-

ческих средств через почтовые отправления. В Россию поступают либо готовые к употреблению «порошки», либо полуфабрикаты, из которых впоследствии изготавливаются наркотические средства. Например, JWH-011, из которого в кустарных условиях можно получить JWH-018, считающийся одним из сильнейших наркотиков из группы JWH и производящийся в основном в подпольных лабораториях Китая. Постановлением Правительства РФ № 822 от 06.10.2011 г. «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в связи с совершенствованием контроля за оборотом наркотических средств» (с изменениями и дополнениями) нафтоилиндол (JWH-011) был внесен самостоятельной позицией в Список № 1 запрещенных сильнодействующих веществ [4].

Модный за рубежом еще с 80-х годов термин «дизайнерские наркотики» (designer drugs) в последние годы стремительно ворвался в лексикон представителей российской молодежи и сотрудников правоохранительных органов. Этот термин объединяет все многообразие синтетических соединений, представляющих химические модификации запрещенных наркотических средств и психотропных веществ, созданных с целью обхода мер контроля и их легального распространения [5].

Экспертным путем установлено, что некоторые психотропные вещества из группы «дизайнерских наркотиков» содержат не по одному, а по два, три и более компонентов, что многократно усиливает их наркотическое воздействие на организм. Далеко не все последствия такого воздействия в настоящее время изучены. Согласно официальным данным ООН, за последние 20 лет количество наркозависимых в России возросло в 10 раз. Участились случаи детской и подростковой наркомании, а страна превратилась в подпольный рынок сбыта для такого тяжелого наркотика, как героин, на долю которого в РФ приходится 1/5 всего мирового оборота [6].

Существует целый ряд факторов, которые способствуют развитию наркомании в России: наркотики дешевеют, несмотря на экономические кризисы и общую инфляцию; появляется больше синтетических наркотиков, соответствующие специалисты их не успевают исследовать, классифицировать и вносить в реестр запрещенных веществ; теневой интернет облегчает покупку наркотиков и усложняет работу правоохранительных органов; труднее становится отследить маршруты доставки; в стране, переживающей экономический кризис, люди больше склонны уходить от реальности, они стремятся снять психологическое напряжение, прибегая к использованию психотропных веществ.

Системный анализ с учетом данных Минздравсоцразвития РФ, а также правоохранительных органов России показывает, что в употребление наркотиков могут быть вовлечены люди самых разных возрастных групп. Эти данные позволяют провести предупредительные меры или предоставить лечение на ранней стадии зависимости.

Дети в возрасте до 16 лет. Эта группа составляет 20% от всего количества людей, употребляющих наркотики. Каждый год она постоянно увеличивается, и скорость увеличения количества человек больше, чем у других возрастных групп. Все больше детей начинают употреблять наркотические вещества в возрасте от 9 до 13 лет. Эта проблема должна волновать не только официальные органы здравоохранения, образования, работников правоохранительных органов, родителей, но и общество в целом. Ужасает то, что если первое употребление наркотика у детей раньше случалось в возрасте от 19 лет, то в настоящее время - от 6-7-летнего возраста. Это обусловлено тем, что найти наркотик (психотропное вещество) нетрудно даже в общеобразовательной школе.

Молодежь в возрасте от 16 до 30 лет. Эта самая большая и самая активная социальная группа составляет 60% от числа всех людей, употребляющих наркотики. Если представители предыдущей группы только начинают их употреблять, то молодые люди данной группы имеют достаточный опыт употребления наркотиков, а многие из них уже

серьезно больны и нуждаются в экстренной медицинской помощи и социальной реабилитации.

Лица старше 30 лет. Они составляют 20% от всех, кто принимает наркотики. Это люди, как правило, состоявшие во второй социальной группе. Многие из них неизлечимо больны и, естественно, выбывают из активной жизни общества.

Статистика Минздравсоцразвития РФ свидетельствует, что только 6% от всех страдающих наркозависимостью излечиваются от нее [7].

Как свидетельствует история развития наркомании в нашей стране, она протекает волнообразно. Последний и наиболее серьезный всплеск наркомании и незаконного оборота наркотиков и их прекурсоров в Российской Федерации относится к началу 90-х годов, затем происходило снижение. В дальнейшем наркомания и незаконный оборот наркотиков в стране снова продолжали расти. Наркоситуация в России в 2016 г. характеризовалась уменьшением: спроса на наркотики и числа лиц, больных наркоманией и сопутствующими заболеваниями; общего числа несовершеннолетних и молодежи в числе потребителей наркотиков; влияния наркомании на общеуголовную преступность.

Вместе с тем наблюдался рост подпольных лабораторий для изготовления синтетических наркотических средств.

По официальной статистике Минздравсоцразвития России, за период с 2009 по 2013 г. количество ежегодно принимаемых на учет наркоманов снизилось с 25,2 тыс. до 18,1 тыс. человек. Одновременно было зафиксировано и снижение общего числа состоящих на учете лиц, страдающих наркоманией: с 340,2 тыс. до 308,3 тыс. человек.

Несмотря на, казалось бы, положительную динамику наркоситуации, в регулярных отчетах ФСКН и наркоподразделений МВД РФ за минувший 2016 г. фигурируют следующие цифры:

- ежегодно наркотические средства начинают употреблять около 90 тыс. жителей РФ;
- около 8 млн человек принимают наркотики регулярно;
- 90% зависимых принимают наркотики посредством инъекций;
- средний возраст наркозависимых - 16-18 лет.

Начиная с 2004 г. в европейских странах в продаже, главным образом через интернет-магазины, появились курительные смеси под названиями Spice diamond, Spice gold, Spice silver, Smoke, Smoke Plus, Sence, Skunk, Yucatan Fire и др. Эти смеси позиционировались как легально предназначенные для курения. Судебно-медицинский скрининг биожидкостей, крови и мочи на обнаружение в них наркотических средств и их метаболитов показывал отрицательные результаты, благодаря чему данные курительные смеси обрели огромную популярность среди курильщиков марихуаны во многих странах мира. Эти курительные смеси получили название «спайс» - Spice, что в переводе с английского означает: специя, пряность, острота, пикантность, примесь, привкус. Производители спайсов позиционировали их как смеси, состоящие из традиционно используемых легальных лекарственных трав. Однако позднее было установлено, что каждая из лекарственных трав, потребляемая отдельно, вреда человеку практически не приносит, а потребление смеси из таких трав приводит к взаимному усилению их фармакологического действия, что позволяет достичь многократно усиленного общего эффекта, похожего по своему психоактивному действию на действие наркотического средства марихуаны. Установлено, что в указанные растительные смеси производители спайсов добавляют наркотические вещества синтетического происхождения: JWH-018 и другие. По своему воздействию на организм человека психотропные эффекты синтетического каннабинола JWH-018 очень похожи на влияние тетрагидроканнабинола (ТГК) - аналога гашиша и ма-

рихуаны, однако по силе воздействия JWH-018 превосходит каннабиноиды растительного происхождения примерно в пять раз [8].

На территории Российской Федерации рост потребления курительных смесей, содержащих в своем составе вещества, сходные по своему воздействию на организм с ТГК, начался с 2000-х годов. Препараты, созданные на его основе, относятся к наркотическим средствам. В соответствии с ч.2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», чтобы решить судом вопрос об отнесении контролируемого вещества к конкретному виду (наркотическому средству, психотропному веществу или их аналогу), требуются соответствующие заключения экспертов или специалистов. Эта процедура является довольно длительной, многоступенчатой, а зачастую и трудновыполнимой.

Основной вред наносят курительные смеси центральной нервной системе. Психоневрологические нарушения возникают в головном мозге, периферической нервной системе. Синтетические психотропные соединения вызывают тяжелые отравления, разрушают печень, репродуктивную, выделительную системы.

Осенью 2014 г. произошли массовые отравления ранее неизвестными в России спайсами. За медицинской помощью после их употребления обратились свыше 2 тыс. человек, более 40 из них погибли.

15 февраля 2015 г. вступил в силу запрет оборота и пропаганды потребления новых потенциально опасных психоактивных веществ, установленный Федеральным законом от 3 февраля 2015 г. № 7-ФЗ «**О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».** Его принятие связано с массовым распространением в России вышеуказанных психотропных веществ. В 2015 г. в РФ все курительные смеси, изготовленные на основе синтетических каннабиноидов (спайсы), были признаны наркотиками и внесены в реестр запрещенных веществ. Это наркосодержащее вещество поступает в продажу российским потребителям из нелегальных лабораторий Китая, где постоянно разрабатываются новые, еще более опасные формулы синтетического каннабиноида, составляющего основу этих курительных смесей.

Главными причинами смертности, связанной с наркотиками могут быть: передозировка, хронические заболевания, самоубийство, ВИЧ – инфекция. В 2016 г. в России было выявлено более 1 млн инфицированных, 50% которых приобрели это заболевание в процессе нестерильных инъекций наркотических средств. Среди причин смертности, связанной с наркотиками, может быть и множество других.

Жертвами наркозависимости, как правило, становятся студенты и школьники. В силу неокрепшей психики, отсутствия жизненного опыта и денег для приобретения «чистых» наркотиков, они более других категорий рискуют прибрести «некачественный товар», попасть в неприятную ситуацию или погибнуть от передозировки. Это происходило на фоне роста количества преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. По официальной статистике МВД России, число таких преступлений возросло с 222,6 тыс. в 2010 г. до 254,7 тыс. в 2014 г. В последние годы наблюдается уменьшение не только количества зарегистрированных наркоманов, но и количества выявленных преступлений, связанных с наркотиками. **Статистика наркомании в России 2017** г. показывает, что на учет становится на 2,21% меньше людей, чем в аналогичные периоды прошлых лет.

Согласно данным МВД России, в 2016 г. произошло значительное снижение наркопреступности по сравнению с 2015 г. практически по всем видам преступлений этой категории (табл.) [9].

Табл. Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических веществ или их аналогов, а также сильнодействующих веществ в 2016 г. в сравнении с 2015 г.

Table. Crimes related to illicit trafficking in narcotic drugs or their analogues, as well as strong substances in 2016 as compared to 2015.

Виды преступлений	**Зарегистрировано в отчетном периоде**	
	Всего (2016)	**+ - в % (2015)**
Зарегистрировано преступлений	201 165	-15,1
- из них тяжкие и особо тяжкие составляют	144 104	- 18,0
Совершены в крупном и особо крупном размерах	85 799	- 20,8
Незаконное производство, сбыт, пересылка, приобретение, хранение, изготовление, переработка, а также нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ	196 271	- 14,6
- сбыт	99 052	- 16,4
- производство	66	- 26,7
- пересылка	525	- 51,0
Незаконное изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка или пересылка в целях сбыта, а равно сбыт сильнодействующих веществ	650	- 44,9
Контрабанда (ст. 229.1 УК РФ)	803	- 21,9

Безусловно, корни наркомании находятся в неблагоприятном социально-экономическом климате государства и воспитании подрастающего поколения, недостаточности пропаганды и организации здорового образа жизни, особенно среди молодых россиян, нехватке реабилитационных центров лиц, прошедших курс лечения от этой болезни. Все это, разумеется, требует значительных материальных вложений со стороны государства. Проведенные в России экономические реформы привели в кратчайшие сроки к чудовищному расслоению общества и появлению очень состоятельных людей, а руках которых оказались несметные богатства страны. Другая и основная часть населения - честные труженики, создававшие национальные богатства, защитившие Россию в Великой Отечественной войне, - в одно мгновение превратились в бедняков. Многие заводы и другие предприятия, например шахты, не имея заказов, встали. Часть рабочих остались без работы и возможности ее получения. Третья часть населения - это в основном молодые люди, которые вернулись из армии, в том числе из Афганистана и других горячих точек, а также те, кто не имел работы, - организовали преступные сообщества, у которых для обогащения были все средства хороши. В конце 80-х и начале 90-х годов прошлого века бандформирования действовали по всей территории России. Правоохранительные органы страны не справлялись с нахлынувшим валом преступности. Открылись наркотрафики из Пакистана, Афганистана, южных республик бывшего СССР. Для преступных сообществ, в том числе лиц с Кавказа, стран Средней Азии, цыган, отдельных «оборотней в погонах», наркобизнес стал основным средством обогащения. Молодые люди того времени, лишенные государством всякой поддержки, перспективы и желающие уйти от суровой действительности, начали употреблять наркотики и вовлекать в их употребление вначале своих знакомых, а затем и других лиц. Когда государственные правоохранительные органы обратили внимание на это, в общем-то новое для поколения 70-80-х, явление, было уже поздно. «Джин был выпущен из бутылки» [10].

Наука объясняет потребление наркотиков, с одной стороны, как одну из форм гедонизма, а также ухода человека от житейских невзгод и конфликтов, от старого и надоев-

шего, нового, но непонятного или не принимаемого и т.п., с другой - как элемент традиционного образа жизни в обществах, где наркомания носит бытовой характер. Для большинства современных обществ потребление наркотиков - важный элемент молодежной субкультуры. Нередко это своеобразная плата за членство в той или иной неформальной группе, форма (элемент) престижности. Однако общество хотя бы в целях самосохранения не должно быть безучастным к этому социальному злу. Эту задачу должны решать не только правоохранительные органы России, но и родители, учителя в школах, медицинские работники, работники детских домов, других специализированных учреждений для несовершеннолетних, которые первыми могут выявить у своих детей и воспитанников факты употребления наркотических средств и психотропных веществ.

В целях профилактики наркомании целесообразно разработать совместно с соответствующими учреждениями здравоохранения памятку для работников полиции, а также педагогов, медиков, родителей, работников специализированных детских учреждений о признаках наркотического опьянения, проводить с ними занятия по методике выявления, фиксации фактов употребления наркотиков, психотропных веществ и принятия соответствующих профилактических мер.

Среди положительных примеров в этом сложном вопросе можно привести деятельность екатеринбургских фондов «Город без наркотиков», «XXI век без наркотиков» и других, которые, действуя на общественных началах, играют важную роль в борьбе с наркоманией не только в Екатеринбурге, но и за его пределами. Их участниками устанавливаются и прослеживаются пути от мест изготовления синтетических наркотиков через активных распространителей наркотических средств к их потребителям. Например, только за период с 22 по 29 мая 2017 г. оперативниками Фонда «Город без наркотиков» совместно с сотрудниками полиции было проведено 10 операций, в ходе которых выявлено 11 человек, связанных с распространением наркотиков. Возбуждено 6 уголовных дел по сбыту наркотических средств и 5 - по хранению наркотиков [11].

Анализ правоприменительной практики, данных Минздравсоцразвития РФ и результатов научных исследований показывает, что наркоситуация в России сегодня представляет реальную угрозу не только здоровью населения, но и национальной безопасности страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом о поправках к Единой конвенции о наркотических веществах 1961 года // Официальный сайт ООН / [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/single1961.pdf.
2. Проблемы борьбы с наркоманией и незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ требуют программно-целевого подхода и эффективных законодательных мер / [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: http://www.buroadvokat.ru (дата обращения: 22.11.2016).
3. Боев Б. Наркомания в России: анализ и прогноз демографических последствий // Alma-mater. - 2014. - №3. - С. 26-31, 46.
4. Методические подходы по отнесению соединений к «производным наркотических средств и психотропных веществ» в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 30 октября 2010 г. № 882. Информационное письмо, разработанное совместно ЭКУ ФСКН России, РФЦСЭ Минюста России, ЭКЦ МВД России. Исх. № 37/24-6968 от 25.11.2010г ЭКЦ МВД России г. Москва, 2010. - С. 2; Боев Б. Указ. соч. - С. 26-31, 46.
5. Дизайнерские наркотики. Криминалистическое исследование «структурных аналогов» пировалерона, производных наркотического средства N-метилэфедрона. Информационное письмо, исх. № 31/8648 от 19.05.2010 г., г. Екатеринбург: ФСКН Управление по Свердловской области, базовый ЭКО; ЭКЦ ГУВД по Свердловской области, 2011.

6. Боев Б. Указ. соч. - С. 26-31,46.
7. Миронов Р.Г. Наркомания - реальная угроза национальной безопасности // Социально-гуманитарные знания. - 2015. - № 3.
8. Мелкозеров В.П., Шевырин В.А. Аналитические характеристики 4-метилэткатинона (4-МЕС) и N-метилбутилона (bkMMBDB), двух распространенных «структурных аналогов» наркотических средств мефедрона и метилона // Судебная экспертиза. - № 1. - 2011. - С. 10-18.
9. Министерство внутренних дел РФ / [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_266.
10. Пантюхина Г.А. Организованная преступность Уральского региона (теоретические и практические аспекты). Монография. - Екатеринбург, 2004. - С. 3-4.
11. Отчет за апрель 2017 года. Некоммерческая организация. Благотворительный фонд. Город без наркотиков. Официальный сайт / [Электронный ресурс] - Режим доступа: nobf.ru.

REFERENCES

1. Edinaja konvencija o narkoticheskih sredstvah 1961 goda s popravkami, vnesennymi v nee v sootvetstvii s Protokolom o popravkah k Edinoj konvencii o narkoticheskih veshhestvah 1961 goda. [Single Convention on narcotic drugs of 1961 as amended in accordance with the Protocol amending the Single Convention on narcotic substances 1961]. The Official website of the United Nations Available at: URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/single1961.pdf. (in Russian)
2. Problemy bor'by s narkomaniej i nezakonnym oborotom narkoticheskih sredstv i psihotropnyh veshhestv trebujut programmno-celevogo podhoda i jeffektivnyh zakonodatel'nyh mer. [Problems of combating drug addiction and illicit traffic in narcotic drugs and psychotropic substances require a program-oriented approach and effective legislative action]. Available at: URL: http://www.buroadvokat.ru (accessed: 22.11.2016). (in Russian)
3. Boev B. Narkomanija v Rossii: analiz i prognoz demograficheskih posledstvij. [Drug abuse in Russia: analysis and forecast of the demographic consequence]. Alma-mater. 2014. No. 3. P. 26-31, 46. (in Russian)
4. Methodological approaches to classifying the compounds to the "derived narcotic drugs and psychotropic substances" in accordance with the decree of the Government of the Russian Federation of 30 October 2010 No. 882. Information letter developed jointly by the ESC Federal drug control service of Russia, Federal center of forensic expertise of Ministry of justice of Russia, the forensic centre of the MIA. Ex. No. 37/24 6968 25.11.2010 g ekts Ministry of internal Affairs of Russia, Moscow, 2010. P. 2; Boev B. The Decree. CIT. Pp. 26-31, 46. (in Russian)
5. Designer drugs. Forensic investigation of "structural analogues" pyrovalerone derivatives drugs N-methylephedrine. Information letter, Ref. No. 31/8648 19.05.2010 g. Ekaterinburg: FSKN Directorate for Sverdlovsk region, base ECO; Forensic science center police Department of the Sverdlovsk region, 2011. (in Russian)
6. Boev B. The Decree. CIT. Pp. 26-31,46. (in Russian)
7. 7. Mironov R.G. Narkomanija real'naja ugroza nacional'noj bezopasnost. [Addiction a real threat to national security]. Socio-humanitarian knowledge. 2015. No. 3. (in Russian)
8. Melkozerov V.P., Shevyrin V.A. Analiticheskie harakteristiki 4-metiljetkatinona (4-MEC) i N-metilbutilona (bkMMBDB), dvuh rasprostranennyh «strukturnyh analogov» narkoticheskih sredstv mefedrona i metilona. [Analytical characteristics of 4-methylacetylene (4-MEC) and N-methylbutane (bkMMBDB), two common "structural analogs" of drugs mephedrone and methylone]. Forensic examination. No. 1. 2011. S. 10-18. (in Russian)
9. The Ministry of internal Affairs of the Russian Federation. Available at: http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_266. (in Russian)
10. Pantjuhina G.A. Organizovannaja prestupnost' Ural'skogo regiona (teoreticheskie i prakticheskie aspekty). Monografija. [Pantjuhina G. A. Organized crime in the Urals region (theoretical and practical aspects). Monograph]. Ekaterinburg, 2004. Pp. 3-4. (in Russian)
11. Report for April 2017. Non-profit organization. Charity. City without drugs. Official website. Available at: nobf.ru. (in Russian)

Информация об авторе:

Пантюхина Галина Александровна, кандидат юридических наук, доцент, кафедра правовой психологии и судебных экспертиз, Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Россия
galina-pantyukhina@yandex.ru

Information about the author:

Galina A. Pantyukhina, Candidate of Law, Associate Professor, Department of Legal Psychology and Forensic Expertise, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia
galina-pantyukhina@yandex.ru

Получена: 30.07.2017

Для цитирования: Пантюхина Г.А. Наркомания в России в конце XX - начале XXI в.: причины возникновения и распространения. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 2. с.66-74.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-66-74.

Received: 30.07.2017

For citation: Pantyukhina G.A. Drug addiction in Russia in the late XX - early XXI centuries: causes of emergence and spread. *Historical and Social Educational Idea.* 2017. Vol . 9. no.4. Part. 2. Pp. 66-74.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-66-74. (in Russian)

УДК 965 (470.620) «1941/1945» DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-75-81

РАТУШНЯК Валерий Николаевич
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
ratushnyak_@mail.ru

Valeriy N. RATUSHNYAK
Kuban State University
Krasnodar, Russia
ratushnyak_@mail.ru

КУБАНСКАЯ АДВОКАТУРА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

KUBAN ADVOCACY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

В статье рассматривается положение кубанской адвокатуры в годы Великой Отечественной войны. Показаны причины, по которым многие кубанские адвокаты вынуждены были остаться на оккупированной врагом территории. Одни из них в это время выживали за счет частной практики, другие скрывались у родственников, третьи стали жертвами фашистского террора. Были и те немногие, которые пошли в услужение захватчикам. Президиум краевой коллегии адвокатов эвакуировался в Сочи, куда немцы не дошли в период своего наступления на Кавказ. К счастью, оккупанты недолго пробыли на Кубани, хотя и успели проявить свою античеловеческую сущность. В феврале 1943 г. был освобожден Краснодар и началось восстановление полноценной коллегии юристов. Показано, как и из кого формировались кадры адвокатов, какие требования к ним предъявлялись, уровень образования кубанских адвокатов в годы войны. Уделено внимание вопросам организации деятельности юридических консультаций в первые послеоккупационные годы, тому, что делал президиум краевой коллегии для эффективного руководства деятельностью адвокатов. В статье приводится факт участия опытных адвокатов в общественно-показательном судебном процессе над изменниками родины в июле 1943 г., итоги этого процесса. Показана политическая бдительность, присущая советской государственно-тоталитарной системе того времени, жертвой которой без всякого злого умысла мог стать любой адвокат.

The article deals with the position of the Kuban advocacy during the Great Patriotic War. There are showed the reasons why many Kuban advocates were compelled to stay within the occupied territory. For that time some of them survived by means of private practice. Others were hiding at their relatives homes. And some advocates fell victims to the fascist terror. There were also a few of them who served to the invaders. The presidium of the regional college of advocates was evacuated to Sochi where the Germans didn't come during their advance on the Caucasus. Fortunately the occupants hadn't been in the Kuban for long time although they had enough time to show their inhumanity. In February 1943 Krasnodar was liberated and recovery of fully functional college of lawyers began. It is showed how the advocate cadres were being formed, which requirements demanded, and the educational level of the Kuban advocates during the wartime. The attention is given to the problem of the organization of the legal consultations' activities during the first years after the German occupation. It is showed the work of the presidium of the regional college of advocates on the effective governance of the advocates' activities. The paper gives a fact of participation of experienced advocates in demonstrative court process against the betrayers of nation in July 1943 and its results. The author shows the political vigilance appropriate for the Soviet totalitarian system of that time which could victimize any advocate without the slightest malicious intent.

Ключевые слова: коллегия, адвокаты, президиум, война, оккупация, деятельность, юридические консультации, суд, кадры, процесс

Keywords: college, advocates, presidium, war, occupation, activity, legal consultations, court, cadres, process

22 июня 1941 г. без объявления войны фашистская Германия напала на СССР. Ее мощная, технически хорошо вооруженная армия в начале войны добилась серьезных успехов, захватив Минск, Смоленск, Киев и другие советские города. Однако в конце 1941 г. она потерпела поражение под Москвой. Тогда немцы предприняли наступление на южном направлении, что было неожиданным для советского командования, ожидавшего нового наступления на советскую столицу. Поэтому в центре страны и были сосредоточены основные силы Красной Армии.

Уже 23 июня 1941 г. Краснодарский край был объявлен на военном положении. В тот же день начался призыв в ряды Красной Армии военнообязанных 1905-1918 года рождения. К концу июля 1942 г. ко времени вторжения немецких захватчиков на Кубани на фронт ушло около 600 тыс. кубанцев, в том числе и многие адвокаты. Стремительно наступая, несмотря на сопротивление красноармейцев, немцы 9 августа 1942 г. захватили Краснодар, оккупация которого длилась до 12 февраля 1943 г. Во второй половине авгу-

ста большая часть Краснодарского края была захвачена, за исключением узкой полосы Черноморского побережья Кубани, включавшего Геленджик, Туапсе и Сочи.

9 октября 1943 г. после разгрома Таманской группировки противника край был полностью освобожден от оккупантов. Война и фашистская оккупация нанесли тяжелый удар населению и экономике края. Только в Краснодаре фашисты уничтожили 12 тыс. человек. На работу в Германию было вывезено 130,6 тыс. кубанцев, уничтожены тысячи промышленных, сельскохозяйственных и культурных объектов. Не случайно, что край еще был не весь освобожден, а правительство и Центральный комитет ВКП(б) 21 августа 1943 г. принимают постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйств в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Делалось все, чтобы скорее возродить народное хозяйство. Особое внимание уделялось восстановлению кадрового потенциала, в том числе и адвокатского корпуса. Решение всех этих задач осуществлялось в условиях сложившейся еще в предшествующие годы командно-бюрократической системы.

Следует отметить, что в рассматриваемый период руководящие органы советской юстиции стали больше, чем в предшествующий период, уделять внимание адвокатуре. Об этом свидетельствуют их распорядительные документы. Так, 5 апреля 1943 г. был издан приказ наркома юстиции РСФСР «Об установлении количества юридических консультаций в АССР, краях и областях и их численного состава». Через некоторое время, 29 августа 1943 г., последовал приказ наркома юстиции СССР № 21 «Об улучшении работы юридических консультаций коллегии адвокатов». Эти и другие распоряжения партийных и советских органов регулировали жизнь и деятельность советских адвокатов в рассматриваемый период.

Войну кубанские адвокаты встретили неожиданно для всех. 21 июня 1941 г. кубанские адвокаты собрались в Краснодаре на свой очередной отчетный съезд. Он обсудил итоги предыдущей работы, избрал Президиум Краснодарской краевой коллегии адвокатов (КККА) во главе с Василием Ивановичем Якуненко. Съезд завершил работу поздно ночью, шли уже первые часы 22 июня. А вскоре делегаты съезда узнали трагическую весть о нападении фашистской Германии на Советский Союз. Коллегии адвокатов и ее Президиуму сразу же пришлось работать в непростых условиях военного времени [1, л. 93-97]. Около 40 адвокатов были мобилизованы в армию. Президиум по мере возможности материально помогал семьям мобилизованных адвокатов. Мало того, с первых месяцев войны в край стали прибывать адвокаты из занятых врагом территорий. Надо было устраивать их на работу, помогать с жильем.

Как уже говорилось выше, 23 июня 1941 г. край был объявлен на военном положении. Дела о преступлениях, направленные против общественного порядка и государственной безопасности, изымались из ведения народных судов и передавались на рассмотрение военных трибуналов, которые требовали у коллегии присылать для государственной защиты адвокатов. Коллегия полностью удовлетворяла их просьбы. Мало того, адвокатам Савельеву, Чудакову, Никитину и Мурай пришлось даже для этого выезжать на фронт.

Между тем фронт приближался к Кубани. 24 июля 1942 г. немцы взяли Ростов-на-Дону и через несколько дней вторглись в пределы Краснодарского края. Противник продвигался столь быстро, что проводить планомерную эвакуацию организаций не было возможности. Народный комиссариат юстиции дал указания местным районным руководителям решать этот вопрос самостоятельно. В Краснодаре надо было закончить эвакуацию в течение 2-3-х дней. Поэтому в связи со срочностью Президиум коллегии адвокатов уничтожил большинство документов, сохранив лишь личные дела адвокатов; они были перевезены в Сочи, где находилось руководство края. Туда же выехали и члены президиума Якуненко, Брянчанинов и Меретукова.

Из 146 адвокатов коллегии в сиду разных причин на оккупированной фашистами территории края оказалось 76 [2, л. 23]. Основной причиной этого для большинства из них было то, что населению Кубани было объявлено об эвакуации, когда враг стремительно продвигался вглубь края и перерезал пути отхода. Поэтому таким эвакуирован-

ным пришлось вернуться назад. Так, адвокат А.Л. Израилев эвакуировался, но в пути был захвачен немцами и возвращен в станицу Николаевскую, подвергался репрессиям, работал на земляных работах. Особенно опасно было жить на оккупированной территории советским служащим и членам ВКП(б). Так, Акулина Марковна Новиненко, работавшая народным судьей, а с 1938 г. - адвокатом, эвакуировалась из Краснодара, но успела добраться только до Кропоткина, где в его окрестностях скрывалась у родных. Член ВКП(б) Анна Григорьевна Балабанова не только осталась в оккупированном Краснодаре, но и выполняла оперативные задания советских организаций. З.С. Захарьян, беспартийный, в период оккупации занимался частной адвокатской практикой. Существенно помог ряду советских семей членов ВКП(б) в спасении их жизни и имущества. Мог быть арестованным немцами и вынужден был скрываться бывший народный судья, адвокат с 1935 г. Н.В. Семенов. Во время оккупации подвергались аресту со стороны немцев новотитаровский адвокат Б.С. Келин и ейский адвокат Н.И. Ржимовский. Последнего фашисты заподозрили в принадлежности к еврейской нации и подвергли принудительному медицинскому освидетельствованию [3, л. 6-7]. Однако не всем адвокатам удалось выжить в период фашистской оккупации. Немцы беспощадно расправлялись с теми, кто был им неугоден. Погибли в Краснодаре член ВКП(б) Л.Г. Прудников, беспартийные В.В. Тарновски, М.А. Яхутлева, абинский адвокат Ф.П. Лагэ. Был расстрелян Рудников. В станице Отрадной принял смерть от фашистов кандидат в члены ВКП(б) В.Н. Смирнов, в Гулькевичах был казнен М. Чернов, в Новокубанской - Клейман [4, л. 23; 4]. Адвокат Смирнов Борис Иванович погиб смертью храбрых в партизанском отряде [5, л. 47].

Во время немецкой оккупации 37 кубанских адвокатов не работали, перебиваясь с хлеба на воду, 11 подрабатывали своими консультациями, но были и такие, кто пошел на службу к врагу. Два из них, сменяя друг друга, работали бургомистрами г. Краснодара. Есть сведения, что немцы заставили их работать бургомистрами, а вот адвокат Н.В. Палибин, офицер Добровольческой армии Деникина, живший до войны по подложным документам, сразу же с приходом немцев на Кубань пошел к ним в услужение. Был назначен бургомистром г. Майкопа, а затем ушел с отступавшей германской армией. В 1943-1945 гг. работал в Берлине в аппарате Министерства по восточным территориям, в 1946 г. эмигрировал в США [6, с. 1]. Один адвокат работал журналистом в газете «Кубань», которую выпускали немцы, пропагандируя фашистский режим. Были два адвоката, работавшие старостами в Белореченском и Апшеронском районах. В Усть-Лабинской местный адвокат стал станичным атаманом. Немцы восстанавливали на Кубани институт станичных атаманов.

В Сочи президиум коллегии, в которой насчитывалось не более 14 адвокатов, продолжал работать, организуя участие членов коллегии в судебных делах.

12 февраля 1943 г. Краснодар был освобожден от оккупантов, а уже 19 февраля Президиум КККА командировал в краевой центр своего зампредседателя В.А. Брянчанинова налаживать работу адвокатуры. В последний день февраля 1943 г. в Краснодар выехал уже весь Президиум. Начались работы по воссозданию полноценной коллегии адвокатов. Недокомплект адвокатов в это время составлял 80 человек [7, л. 4]. Велась переписка с адвокатами других областей, приглашали эвакуированных вернуться в Краснодарский край. Председатель Президиума В.И. Якуненко ездил в Грузию, Армению. Абхазию для возвращения бывших кубанских адвокатов в край. Таких вернувшихся набралось 18 человек. Из них были намечены уполномоченные в районные центры для организации юридических консультаций.

Работать приходилось в трудных экономических условиях: не хватало помещений, оборудования, бумаги, бланков и т.п. Руку помощи протянула Свердловская коллегия адвокатов, перечислив кубанским адвокатам 15 тыс. руб. Президиум был малочислен: Меретукова отбыла в армию, заменивший ее Михайлов был в Сочи, Брянчанинов откомандирован в краевую прокуратуру. По инициативе В.И. Якуненко Нарком юстиции утвердил Оргбюро Коллегии в составе пяти человек, из которых трое в силу разных причин не могли активно работать, но все же коллегия адвокатов постепенно восстанавливалась. В

феврале 1943 г. в нее было принято 2 человека, в марте - 15, в апреле - 12, в мае - 13 чел., в июне - 8, в июле - 8, в августе - 6, в сентябре - 16, в октябре - 8, в ноябре - 4 [8, л. 25-26]. Уже к лету 1943 г., когда были оформлены краевой суд и народные суды, началась довольно успешная работа коллегии адвокатов. Было лишь 2-3 случая срыва дел из-за отсутствия защитников.

Опытные краснодарские адвокаты В.И. Якуненко, С.К. Казначеев и А.И. Назаревский в июле 1943 г. участвовали в общественно-показательном судебном процессе над пособниками немецких оккупантов, проходившем в Краснодаре. На скамье подсудимых было 11 человек. Все они обвинялись в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 «а» и 58-1 «б» Уголовного кодекса РСФСР (измена родине). Краснодарским адвокатам предстояла труднейшая психологическая задача - защищать по назначению суда пособников фашистов в городе, где стали известны жуткие сведения о зверском уничтожении тысяч кубанцев в гестапо и машинах «душегубках». Из 11 обвиняемых 10 состояли на службе в так называемой Зондеркоманде СС-10-А (особая команда тайной полиции), помогая выполнять карательные функции гестапо. Поэтому на суде свою роль С.К. Казначеев начал с осуждения людоедской сущности фашизма, которая во всей своей омерзительности проявилась в годы войны. «Прежде всего, - говорил адвокат, - мне хочется выразить свое сожаление о том, что главные организаторы и вдохновители этих чудовищных преступлений пока еще не сидят на скамье подсудимых. Главные обвиняемые по этому делу - это Гитлер и его преступная банда <...> в руках которых лица, сидящие сейчас на скамье подсудимых, являлись тупым орудием выполнения их злодейских указаний и распоряжений» [9, с. 59]. Признавая всю тяжесть совершенных его подзащитными преступлений, адвокат просил суд при определении их судьбы учесть их чистосердечные признания и то обстоятельство, что они были лишь исполнителями преступной воли фашистско-немецких убийц. Аналогичные выступления были и у коллег С.К. Казначеева - адвокатов В.И. Якуненко и А.И. Назаревского. Все они просили суд сохранить жизнь их подзащитным. На четвертый день судебного процесса, 17 июля, во второй половине дня председательствующий полковник юстиции Н.Я. Майоров огласил приговор: восемь обвиняемых были приговорены к смертной казни через повешение, трое - к ссылке в каторжные работы сроком на 20 лет каждый. Процесс получил широкую огласку благодаря присутствию на нем представителей общественности, в числе которых были известный писатель А. Толстой, московский журналист М. Мержанов и др.

В связи с воссозданием краевой коллегии адвокатов встал традиционный для советской политической системы вопрос об идеологической благонадежности адвокатов, находившихся на оккупированной немцами территории. 16 марта 1943 г. в Краснодаре прошло первое заседание Президиума КККА. На нем присутствовали председатель В.И. Якуненко, члены президиума В.А. Брянчанинов, Ю.А. Михайлов, три приглашенных адвоката коллегии и уполномоченный от Народного Комиссариата юстиции Н.П. Никитин. Заслушивался вопрос об адвокатах Краснодарской краевой коллегии, остававшихся на оккупированной территории. Президиум постановил: считать выбывшими из коллегии адвокатов всех находившихся по каким-либо причинам на территории, занимаемой врагом. В связи с чем было решено «прием в адвокатуру этого контингента юристов производить как вновь вступивших, на общих основаниях» [10, л. 1-3]. В руках у Президиума был список этих юристов, и по некоторым из них были приняты решения, которые нередко, в связи с трудностями с бумагой, оформляли на разрезанных немецких картах.

На втором заседании Президиума КККА, которое состоялось через месяц, 16 апреля 1943 г., работа по отбору адвокатов в коллегию продолжалась. Тем, кто при немцах работал адвокатом, в приеме обычно отказывали. Отказывали и тем, кто мог якобы эвакуироваться, но остался на оккупированной территории. Впрочем, к каждой кандидатуре Президиум подходил индивидуально, учитывая его довоенную работу, стаж, опыт, образование. Так, в коллегию было принято 8 адвокатов, остававшихся в крае во время оккупации. К съезду адвокатов края 23-24 ноября 1943 г. в коллегии числилось 108 адвокатов. Из них прибыли по путевкам Народного комиссариата юстиции 22 чел., 20 вернулись из эва-

куации, 42 оказались на месте и 34 было принято из тех, кто был, но не работал на оккупированной территории.

По уровню образования состав коллегии включал 38 человек с высшим юридическим образованием, 36 окончивших юридические школы, 13 окончивших юридические курсы и 21 не имевших юридического образования. Треть членов коллегии были членами ВКП(б) [11, л. 30]. С 20 июня 1943 г. функции Президиума коллегии стало выполнять Оргбюро. На его первом заседании были распределены обязанности. Председателем был утвержден В.И. Якуненко, его замом - И.А. Савельев, членами - А.М. Золотоверхов, И.А. Чепланов и П.С. Никитин. Было принято решение проводить заседания Оргбюро 10-го и 25-го числа каждого месяца. Проработав менее трех месяцев, Оргбюро вновь заявили о себе как Президиум коллегии. За это время Оргбюро исключило из состава коллегии Т.А. Бородину за грубое нарушение инструкции о порядке оплаты юридической помощи населению и отказало некоторым адвокатам в приеме в коллегию в связи с тем, что они работали адвокатами во время немецкой оккупации края.

На расширенном заседании Президиума КККА 26 октября 1943 г. был утвержден порядок работы юридических консультаций. Его суть сводилась к следующим положениям: 1) всю клиентуру в юридической консультации должен принимать заведующий, назначать гонорар и распределять планомерно работу среди сотрудников; 2) установить график работы дежурств адвокатов, которые должны были в день дежурства в течение восьми часов находиться в ЮК; 3) в отсутствие заведующего его функции должен выполнять дежурный адвокат; 4) никто из адвокатов, помимо заведующего или дежурного, не может вести с клиентурой переговоры по поводу гонорара; 5) установить контрольный лист явки адвокатов; те, кто нарушает трудовую дисциплину, должны дать объяснение, и о них доложить в Президиум; 6) уходя в суд на консультацию, адвокат должен сделать запись в контрольном листе; 7) заведующий или дежурный обязаны назначать гонорар в полном соответствии с существующей таксой на основании приказа НКЮ СССР за № 85 от 2 октября 1939 г.; когда дела сложные, то доплачивать за сложность с последующей санкцией Президиума; 8) заполнять регистрационные карточки; 9) по каждому конкретному делу адвокат должен иметь полноценное «досье», отвечающее требованиям Отдела адвокатуры НКЮ РСФСР и президиума крайколлегии; 10) периодически (раз в месяц) проводить производственные совещания; 11) установить плановые дежурства адвокатов при военкоматах, отделах соцобеспечения; оказывать бесплатную юридическую помощь инвалидам войны и семьям лиц, призванных в армию; 12) качественная работа адвокатов должна быть тесно связана с общественно-политической работой на предприятиях среди рабочих, служащих и интеллигенции.

Рекомендовалось также каждой консультации иметь счетного работника. В большинстве консультаций обслуживающий штат состоял из счетовода-кассира и уборщицы-рассыльной. Более крупные юрконсультации нанимали и машинистку. А 1-я юрконсультация Краснодара имела еще передвижную телегу-коляску с конюхом, услугами которого пользовались не только адвокаты консультации, но и члены Президиума.

С 1944 г. начал работать новый состав Президиума коллегии. Председателем Президиума стал Алексей Яковлевич Поздняков, его заместителем - Иван Александрович Савельев, учившийся во Всесоюзном юридическом заочном институте.

Новый Президиум для более эффективного руководства юрконсультациями разделил край на семь территориальных кустов во главе с Краснодаром, станицами Крымской, Староминской, Тихорецкой, городами Сочи, Армавир, Майкоп. По распоряжению НКЮ РСФСР Президиум коллегии мобилизовал 14 кубанских адвокатов на постоянную работу в Крымскую АССР, где не хватало юристов. Проводилась работа по организации соцсоревнования между юридическими консультациями края со Ставропольской краевой коллегией.

Не забывалась и политическая бдительность, столь присущая тоталитарно-государственной системе СССР того времени. Так, возникло «дисциплинарное производство» на адвоката 2-й юридической консультации г. Краснодара Н.Н. Кириченко. 22 ок-

тября 1943 г., выступая в народном суде г. Краснодара, Н.Н. Кириченко обронил фразу: «когда пушки гремят, законы молчат». Тут же последовала реплика прокурора, отметившего политическую вредность высказывания адвоката. Затем дело рассматривало производственное совещание 2-й юрконсультации г. Краснодара. На нем выступил инструктор Управления НКЮ по Краснодарскому краю Меневич, поднявший вопрос о политически опасном выступлении адвоката на суде, где было много присутствующих. Инструктор заявил, что вряд ли целесообразно доверять Кириченко адвокатскую трибуну в суде. Дальше судьбу Н.Н. Кириченко решал уже Президиум коллегии. С осуждением коллеги выступило восемь человек. Итоги обсуждения подвел председатель Президиума, который отметил, что Кириченко имеет высшее юридическое образование, большой опыт юридической работы и «он не мог допустить неосторожное выражение без умысла» [12, л. 58-59]. Решением Президиума КККА Н.Н. Кириченко был исключен из Коллегии адвокатов.

Знаковым событием, подводившим итоги работы Краснодарской краевой коллегии адвокатов в период Великой Отечественной войны, было общее собрание адвокатов края, проходившее в г. Краснодаре 18-20 декабря 1945 г. Оно не только подвело итоги работы коллегии за период с 1 декабря 1943 г. по 1 декабря 1945 г. но и наметило задачи дальнейшей деятельности адвокатского корпуса в условиях послевоенного периода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Госархив Краснодарского края (далее - ГАКК). Ф.Р-1612. Оп.1. Д.554.
2. ГАКК. Ф.Р-1612. Оп.1. Д.1.
3. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее - ЦДНИКК). Ф.1774-А. Оп.2. Д.652.
4. ГАКК. Ф.Р-1612. Оп.1. Д.1.; ЦДНИКК. Ф.1774-А. Оп.2. Д.652.
5. ГАКК. Ф.Р-1612. Оп.1. Д.6.
6. Палибин Н.В. Записки советского адвоката: 20-30-е годы / Н.В. Палибин; ВМБ основана А.И. Солженицыным. - Paris: YMCA-PRESS, 1988. См. предисловие.
7. ЦДНИКК. Ф.1774-А. Оп.2. Д.652.
8. ГАКК. Ф.Р-1612. Оп.1. Д.1.
9. Судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории гор. Краснодара и Краснодарского края в период их временной оккупации. ОГИЗ. Госполитиздат, 1943. Переиздание: Краснодар: Традиция, 2014.
10. ГАКК. Ф.Р-1612. Оп.1. Д.2. 11.
11. ГАКК. Ф.Р-1612. Оп.1. Д.1.
12. ГАКК. Ф.Р-1612. Оп.1. Д.3.

REFERENCES

1. State archive of the Krasnodar region (GAKK). F. P-1612. Inv. 1. File 554.
2. GAKK. F. P-1612. Inv. 1. File 1.
3. Center of documentation of contemporary history of the Krasnodar region (TsDNIKK). F. 1774-A. Inv. 2. File 652.
4. GAKK. F. P-1612. Inv. 1. File 1.; TsDNIKK. F. 1774-A. Inv. 2. File 652.
5. GAKK. F. P-1612. Inv. 1. File 6.
6. 6.Palibin N.V. Zapiski sovetskogo advokata: 20—30-e god. [N.V. The Soviet advocate's sketchbook]. N.V.Palibin. Paris: YMCA-PRESS, 1988. Ref. introduction. (in Russian)
7. TsDNIKK. F. 1774-A. Inv. 2. File 652.
8. GAKK. F. P-1612. Inv. 1. File 1.
9. Sudebnyy protsess po delu o zverstvakh nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov i ikh posobnikov na territorii gor. Krasnodara i Krasnodarskogo kraya v period ikh vremennoy okkupatsii. [Court process in case of German fascist atrocities and their accomplices within the Krasnodar and Krasnodar

region territory during the occupation period]. OGIZ. Gospolitizdat. 1943. Reedition: Krasnodar: Tradition, 2014.
10. GAKK. F. P-1612. Inv. 1. File 2.
11. GAKK. F. P-1612. Inv. 1. File 1.
12. GAKK. F. P-1612. Inv. 1. File 3.

Информация об авторе:

Ратушняк Валерий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
ratushnyak_@mail.ru

Information about the author:

Valeriy N. Ratushnyak, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
ratushnyak_@mail.ru

Получена:21.07.2017

Для цитирования: Ратушняк В.Н. Кубанская адвокатура в годы великой отечественной войны. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 2. с.75-81.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-75-81.

Received: 21.07.2017

For citation: Ratushnyak V.N. Kuban advocacy during the great patriotic war. *Historical and Social Educational Idea.* 2017. Vol . 9. no.4. Part. 2. Pp. 75-81.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-75-81. (in Russian)

УДК 07; 93: 93/94 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-82-88

САРОГЛИДИ Ангелина Владимировна
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия
anvel483@yandex.ru

Angelina V. SAROGLIDI
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
anvel483@yandex.ru

ПРОПАГАНДА В ФОЛЬКЛОРЕ ДОНА В 1920-1930-е ГОДЫ

PROPAGANDA IN THE DON FOLKLORE IN 1920-1930s

Статья посвящена процессу формирования современного общественного сознания на Дону в 1920-1930-е годы. Отмечается, что политическая пропаганда находит свое отражение в фольклоре, реагировавшем на внедрение новых ценностей. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что изучение материала, разработанного советскими агитаторами, нередко становится определяющим фактором при планировании и практическом осуществлении агитационно-пропагандистской деятельности в современном обществе. Целью работы стало восполнение пробелов в исследовании агитационно-пропагандистской деятельности советской власти на юге страны в 1920-1930-е годы. В статье представлены основные темы, находящие свое отражение в фольклоре: жизнь рабочих, положение женщины-казачки, «белогвардейские злодеяния», хвала ленинцам. Особое внимание уделяется возвышенному образу вождя революции - В.И. Ленину. В результате исследования можно утверждать, что народное творчество подвергалось строгой цензуре: на место искорененного детского тюремного и блатного фольклора, слухов и анекдотов пришел искусственно созданный советский фольклор. Автор считает, что фольклор, включающий в себя песни, пословицы, поговорки, частушки, а также другие виды фольклора, возникающего на основе быта национальностей Дона, являлся важным инструментом в агитационно-пропагандистской деятельности на Дону в период становления советской власти.

The article is devoted to the formation of modern public consciousness in the Don region in 1920-1930s. It would be appropriate to mention that political propaganda, reflected in folklore, reacted to the introduction of new values. The subject of the article is acute due to the fact that the study of the research developed by Soviet agitators often becomes a determining factor in the planning and practical implementation of agitation in modern society. The main purpose of the article is to fill in the gaps in the study of agitation and propaganda activities in the south of the country in the 1920-1930s. The main themes reflected in the Don folklore are presented in the article: the life of workers and women, "white guard crimes", praise of the leninists. The author draws attention is paid to the exalted image of the leader of the revolution - V.I. Lenin. In the conclusion of the research the author asserts that folklore must undergo through strict censorship: artificially created Soviet folklore comes to the place of the child prison and thieves' folklore, rumors and anecdotes. The author sums it all up by saying that folklore, which includes songs, proverbs, sayings, ditties, as well as other types of folklore that emerges on the basis of the everyday life of the Don nationalities, is an important tool in agitation and propaganda activities on the Don in the period of the formation of the USSR.

Ключевые слова: колхозный фольклор, рабочий фольклор, казачество, агитация, пропаганда, современная идеология, Донская область, общественное сознание, РКП(б), В.И. Ленин

Keywords: collective-farm folklore, working folklore, Cossacks, agitation, propaganda, modern ideology, Don Region, public consciousness, RCP(b), V.I. Lenin

Октябрьская революция 1917 года, изменившая судьбу России в XX веке, по мнению финского ученого М. Кивенена, была не до конца понятной для масс: «Многие люди, не видевшие большой разницы между большевиками и другими революционерами, задавались одним и тем же вопросом: что же будет дальше?» [1, с. 160].

Сразу после установления советской власти началось формирование новой государственной «машины». Одним из непременных условий существования последней было завоевание поддержки миллионов людей. Важная, если не решающая, роль в этом процессе отводилась идеологической работе.

Различные аспекты политической агитации и пропаганды были освещены в работах общетеоретического и методологического характера отечественных и зарубежных авторов. Так, С.А. Чупрынников посвятил свою работу партийному руководству культурно-воспитательной работой профессиональных союзов в 1926-1932 гг. [2], А.Ю. Рожков проследил повседневную жизнь в группах сверстников в советской России 1920-х годов [3], А.В. Малышев изучил средства массовой информации Юга России в годы Великой

Отечественной войны [4], а В.Я. Доброхотов обратил внимание на принципы, формы, методы большевистской пропаганды и агитации в первые годы советской власти [5].

Важнейшую роль для изучения заявленной темы играют документы, представленные в местных архивах - Государственном Архиве Ростовской Области (ГАРО) и Центре Документации Новейшей Истории (ЦДНИРО). В частности, в Ф.5 «Дон. окружком ВКП(б)» ЦДНИРО приводится информация о всевозможных разновидностях фольклора и творчества. Ф. Р-88 «Издательство "Советский Юг", г. Ростов-на-Дону, 1924-1926 гг., 36 ед. х.» и Ф. Р-89 «Объединение издательств "Трудовой Дон" и "Советский Юг" Северо-Кавказского краевого акционерного общества издательского и печатного дела (Севкавиздат), г. Ростов-на-Дону, 1923-1926 гг.» позволяют познакомиться с опубликованным творчеством ленинцев и представленной в нем пропагандой.

Однако по-прежнему остаются актуальными вопросы о цели проведения агитационной работы, средствах и формах ее воплощения в указанный период. В целом, исследование комплекса проблем, касающихся политической пропаганды и агитации партийно-советских органов в Донской области в 20-30-е годы XX в., обусловлено следующими факторами: во-первых, необходимо восполнить пробелы в исследовании агитационно-пропагандистской деятельности советской власти на юге страны в 1920-1930-е годы; во-вторых, изучение материала, разработанного советскими агитаторами, нередко становится определяющим фактором при планировании и практическом осуществлении агитационно-пропагандистской деятельности в современном обществе.

По мнению Л.А. Булавки, советская власть навязывала населению не только свою интерпретацию революции, но и новые жизненные практики, рожденные ситуациями, не имеющими аналогов. Следовательно, с одной стороны, декреты советской власти приобщали широкие массы к культуре, «вытолкнув массы из жалких жилищ, а культуру из высокомерных салонов на площади» [6, с. 53], а с другой - активно проводившийся в жизнь принцип партийности искусства не допускал свободы творчества и привел к политизации всей культуры, особенно литературы и искусства [7, с. 122]. Важная роль в этих процессах отводилась агитации и пропаганде, для осуществления которых, как пишет А.С. Бочкарева, были необходимы разнообразные, а главное, действенные средства и механизмы распространения идеологических формул и установок. Последние, по мнению указанного автора, должны были выступать в роли призмы, через которую должен был восприниматься окружающий мир [8, с. 33].

Действительно, как отмечалось в одном из агитационных материалов, рассматриваемый нами период в России характеризовался творческим подъемом масс: «Всюду, на каждом участке работы, проявляются творческие силы народа. Рабочие и крестьяне показывают чудеса творческого труда, созидающего народное счастье, великую славу и непоколебимое могущество социалистического отечества» [9, с. 132].

Пропаганда современных ценностей при этом носила массовый характер и была выражена в форме фольклора. Особенную роль фольклор играл на Дону. Как известно, Дон являлся сельскохозяйственным и промышленным регионом юга России, который испытал на себе все тяготы гражданской войны. Поскольку народное творчество - это умонастроения и чувства миллионов людей, то, по мысли агитаторов, оно должно было ярко, глубоко и правдиво отражать разницу между положением масс и изменением в их жизни после революции 1917 года. Как справедливо отмечал М. Кивинен, поскольку в старом, дореволюционном фольклоре была отображена тяжелая, трудная и беспросветная жизнь угнетенных народов Российской империи, народные песни, сказки, предания, пословицы, поговорки и другие виды фольклора должны были представить собой драгоценный вклад в сокровищницу творческой жизни трудящихся масс, а также показывать образ жизни до октября 1917 года и то, как стало после [1, с. 77].

В 1920-е годы молодой советской властью фольклор рассматривается в качестве анонимного голоса народа. Большевики внимательно прислушиваются к этому «голосу», пытаются предотвратить распространение антисоветских слухов, но расценивают их не с точки зрения актов «индивидуального творчества», а как некие идущие снизу «сообщения», установление авторства которых представляется бессмысленным. При этом, если

после революции «голос городской улицы», а именно городской фольклор, становится довольно весомым, то к крестьянскому народному творчеству новая элита относится брезгливо, считая его «пережитком».

Еще с конца 1920-х годов большевики начинают борьбу с распространением популярнейших устных жанров («слухов», анекдотов), а с 1930-х годов «враждебным» считается «блатной» фольклор, противостоящий «пролетарской и колхозной устной поэзии». После устранения из городского фольклора «слухов», анекдотов, «мещанских» и «блатных» песен от него остается лишь идеологический по содержанию «рабочий фольклор» - принудительно извлеченный и частично сфальсифицированный сегмент традиции. Значительная часть «крестьянского фольклора» в 1930-е годы считается угасающей; заменить его должен специально разрабатываемый «советский фольклор».

В течение 1920-1930-х годов в СССР было опубликовано большое количество работ, посвященных устному народному творчеству красноармейцев и белогвардейцев, нэпманов и работниц фабрик, исследован песенный репертуар уличных певцов, собраны коллекции альбомов рабочих и даже тюремный детский фольклор.

В начале 1920-х годов агитация населения на рассматриваемой территории проводилась с помощью листовок и брошюр, в которых нередко публиковались статьи и доклады В.И. Ленина. Широко была представлена информация и о так называемых «белогвардейских злодеяниях» в период гражданской войны.

Одной из наиболее распространенных форм агитационно-массовой и организационной работы партийно-советских органов власти были агитационно-пропагандистские поезда. Они сыграли значительную роль в осуществлении политической пропаганды и агитации, поскольку восполняли недостаток опытных и квалифицированных пропагандистских кадров и отсутствие необходимых средств для осуществления широкой политико-воспитательной работы на местах.

В частности, 20 апреля 1920 г. в Ростов-на-Дону прибыл агитационно-инструкторский поезд «Красный казак». Вагоны были украшены лозунгами с соответствующими рисунками, которые призывали организовывать Советы - «тот же казачий круг, но без богатеев» и доверять советской власти: «Казаки! Советская власть чужда мести! Не верьте, будто Советская власть преследует Церковь и религию. Никакого насилия над совестью, никакого оскорбления церквей и религиозных обычаев Советская власть не потерпит!». Поезд находился на территории Дона и Кубани с апреля по июль 1920 г., посетив более 50 населенных пунктов.

Итоги подобного рода агитационной работы имели незамедлительные последствия. Донское казачество, которое агитаторами воспринималось как наиболее важный объект пропаганды и агитации, в быту использовало различные виды фольклора: песню, сказку, пословицу и поговорку, частушку и др. Именно эти важнейшие рычаги давления на народные массы были использованы идеологическими структурами, отвечавшими за агитацию на Дону.

В 1930-е годы, когда советская власть начинает уделять особое внимание народной словесности, возникает масштабный проект, основной целью которого являлся целенаправленный и активный идеологический контроль над фольклором. Однако этот проект не был придуман в 1930-е годы с «чистого листа».

Не менее важным фактором для пропаганды «новой счастливой жизни» на Дону в 1920-1930 годы были частушки. Причем, кроме профессионального собирательства частушек, получает широкое распространение любительское и литераторское собирательство - тексты фиксируются не только в качестве источника поэтического вдохновения, но и для возвращения в массы в «улучшенном» виде. Родион Акульшин обосновывал необходимость публикаций частушки следующим образом: «На кого рассчитан сборник? В первую очередь на рабочие и крестьянские клубы, деревенские посиделки, которым он должен дать материал и для кружковой работы, и для эстрадных выступлений».

Так, в статье Д. Семеновского 1921 г. позиция, обосновывающая важность частушек, была четко сформулирована: «Литература является отражением жизни. Народные песенки-частушки есть одно из лучших и самых полных отражений жизни народа. Ни одно со-

бытие не пройдет без того, чтобы народ не запечатлел его ярко в своих коротеньких, большею частью в четыре строчки, частушках» [10, с. 53-61]. Новое послереволюционное содержание частушек формировало представления о радостной и счастливой, свободной и зажиточной колхозной жизни. Текст частушек славил «...лучших людей колхозных полей», любовь, дружбу, комсомол, «непобедимую Красную Армию», «чудесную советскую технику» и многое другое.

В докладе «Значение фольклора и фольклористики в реконструктивный период» Ю.М. Соколов признает, что фольклор представляет собой одну из важнейших сфер поэтического творчества, а фольклористика - одна из важнейших разделов марксистско-ленинского литературоведения, а актуальные задачи современного рабочего и колхозно-пролетарского фольклора - те же, что и актуальные задачи пролетарской культуры [11].

На совещаниях писателей и фольклористов фольклористика была включена в ряд идеологизированных дисциплин, обязанных следовать за партийной политикой. «Все идеологические и художественные требования, предъявляемые к литературе, должны быть принесены и к устной поэзии; все теоретические и методологические принципы марксистско-ленинского литературоведения обязательны и для советской фольклористики» [12].

В фольклоре пролетариата в простых и малоценных в формальном отношении произведениях дается идеологически выдержанный образ В.И. Ленина. Уже в 1921-1924 гг. на Дону появились песни, частушки и стихи, посвященные вождю, советскому строю, рабочему и крестьянскому классу: «…светит месяц, светит дальний и мерцает, как свеча. Я в читальне прочитала про родного Ильича. Дорогой товарищ Ленин нам широкий путь открыл: то, о чем отцы мечтали, он на деле претворил. Власть Советскую, родную буду век благодарить: при Советской власти только стала я счастливо жить» [13, с. 120].

Фабрично-заводской фольклор, ярко выражающий радостные и горестные настроения рабочих и отражающий истинные переживания рабочего массовика, не мог пройти мимо задачи литературно-художественного воплощения образа В.И. Ленина. Человек, создавший могущественный рычаг организации Р.К.П., вместе с рабочим прошедший трудный путь борьбы с буржуазией - В.И. Ленин привлекает к себе творческие идеи поэтов-рабочих, приобретая в них черты героя. Основная тема, привлекающая внимание авторов фабрично-заводской жизни, - представление В.И. Ленина в качестве вождя рабочего класса в борьбе с буржуазией [14, с. 29].

Однако темное и загадочное прошлое В.И. Ленина, включающее в себя тюрьму, подпольную работу, ссылку, не находит своего отражения в творчестве рабочих. Также не отображены негативные стороны и последствия революции и гражданской войны.

В творчестве отображаются, напротив, радостные события, датируемые революцией 1917 года: «Наша вера в Октябрьскую победу в те дни была горяча; мы прошли сквозь суровые беды под руководством Ильича», - пишет рабочий И. Тихомиров [14, с. 55]. Революция изображена как светлый праздник для рабочего класса, начало новой процветающей жизни.

К основным темам фабрично-заводского фольклора относятся: вопрос о смычке между рабочим классом и руководимым им крестьянством, организация кооперации, массовое образование: «Потеет Ленинский призыв за непривычною учебой..» [14, с. 35].

Авторы фабрично-заводского творчества в большинстве своих произведений дали нам ярким образ В.И. Ленина - руководителя РКП и вождя революции. Чистота их классового сознания предоставила им возможность произвести правильную оценку его роли в истории рабочего класса. Бодрость настроений - одна из особенностей фабрично-заводского творчества, рисующего нам образ В.И. Ленина.

Стоит отметить всплеск творческой активности среди рабочих после смерти В.И. Ленина. Новость о смерти вождя по радио и телеграфу была распространена по всему СССР. В редакции газет поступали тысячи писем, повествующих о великой утрате: «Ты для рабочих ведь был как родитель и научил нас свободу любить» [15, с. 6]

Интересен в этом плане записанный в рассматриваемый период в станице Егорлыкской казачий сказ «О могучем вожде-великане Владимире Ильиче Ленине»: «… а как умер

да наш богатырь всемогучий, ой, да заскрипели от горя морозы лютые, ой, да затускнело в слезах солнце яркое, ой, да поднялись над землей флаги траурные, ой, да заревели трубы медные, ой, да все прощались да с мудрым отцом своим Владимиром да нашим Ильичом» [1, с. 125].

Немаловажное место в фольклоре занимают ленинцы: комсомольцы, пионеры, партийцы ленинского призыва: «Юные товарищи, при одном имени Ильича ваши глаза загораются блеском и решимостью. Будьте достойны этого великого имени» [16, с. 1]. Было приложено немало усилий для укрепления деткомгрупп, воспитания и образования молодого поколения. Показательные результаты пропагандистской деятельности, направленной на молодое поколение, были описаны И. Стандарским в статье «Съезд комсомолов о юных пионерах»: «…4,5 тысячи городских детей вступили в ряды пионеров» [17, с. 3].

После смерти В.И. Ленина агитационно-пропагандистская деятельность не угасла, а, напротив, приобрела дальнейшее развитие. Исследователи советской культуры 1930-х годов многократно отмечали особую роль, отводившуюся народному творчеству в политико-идеологических дискурсах этого времени. Повышенное внимание сталинского общества к «народно-поэтическому творчеству» выражалось не только в тиражировании идеологических текстов «советского фольклора» о партийных лидерах, бойцах Красной армии и представителях «героических» профессий, но и в эксплуатации жанровых форм, образов, символов и тропов, характерных для реальных либо воображаемых «фольклорных традиций народов СССР» [18].

Большое внимание в пропаганде нового советского строя уделялось положению женщины-казачки в новом обществе. В различных повестях, песнях описывалась доля женщины-казачки: «вековая погоня» за куском хлеба, обнищание, боязнь за завтрашний день, жадность, озлобленность. В противовес созданному образу формировалось представление о новой женщине Дона как активной участнице в управлении политическими, хозяйственными и культурными делами страны. Некоторым итогом пропаганды можно считать появление в 1930-х годах новых казачьих женских песен: «Приезжай, родимый Сталин, к нам сюда! Скоро к нам приедет Сталин, Он почетный наш казак...»

Таким образом, в 1920-1930-е годы пропагандистская машина средств массовой информации довольно легко и успешно вторгалась в традиционную культуру, подчиняя определенные пласты ее своим интересам. Можно говорить о появлении на Дону в 1920-1930-е годы нового советского фольклора. Воспетая в нем колхозная жизнь имела целью сформировать новые отношения между людьми, приятие общественной собственности, воспитать в колхозниках «преданность социалистической Родине», «делу партии Ленина-Сталина». Колхоз в фольклоре представал в качестве единственно мыслимого хозяйства, обеспечивающего счастливую, радостную, культурную и зажиточную жизнь: **«Решительно и твердо стало казачество под красное знамя социализма и под этим знаменем, рука об руку с рабочим классом и всем колхозным крестьянством строит социалистическое общество» [19, с. 10-13].**

Таким образом, в 1920-1930-е годы на Дону происходил процесс формирования нового советского фольклора путем слияния пропагандистских идей и народного фольклора. В фольклорных произведениях советского Дона воспевалась новая, счастливая и свободная жизнь на колхозных полях и предприятиях, безграничная преданность партии и правительству, готовность в любой момент отдать свою жизнь за дело социализма, ставшее родным делом всего советского народа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кивинен М. Прогресс и хаос: социологический анализ прошлого и будущего России. - СПб.: Академический проект, 2001. - С. 125, 160.
2. Чупрынников С.А. Партийное руководство культурно-воспитательной работой профессиональных союзов в 1926-1932 гг. (на материалах Дона, Кубани и Ставрополья): дис. ... канд. ист. наук. - Краснодар, 1986.

3. Рожков А.Ю. Молодой человек в советской России 1920-х гг.: повседневная жизнь в группах сверстников: дис. ... д-ра ист. наук. - М., 2003.
4. Малышев А.В. Средства массовой информации Юга России в годы Великой Отечественной войны (на материалах Дона, Кубани и Ставрополья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Ростов н/Д, 2001.
5. Доброхотов В.Я. Принципы, формы, методы большевистской пропаганды и агитации в первые годы Советской власти (октябрь 1917-1920): дис. ... д-ра ист. наук. - Горький, 1967.
6. Булавка Л.А. Феномен советской культуры. - М.: Культурная революция, 2008. - С. 53, 154.
7. Лежень Е.Е. Плакат как средство политической агитации в 1917-1930 гг. // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. - 2013. - № 3. - С. 122.
8. Бочкарева А.С. Политическая пропаганда и агитация партийно-советских органов власти в 20-е гг. XX века: Дис. ... канд. ист. наук. - Краснодар, 2007. - С. 32.
9. Агитмассовое искусство Советской России. Материалы и документы. Агитпоезда и агитпароходы. Передвижной театр. Политический плакат. 1918-1932. В 2-х т. / Под ред. В.П. Толстого. - М., 2002. - С. 132.
10. Семеновский Д. Современная частушка // Красная новь. - М., 1921. - № 1. - С. 53-61.
11. Дискуссия о значении фольклора и фольклористики в реконструктивный период // Литература и марксизм. - 1931. - Кн. 5, 6.
12. Первое совещание писателей и фольклористов // Фольклор: Бюлл. Фольклорной секции института антропологии и этнографии АН СССР. Отд. отт. из журн СЭ. - 1934. - № 1, 2.
13. Фольклор Дона и Кубани / Под ред. А.И. Бусыгина. - Ростов н/Д: Ростовское областное книгоиздательство, 1938. - С. 120.
14. Скрипиль М. В.И. Ленин в поэзии рабочих. - М., 1925.
15. Кольт Р.К. Вечером // Работница. - М. - 1924. - № 5. - С. 6.
16. Бушля А.Р. Пора в лагерь // Ленинские внучата. - Ростов н/Д. - 1924. - № 1. - С. 1.
17. Беликов М.В. Призыв пионера // Ленинские внучата. - Ростов н/Д. - 1924. - № 4. - С. 3
18. Фольклор России в документах советского периода // Фольклор России в документах советского периода 1933-1941 гг.: Сборник документов / Сост. Е.Д. Гринько, Л.Е. Ефанова, И.А. Зюзина, В.Г. Смолицкий, И.В. Тумашева. - М., 1994.
19. Наш край. Из истории советского Дона. Документы 1917-1965 / Под ред. А. Беспалова. - Ростов н/Д, 1968. - С. 10-13.

REFERENCES

1. Kivinen M. Progress i khaos: sotsiologicheskiy analiz proshlogo i budushchego Rossii. [Progress and chaos: sociological analysis of the past and future of Russia]. SPb.: Akademicheskiy proekt, 2001. Pp. 125, 160. (in Russian)
2. Chuprynnikov S.A. Partiynoe rukovodstvo kul'turno-vospitatel'noy rabotoy professional'nykh soyuzov v 1926-1932 gg. (na materialakh Dona, Kubani i Stavropol'ya): dis. kand. ist. nauk. [Party leadership of the cultural and educational work of trade unions in 1926-1932. (On the materials of the Don, the Kuban and the Stavropol Territory)]. Krasnodar, 1986. (in Russian)
3. Rozhkov A.Yu. Molodoy chelovek v sovetskoy Rossii 1920-kh gg.: povsednevnaya zhizn' v gruppakh sverstnikov: dis. d-ra ist. nauk. [A Young Man in Soviet Russia of the 1920s: Everyday Life in Peer Groups]. M., 2003. (in Russian)
4. Malyshev A.B. Sredstva massovoy informatsii Yuga Rossii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (na materialakh Dona, Kubani i Stavropol'ya): avtoref. dis. kand. ist. nauk. [Mass media of the South of Russia during the Great Patriotic War (on the materials of the Don, Kuban and Stavropol Regions)]. Rostov na Donu. 2001. (in Russian)
5. Dobrokhotov V.Ya. Printsipy, formy, metody bol'shevistskoy propagandy i agitatsii v pervye gody Sovetskoy vlasti (oktyabr' 1917-1920): dis. d-ra ist. nauk. [Principles, forms, methods of Bolshevik propaganda and agitation in the first years of Soviet power (October 1917-1920)]. Gor'kiy, 1967. (in Russian)
6. Bulavka L.A. Fenomen sovetskoy kul'tury. [The phenomenon of Soviet culture]. M. Kul'turnaya revolyutsiya, 2008. Pp. 53, 154. (in Russian)
7. Lezhen' E.E. Plakat kak sredstvo politicheskoy agitatsii v 1917- 1930 gg.. Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta. [Poster as a means of political agitation in 1917-1930]. 2013. № 3. P. 122. (in Russian)
8. Bochkareva A.S. Politicheskaya propaganda i agitatsiya partiyno-sovetskikh organov vlasti v 20-e gg. XX veka: Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk. [Political

propaganda and agitation of Party and Soviet government in 1920s]. Krasnodar. 2007. P. 32. (in Russian)
9. Agitmassovoe iskusstvo Sovetskoy Rossii. Materialy i dokumenty. Agitpoezda i agitparokhody. Peredvizhnoy teatr. Politicheskiy plakat. 1918-1932. V 2-kh t. Pod red. V.P. Tolstogo. [Agitmass art of Soviet Russia. Materials and documents. Agitation trains and agitparkhody. Mobile theater. Political poster. 1918-1932]. M. 2002. P. 132. (in Russian)
10. Semenovskiy D. Sovremennaya chastushka. Krasnaya nov'. [Modern chastushka]. M. 1921. No. 1. P. 53-61. (in Russian)
11. Diskussiya o znachenii fol'klora i fol'kloristiki v rekonstruktivnyy . Lit. i marksizm. [Discussion on the importance of folklore and folkloristics in the reconstructive period]. 1931. Kn. 5, 6. (in Russian)
12. Pervoe soveshchanie pisateley i fol'kloristov. Fol'klor: Byull. [The first meeting of writers and folklorists]. Fol'klornoy sektsii instituta antropologii i etnografii AN SSSR. Otd. ott. iz zhurn SE (1934. no1, 2). (in Russian)
13. Fol'klor Dona i Kubani. Pod red. A. I. Busygina. [Folklore of Don and Kuban]. Rostovskoe oblastnoe knigoizdatel'stvo. Rostov-na-Donu. 1938. P. 120. (in Russian)
14. Skripil' M. V.I. Lenin v poezii rabochikh. [Lenin in the poetry of workers]. M. 1925.
15. Kol't R.K. Vecherom. Rabotnitsa. [In the evening]. 1924. №5 M. P. 6. (in Russian)
16. Bushlya A.R. Pora v lager'. Leninskie vnuchata. [It's time to go to the camp]. 1924. No.1. Rostov na Donu. P. 1. (in Russian)
17. Belikov M. V. Prizyv pionera. Leninskie vnuchata. [Call of the pioneer]. 1924.no.4. Rostovna Donu. P. 3(in Russian)
18. Fol'klor Rossii v dokumentakh sovetskogo perioda . Fol'klor Rossii v dokumentakh sovetskogo perioda 1933-1941 gg.: Sbornik dokumentov. Sost. E.D. Grin'ko, L.E. Efanova, I.A. Zyuzina, V.G. Smolitskiy, I.V. Tumasheva. [Folklore of Russia in the documents of the Soviet period 1994. Folklore of Russia in the documents of the Soviet period 1933-1941]. M. 1994. (in Russian)
19. Nash kray. Iz istorii sovetskogo Dona. Dokumenty 1917-1965. Pod red. Bespalova A. [Our land. From the history of the Soviet Don. Documents 1917-1965]. Rostov na Donu. 1968. P. 10-13. (in Russian)

Информация об авторе:

Сароглиди Ангелина Владимировна, аспирант, Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия
anvel483@yandex.ru

Получена: 26.06.2017

Для цитирования: Сароглиди А.В. Пропаганда в фольклоре Дона В 1920-1930-е годы. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 2. с.82-88.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-82-88.

Information about the author:

Angelina V. Saroglidi, Postgraduate Student, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
anvel483@yandex.ru

Received: 26.06.2017

For citation: Saroglidi A. V. Propaganda in the Don folklore in 1920-1930s. Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 2. Pp. 82-88. doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-82-88. (in Russian)

УДК 94. 355.359.5

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-89-95

ТИТОРЕНКО Марина Федоровна
Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
г. Краснодар, Россия
mtitorenko@yandex.ru

Marina F. TITORENKO
Krasnodar Branch of Financial University under the Government of the Russian Federation,
Krasnodar, Russia
mtitorenko@yandex.ru

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА У КУБАНСКИХ КАЗАКОВ (XIX - НАЧАЛО XX в.)

Казачество в своем становлении и развитии прошло многовековой путь, являлось активным субъектом важнейших российских событий. В советское время оценка казакам давалась с партийно-классовых позиций и большей частью была негативной. Цельная сущность этого феномена российской и мировой истории пока не раскрыта, требует новых подходов и оценок. Менее всего изучена повседневная история казачества, особенности формирования его духовно-нравственных ориентиров, вопросы воспитания патриотизма, преданности Отечеству и др. Особый уклад жизни, пронизанный архаичными элементами, военизированный быт, сопровождавший казака с момента рождения и до глубокой старости, традиции и обычаи формировали в казаках особую психологию, принцип исключительности. Важнейшую роль в этом плане занимала казачья семья. Игры, кулачные и палочные бои, лагерные сборы, состязания и военные маневры шлифовали морально-волевые качества и военно-прикладные навыки, желание приумножить казачью славу, учили управлять эмоциями. Традиционная духовная культура, средства и методы, накопленные в процессе социализации личности, воспитание и обучение были направлены на формирование образа защитника Отечества. Считаем, что опыт, накопленный кубанскими казаками в ходе социализации подрастающего поколения, может быть востребован и в наши дни.

Ключевые слова: казачья община, семья, воспитание, образование, архаизм, устойчивость традиций, наследие, патриотизм, духовность, военизированный быт, социализация личности, состязания, народная казачья педагогика

FROM THE HISTORY OF FORMING THE IMAGE OF THE FATHERLAND DEFENDER AT THE KUBAN COSSACKS (XIX - BEGINNING OF XX CENTURIES)

The Cossacks passed a centuries-old way in the formation and development, were the active subject of the major Russian events. In Soviet period an assessment was given to Cossacks from political parties-class line items and mostly was negative. The integral entity of this phenomenon of the Russian and world history is not opened yet, requires new approaches and estimates. The daily history of the Cossacks, feature of formation of its spiritual moral guidelines, questions of fostering patriotism, devotion to the Fatherland, etc. is least of all studied. The special tenor of life penetrated by archaic elements, the militarized life accompanying the Cossack from the moment of the birth and till an extreme old age, traditions and customs created special psychology, the principle of exclusiveness in Cossacks. The major role in this plan was occupied by the Cossack family. Games, fist and fights, camp collections, competitions and military maneuvers ground moral and strong-willed qualities and military and application-oriented skills, desire to increase the Cossack glory, learned to control emotions. The traditional spiritual culture means and methods which are saved up in the course of socialization of the personality education and training were directed to formation of an image of the Fatherland defender. We read that the experience accumulated by the Kuban Cossacks during socialization of younger generation can be demanded and today.

Keywords: Cossack community, family, education, archaism, stability of traditions, heritage, patriotism, spirituality, militarized life, socialization of personality, competition, national Cossack pedagogy

История казачества всегда вызывала и до сих пор вызывает интерес у отечественных и зарубежных историков. Е.П. Савельев, Ф.А. Щербина, Е.Д. Фелицын и др. в своих трудах рассматривали различные стороны жизни казаков. Потомственные казаки, они «знали ее изнутри». Вопросы истории и быта кубанских казаков отражены в трудах Е.Д. Фелицына и членов Кубанского областного статистического комитета.

Казачья тематика долгие годы имела жесткие идеологические рамки, в которых казачество рассматривалось с позиций политических ориентаций и большей частью получало одностороннюю отрицательную характеристику. Процессы возрождения прожива-

ющих по соседству с казаками народов, начавшиеся в конце 80-х годов XX в., дали определенный импульс исследованиям казачества. Казачьей тематике серьезное внимание уделяют кубанские ученые: Н.И. Бондарь, П.П. Матющенко, В.Н. Ратушняк и др. Исследователи кавказоведческой школы В.Б. Виноградова по крупицам изучают поучительную и трагическую историю углубления России на Северном Кавказе (Н.Н. Великая, Ю.Ю. Клычников, С.Н. Ктиторов и др.). Вопросы физического воспитания, народной педагогики, образования кубанских казаков нашли отражение в трудах С.А. Александрова, О.Б. Германа, В.В. Глушенко. Динамику этнокультурных процессов на Северном Кавказе в середине XVI - начале XX в. исследует Л.Б. Заседателева, ее труды были взяты за основу при исследовании кубанских казаков. Фундаментальные труды ученых ИЭиА РАН: С.А. Арутюнова, Н.Г. Волковой, Я.С. Смирновой, А.И. Першиц, В.А. Тишкова и др., составляющие поистине золотой фонд историко-культурных исследований народов Северного Кавказа, глубоко аргументированные, лишенные тенденциозности, также нашли отражение в предлагаемом исследовании.

Иные оценки казачьей истории, быту, духовности и иным аспектам дают И. Куценко, У. Алиев и др. И. Куценко пишет о казаках как «зловещих сатрапах царизма». У. Алиев перспективы развития горцев под влиянием российской культуры, в том числе казачества, оценивал крайне негативно. Он писал: «Горцы должны были говорить языком Орловской или Тульской губернии, учиться только в русской школе… и молчать от полноты благоденствия» [1]. При этом У. Алиев умалчивает о более низком уровне экономической, политической, культурной жизни горцев. В противовес недоброжелателям казачества звучат слова известного русского историка Н. Костомарова: «Во всех явлениях человеческих обществ бывали, есть и будут белые и темные пятна, казаки люди, и у них было то же».

Анализ материалов, имеющихся в нашем распоряжении, показывает, что в настоящее время сложились новые методологические подходы, изменились оценки событий прошлых лет, остались и дискуссионные. Различные точки зрения подчеркивают актуальность предложенной темы для освобождения казачьей истории от искажений и поверхностных суждений. Кроме того, региональный материал показал, что интеграционные процессы на Кубани имели свои особенности.

В предлагаемом исследовании автор опирается на разные методологические приемы, сложившиеся в российской и зарубежной истории, а обычно-правовые нормы рассматривает как своеобразный регулятор отношений в семье и казачьей общине. Научная новизна исследования в постановке цели. Для ее достижения были поставлены задачи: выявить наиболее ценные элементы воспитания патриотизма, духовности, нравственности у кубанских казаков в ходе социализации личности на семейно-общинном, образовательном и государственном уровне.

Общеизвестно, что воспитание и образование соединяют человечество с его социальным опытом, расширяют реализацию возможностей личности. В ходе работы над статьей нами изучен образ жизни кубанских казаков, их социальная история, духовные и нравственные ориентиры. Архаические черты патриархально-родового строя и военизированного быта казаков отражали социальные, правовые, мировоззренческие, этические установки. Именно в них была заложена способность длительное время удерживать элементы культуры, миропонимания, социальных отношений, связанных с устойчивостью семейных традиций.

Весомую роль в казачьей общине занимала мать. Повсеместно отмечалось уважительное отношение к ней, которое базировалось на закрепленных обычаем моделях повседневного поведения. Если дети не проявляли к матери должной заботы, их по решению общины «безо всякого исследования наказывали». В повседневном быту кубанских казаков действовали определенные ограничения: старшим запрещалось переходить дорогу, курить и сквернословить в их присутствии, приветствовали их, приподнимая головной убор. Просьбы старших по возрасту и званию выполнялись беспрекословно.

Кубанские казаки проявляли высокую степень приверженности обычаям и традициям, положению в обществе мужчин и женщин и др. Мальчиков ориентировали на вы-

сокую культуру казачьего воинства, воспитывали чувство патриотизма. Эти качества воспитывали в них практически с появлением ребенка на свет. Казачья семья в этом плане являлась уникальным институтом, обеспечивающим первичную социализацию личности. С рождением первенца (мальчика) начиналась стрельба, своего рода оповещение станичников о рождении будущего защитника Родины. На сороковой день крестная мать приносила малышу вязаный пояс. Подпоясывание мальчика подчеркивало его мужское начало [2]. В тот же день отец верхом на лошади возил малыша в церковь, получал благословение священника. По возвращении домой ребенку в руки вкладывали саблю, чтобы «рос храбрым казаком». В линейных станицах Кубани на сороковой день ставили свечу Георгию Победоносцу с просьбой обеспечить покровительство в будущих походах и спасти от «дурной пули». Годовалого ребенка обязательно возили в церковь на лошади. Дома отец передавал сына матери со словами: «Пусть растет храбрый казак, Отчизне защитник, тебе хороший сын». Гости одаривали малыша с пожеланиями «дорасти до булавы» (стать атаманом).

В ходе социализации личности казаки выделяли несколько рубежей. На первом этапе дети пользовались относительной свободой, их воспитанием занимались в основном бабушка и мать, давая уроки нравственности и трудолюбия (традиционно отношения детей с матерью были более свободными, чем с отцом). Далее требования ужесточались. В процессе воспитания мальчиков возрастала роль отца, с 10-11 лет начиналось обособление полов. Мальчики и девочки получали различные трудовые навыки.

Повседневная жизнь казаков, связанная с военными походами и многолетней службой, требовала огромных физических усилий. В этой связи физическая подготовка начиналась с раннего детства, чему в значительной мере способствовали подвижные игры на свежем воздухе («Казаки-разбойники», «Петушиные бои», «Горелки», «Лапта», «Палочка-выручалочка» и др.). В играх формировались представления о взаимовыручке, чувстве товарищества, вырабатывались военно-прикладные навыки, социальные качества. Игры развивали воображение, учили управлять эмоциями, шлифовали морально-волевые качества. У кубанских казаков, особенно линейных, в условиях пограничной службы и регулярных боевых действий игры, физические упражнения, состязания со временем получили военно-прикладное значение.

Заметное место в казачьей среде занимали кулачные и палочные бои. Большей частью проводились они на станичной площади. Участники заранее договаривались о правилах. Запрещалось использовать какие-либо предметы и оружие, бить ниже пояса. Перед началом боя участники троекратно обнимались, показывая, что они настроены по отношению к соперникам дружелюбно, «не щадить живота, за други своя». Смысл боев сводился к тому, чтобы «на миру» показать удаль, силу, ловкость, «умение вывернуться». Они культивировали желание приумножить казачью доблесть и славу. Присутствие на таких состязаниях многочисленных бойцов и зрителей, концентрация их в одном месте отражали высокую степень единения казаков, делали проведение состязаний эффективным средством социализации. Так в казачьей общине вырабатывались навыки, сообразительность, моральные и волевые качества, ценностные установки, укреплялось чувство товарищества. Используя традиционную духовную культуру, средства и методы, накопленные в процессе социализации личности, народная казачья педагогика воспитывала и закаляла подрастающее поколение.

Массовое привлечение казаков к лагерным сборам, показательные выступления на торжественных мероприятиях и военных парадах требовали навыков военно-прикладного искусства, стимулировали стремление совершенствоваться физически, поддерживали боевой дух. Военное искусство казаков в процессе своего развития постепенно перешло от традиционной передачи знаний домашних игр в станичных состязаниях до профессиональной подготовки воинов. Физическое воспитание органично сочеталось с казачьим мировоззрением и идеологией, его основу составляли любовь к Отечеству, патриотизм, сочетание индивидуальных и общественных интересов.

Семейные и общественные традиции, пронизанные народной мудростью, сочетали формирование физического, духовного, нравственного совершенства. Они находили от-

ражение в пословицах, поговорках («Не надо и родиться, если в казаки не годится», «Хорош человек, да не казак», «Бой отвагу любит», «Молодежь плечами крепка, а старость - головою» и др.). В казачьей среде слово «казак» являлось олицетворением героизма, достоинства, высочайшего долга перед Отечеством. Справедливости ради отметим, что казачье воспитание не было лишено издержек, вместе с тем обеспечивало преемственность, сохранение культурно-исторических ценностей.

Формирование духовно-нравственных ориентиров продолжалось в ходе обучения. По словам Ф.А. Щербины, народное образование на Кубани было «делом исключительно местным». Широкое распространение получили церковно-приходские и частные школы, мужские и женские училища, гимназии классические и реальные. В церковно-приходских (народных) школах обучение начиналось с изучения ветхозаветной истории, основным предметом считался Закон Божий, грамоте учил местный священник. Церковно-приходская школа являлась народной. Мальчиков церковно-приходских школ привлекали к участию в военизированных маневрах, девочек обучали вышиванию, шитью и вязанию. Служители культа учили уважать власть, делать выбор между добром и злом, отвечать за проступки.

Согласно уставу о школьном образовании (1804), открывались приходские училища (по одному на приход) с одногодичным сроком обучения, уездные - с двухгодичным сроком обучения, губернские - с четырехлетним сроком обучения. Наряду с этим открывались гимназии, прогимназии, университеты (Харьковский, позже Тифлисский). Каждому сословию полагался определенный уровень. В приходских училищах обучались дети представителей низшего сословия, в уездных - дети купцов. Классические гимназии были традиционно открыты для детей дворян, высокопоставленных чиновников, казачьей верхушки и купцов 1-й гильдии. В 40-50-е годы XIX в. на Старой Линии появились первые бригадные и полковые училища, в них обучали грамоте и письму представители духовенства, станичные писари, отставные военные. Наиболее одаренных учащихся направляли в полковые школы.

В учебных заведениях всех уровней во второй половине XIX в. отменили телесные наказания. Главным в работе школ стало распространение «здравых знаний, развитие к дельному труду и основательному народному образованию». Постепенно внедрялись приемы и способы западного просвещения. Основным предметом на всех этапах обучения было родиноведение, получившее к этому времени широкое распространение в Англии, США, Италии, Японии, Германии и других странах. Образование было направлено на воспитание патриотизма и гордости за свою Родину.

После отмены крепостного права и по завершении Кавказской войны Правление Кубанского казачьего войска утвердило Положение о начальных училищах, согласно которому их основной задачей являлось распространение религиозных и нравственных постулатов среди казаков, воспитание любви к Отечеству. Для решения указанных задач требовались специально подготовленные кадры педагогов. К кубанскому учителю предъявлялись особые требования, так как «отличался дух народа, колыбель которого ему приходилось лелеять; не таков ребенок, не такова должна быть и колыбельная песня» [3]. В учебных заведениях Кубанского казачьего войска, наряду с основными предметами, для мальчиков преподавали верховую езду, строй, плавание, гимнастику, стрельбу, знакомили с особенностями местности. Все это необходимо было казакам для несения разведывательной и сторожевой службы, принятия взвешенных решений при движении пеших и конных команд, повозок, являлось хорошей подготовкой к воинской службе.

Для лучшего усвоения материала в процессе обучения служили «…оставление без обеда, стояние на коленях, дранье за волосы и уши», сажание в карцер [4]. Наказание розгами в казачьих и дворянских учебных заведениях запрещалось.

Наказные и отдельские атаманы Кубанского казачьего войска привлекали к открытию станичных школ духовенство, станичных атаманов, командиров бригад и полков. Их усилиями за 10 лет на Кубани открыто более 200 станичных школ. Дети иногородних в учебных заведениях для казаков получали образование за установленную плату при наличии свободных мест.

В 1867 г. по Кубанскому казачьему войску был издан приказ, согласно которому все казаки призывного возраста должны были уметь писать и читать. Утвердилось мнение, что «безграмотный казак - не казак». Если в числе призывников оказывались «безграмотные», станичные общества за 15 руб. в месяц нанимали учителя на три-четыре месяца для обучения таковых. На содержании станичных правлений и церковных приходов находились школы грамоты. В них мальчики и девочки учились вместе, встречались и отдельные женские школы, обучение в которых длилось четыре года. На учеников заводились ведомости. В них отмечались способности и прилежание обучаемых («надежен», «с дарованием», «успевает», «остр», «ленив», «кроток» и др.).

В кубанских станицах для взрослых мужчин и женщин (до 30 лет) были открыты воскресные школы. По окончании учебного года в учебных заведениях всех типов проводились испытания. На них присутствовали родители учащихся, представители станичного правления, почетные казаки, священник. Лучшим «по успехам и поведению раздавались награды, состоящие из картин и книг». Окончившие курс получали свидетельства за подписью учителя, законоучителя, почетного блюстителя.

К концу XIX в. на Кубани в среднем в каждом училище обучалось 40-45, в лах - 48-50 учащихся. Гимназии, прогимназии, коммерческие училища относились к средним учебным заведениям. Учительские и духовные семинарии, ремесленные, лесные, торговые и иные училища являлись специальными учебными заведениями. В указанный период изменились программы в классических и реальных (технических) гимназиях. В классических гимназиях в числе обязательных предметов были Закон Божий, математика, латинский и греческий языки. Сократилось число уроков русского языка, истории, географии. Эти предметы были объявлены «сущим злом», приучавшим учеников «к бессмысленному верхоглядству».

Значительное распространение в системе народного образования получили военно-ремесленные школы и училища, где получали образование дети казаков и лиц неказачьего происхождения, находившихся на службе в Кубанском казачьем войске. В училище зачислялись иногородние 16-19 лет, преимущественно из малообеспеченных семей либо имеющих ходатайство от атаманов отделов. Выпускники училищ считались специалистами по пошиву казачьего снаряжения и обмундирования. В начале XX в. на Кубани действовали ремесленные столярно-токарные отделения и краткосрочные курсы, которые содержались за счет станичных обществ. Обучение в училище длилось три года и не засчитывалось в срок несения действительной службы. Их обмундирование и снаряжение соответствовало форме конных полков.

Казаки Кубанского казачьего войска ставили перед Войсковым правлением вопрос о том, чтобы дать дочерям казачьих офицеров образование, соответствующее их будущему назначению. В штатные расписания женских училищ были включены законоучитель из местных священников, надзирательница и учительница. Они назначались на эту должность Правлением общества из лиц, известных «...по своим научным познаниям, педагогическим способностям и по добронравственности». В этом плане заслуживает внимания Екатеринодарское женское благотворительное общество. Появилось оно благодаря стараниям жены генерал-майора Иванина и «сочувствующих этому делу дам». Обучение каждой воспитанницы обходилось обществу в 74 руб. 15 коп. Денежные средства получали за счет концертов, спектаклей, продажи лотерей [5]. Имели место частные пожертвования, наиболее состоятельные ученицы вносили плату за обучение. Екатеринодарское женское благотворительное общество выделяло средства станичным училищам на учебники, учебные пособия, оплачивало отопление, прислугу, ремонтировало здания.

Особое внимание в системе образования и просвещения на Кубани занимала подготовка казачьих офицеров. В 1870 г. для решения этого вопроса было открыто Ставропольское юнкерское училище. Ежегодно оно выпускало по 40-50 офицеров, содержалось за счет войсковых денег. Одаренные ученики получали направление в лучшие российские специальные и высшие учебные заведения, где также получали образование за счет Кубанского казачьего войска.

В 1898 г. было разработано практическое пособие для обучения казаков приготовительного разряда наездничеству, являвшемуся своеобразной школой для развития тела и духа, которое придавало юноше смелость, уверенность, ловкость, находчивость и отвагу. В 1911 г. в казачьих школах Кубанской области был подготовлен «Устав казака» для обучения религиозных, выносливых, всегда готовых с честью занять место в рядах защитников России казаков. Основные их постулаты: казак никогда не падает духом, выходит, улыбаясь, из трудного положения, казак верен слову, казак предан Отчизне и др. [7].

Кубанское казачье войско в 1914 г. в вопросах организации народного образования и просвещения занимало одно из первых мест в России, насчитывало около 1,5 тыс. учебных заведений, в которых обучалось более 80 тыс. человек. Наиболее демократичными и доступными для детей простонародья оставались церковные и церковно-приходские школы.

В заключение отметим, что народная казачья педагогика, формировавшаяся веками, гармонично сочеталась с образовательными процессами. Учебные заведения являлись своего рода связующим звеном между семьей, общиной и военной службой. Система воспитания и образования основывалась на исторически сложившихся традициях. Физическое, духовное и нравственное воспитание дополняли друг друга, создавая условия для военно-профессиональной и общественно-полезной деятельности. Сословная корпоративность казаков культивировала дух исключительности, что отражалось на психологии, семейных отношениях, воинской службе. На уровне семейно-общинных отношений исторически закладывался фундамент самосохранения и нормы стандартизованного поведения. Стержнем воспитания в семье и общине являлась преемственность поколений и подготовка мальчиков к несению воинской службы. Культ защитника Родины был обусловлен неблагоприятными внешними условиями и в значительной степени традиционной системой воспитания.

Достоинства казаков вырабатывались не только прохождением уставов военной службы и шагистикой. Они обеспечивались совокупностью условий жизненного уклада, исторически сложившимися традициями и нормами обычного права. Считаем, что казачье воспитание и образование в наши дни не являются отжившими, хотя подверглись значительной трансформации. Вместе с тем в них гармонично сочетаются идеалы патриотического воспитания граждан России с духом времени.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Алиев У. Октябрь и национальная культура на Северном Кавказе // Вопросы просвещения на Северном Кавказе. - Ростов н/Д, 1927 (юбилейный). - С. 18.
2. Лебедева А.А. Значение полотенца и пояса в русских семейно-бытовых обычаях и обрядах XIX-XX вв. //Русские: семейный и общественный быт. - М, 1989. - С. 231.
3. Кубанская школа. - 1914. - № 1. - С. 3.
4. Зажаев П. Прошлое и настоящее кубанской начальной школы. - Екатеринодар, 1907. - С. 112.
5. Кубанские областные ведомости (далее - КОВ). - 1877. - № 25.
6. КОВ. - 1877. - № 16. (Из отчета, состоящего под Августейшим покровительством Ее Императорского Величества, Екатеринодарского женского благотворительного общества. 1861-1877 г.).

REFERENCES

1. Aliev U. Oktjabr' i nacional'naja kul'tura na Severnom Kavkaze. Voprosy prosveshhenija na Severnom Kavkaze. [October and national culture in the North Caucasus. Questions of education in the North Caucasus]. Rostov-on-Don, 1927 (anniversary). P. 18. (in Russian)
2. Lebedeva A.A. Znachenie polotenca i pojasa v russkih semejno-bytovyh obychajah i obrjadah XIX-XX vv. Russkie: semejnyj i obshhestvennyj byt. [Value of a towel and belt in the Russian family and household customs and ceremonies of the XIX-XX centuries. Russians: family and public life]. Moscow. 1989. P. 231. (in Russian)

3. Kuban school. No. 1. 1914. P. 3. (in Russian)
4. Zazhaev P. Proshloe i nastojashhee kubanskoj nachal'noj shkoly.[Past and the present of the Kuban elementary school]. Ekaterinodar. 1907. P. 112.(in Russian)
5. Kuban regional sheets (further - KOV). 1877. No. 25. (in Russian)
6. KOV. 1877. No. 16. (From the report consisting under Most august protection of her Imperial Majesty, Ekaterinodarsky women's charitable society. 1861-1877). (in Russian)

Информация об авторе:

Титоренко Марина Федоровна, доктор исторических наук, профессор кафедры «Философия, история и право», Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
г. Краснодар, Россия
mtitorenko@yandex.ru

Information about the author:

Marina F. Titorenko, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Philosophy, History and Law, Krasnodar Branch of Financial University under the Government of the Russian Federation,
Krasnodar, Russia
mtitorenko@yandex.ru

Получена: 21.07.2017

Для цитирования: Титоренко М.Ф. Из истории формирования образа защитника Отечества у кубанских казаков (XIX - начало XX в.). Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 2. с.89-95.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-89-95.

Received: 21.07.2017

For citation: Titorenko M.F. From the history of forming the image of the fatherland defender at the Kuban cossacks (XIX - beginning of XX centuries). Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 2. Pp. 89-95.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-89-95. (in Russian)

УДК 720 (354) DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-96-101

УРАЗАЕВА Фатима Пайзуллаевна
Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина
г. Бишкек, Киргизия
fatima_u81@mail.ru

Fatima P. URAZAEVA
Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin
Bishkek, Kyrgyzstan
fatima_u81@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ И МЕСТО ТУРКМЕНИИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЯПОНИИ

Статья посвящена вопросам исторического развития сотрудничества Японии и стран Центральной Азии. Предметом анализа является историческое развитие перспектив сотрудничества Туркмении как ключевого государства в Центральноазиатском регионе, которое имеет возможность ориентации на сотрудничество как с Японией, так и с такими же крупными экономическими державами - Китаем и Южной Кореей. Основу исследования образуют исторический экономико-математический и аналитический методы. Возможности по расширению сотрудничества определены в использовании прогностического метода. Результаты работы заключаются в следующем выводе: страны Центральной Азии и Японии в своих отношениях преодолели ряд последовательно сменивших друг друга исторических этапов. В настоящее время эти отношения базируются на основе равноправного партнерства независимых государств. Результаты исследования могут быть применены в сфере проектирования на основе исторических традиций инновационного взаимодействия в сферах социального, культурного, а также экономического взаимодействия. Новизной исследования является положение о том, что основным элементом исторической внешней политики Японии относительно Центральноазиатского региона является возможность использования политики «мягкой силы», сущность которой, в частности, заключается в научно-историческом сотрудничестве и реализации культурно-образовательных программ, инвестиционной привлекательности энергетического сектора, телекоммуникаций и инфраструктуры в целом. Все это происходит на фоне конкуренции в регионе с Китаем и Россией, которые имеют серьезное геополитическое влияние на страны Центральной Азии.

Ключевые слова: история, взаимодействие, Туркмения, Япония, история региона, Центральная Азия, политика, длительность, перспектива, возможность

HISTORICAL ROLE AND PLACE OF TURKMENISTAN IN THE JAPAN FOREIGN POLICY

The article is devoted to the historical development of cooperation between Japan and Central Asian countries. The subject of analysis is the historical development of prospects of cooperation of Turkmenistan as a key state in the Central Asian region, which has the ability to focus on collaboration in Japan, and with the same major economic powers like China and South Korea. The basis of the research form historical mathematical and analytical methods. Opportunities for greater cooperation identified in the predictive method. The results of the work are the Central Asian countries and Japan in their relations overcome a number of sequentially successive historical stages. Currently, these relations are based on equal partnership as independent States. The results of the study can be applied in the design based on historic traditions of innovative interaction in the areas of social and cultural and economic interaction. The novelty of this study is the fact that the main element of historical Japan's foreign policy regarding the Central Asian region is the ability to use a policy of "soft power" the essence of which, in particular, is the scientific and historical cooperation in the implementation of cultural and educational programs in the investment attractiveness of the energy sector, telecommunications and infrastructure in General. All this is happening amid competition in the region with China and Russia, which have significant geopolitical influence in Central Asia.

Keywords: history; interaction, Turkmenistan, Japan, history of region, Central Asia, politics, duration, perspective, possibility

Актуальность исследования

Исторически помощь Японии для стран Центральной Азии осуществлялась в виде гуманитарной и экономической. Официальная помощь этой страны для развития хозяйства и демократизации общества - успешный и наглядный пример эффективной помощи в развитии. Япония - крупнейший донор ОПР в регионе. Япония всегда подчеркивает, что ее помощь является бескорыстной. Она не стремится к усилению влияния в регионе для получения доступа ко всем природным богатствам рассматриваемой территории. Япония настроена на формирование долгосрочных дружеских связей со странами Центральной Азии.

Цель исследования

Исследование ставит целью определить, насколько Япония в периоде исторической трансформации отношений после распада СССР стала ключевым партнером для стран Центральной Азии, а также насколько значительно влияние проявляется не только через культурные и политические, но и через социальные и экономико-исторические связи в длительной временной перспективе.

Методы исследования

К методам исследования стоит отнести в первую очередь метод исторической перспективы. Она показывает, на какой основе в целом появилось сотрудничество между анализируемыми странами. Метод статистической оценки показывает количественное, равно как и качественное развитие сотрудничества в инфраструктурных (культурных, исторических и правовых) отраслях, а также в последующем экономическом и политическом сотрудничестве.

Источники исследования

Источниками исследования являются статические, исторические и культурные показатели, а также материалы национальных статистических бюро.

Результаты исследования

Историческое взаимодействие стран Центральной Азии определяется в приложении к Японии с условием, что еще в 1992 г. CNPC совместно с «Эксон» и «Мицубиси» рассмотрели все предпроектные проработки по предлагаемому газопроводному маршруту Туркменистан-Китай-Япония, который известен всем как Энергетический Шелковый путь. Но предложение было отвергнуто. ТЭО посчитало, что протяженность маршрута слишком уж велика для того, чтобы была обеспечена его экономическая приемлемость [7].

Практическая реализация японской внешнеэкономической политики осуществляется через систему двусторонних связей со странами региона. Например, Казахстан представлял собой особый интерес из-за больших запасов нефти. В 1995 г. Япония впервые произвела финансовое вливание в экономику Казахстана для развития инфраструктуры страны. Долгое время отношения между государствами не развивались из-за нежелания Назарбаева допускать в нефтяную сферу иностранный капитал. Энергетическое сотрудничество - создание общего предприятия при участии «Казатомпром» и японских корпораций «Мицуи» и «Кансай Электрик» для разведки месторождения урановых руд на Мангышлаке, что позволяет покрыть 10% потребностей японской стороны в урановой руде. Аналогичные «урановые» проекты могут быть реализованы и в Узбекистане. Японские автомобильные компании «Ниссан» и «Тойота» уже занимают значительную долю рынка автомобильной продукции Казахстана [4].

Официальные взаимные визиты этих стран, несомненно, играют большую роль в развитии плодотворных партнерских отношений. Положительный результат отмечен после визита президента Туркменистана в Японию в декабре 2009 г. и в сентябре 2013 г. Подобные визиты придают импульс для укрепления отношений, углубления сотрудничества между Японией и Туркменистаном. Это происходит в различных областях экономики, а также политике и культуре.

Историческое взаимодействие складывается достаточно длительное время на основе культурных и исторических проектов. Особое внимание стоит уделять экономическому партнерству. Так, в значительной степени важным является налаженный экспорт высоких технологий и дальнейшее сотрудничество в процессах развития нефтегазовых отраслей и строительства промышленно развитых структур и опосредованного воздействия на структуру общего хозяйства стран Центральной Азии.

Продолжением исторического диалога является стремление к равномерному распределению баланса сил в регионе. Так, партнерство для Японии, которая традиционно не имеет широкого доступа к природным ресурсам, возможность импорта переработан-

ного и сжиженного туркменского газа позволяет восполнить материально-техническую базу и, таким образом, строительство заводов нефтегазового профиля.

Японские инвестиции дают возможность внедрять новые технологии и ряд маркетинговых инноваций, что в перспективе позволит осуществить переход от экономики ручного труда и возвратного капитала, по сути рентного капитала, к множественным структурам постиндустриальной экономики. То есть в данном аспекте речь идет исключительно о возможностях цивилизационного развития. К этому подталкивает мыль о том, что ведущее отношение было представлено в ходе визита Президента Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедова в Японию в 2013 г. Особое внимание было уделено подписанию документов в гуманитарной сфере. По итогам анализа стоимости проектов, которые были упомянуты и реально осуществлены к 2017 г., выделяются проекты компаний с государственными концернами «Туркменгаз», «Туркменхимия» и «Туркменнебит», компаниями с учетом японского капитала Sojitz, Chiyoda, Nippon, ITOCHU, JGC, Kawasaki, TOYO, Mitsui, Tsukishima, Mitsubishi, Sumitomo» и рядом государственных банков и иных финансовых учреждений с участием обеих стран. Общая стоимость текущих реализуемых проектов составляет более 10 млрд долл. [16].

Особое внимание японскими представителями уделяется в случаях, когда речь заходит о крупных долгосрочных контрактах. Но стоит отметить также и тот аспект, что крупнейшая система взаимодействия между сторонами определяется на уровне министерств и ведомств. То есть историческая параллель привела к тому, что каждый из участников данного процесса позволяет говорить о том, что необходимо четко понимать, каким образом формируется процесс исторического развития. Именно эту роль выполняют комитеты по стратегическому сотрудничеству.

Так, в ряде каналов, таких как Каянлы, проходит строительство расширенного воспроизводства объектов бытовой химии. Более широко внедряется система переработки природного газа, что позволит Туркмении формировать ускоренный исторический вектор социально-политического влияния.

Обсуждение исследования

Туркменистан на постсоветском пространстве воспринимался как территория, постоянно требовавшая инвестиционной поддержки и получившая полномасштабное развитие своей культуры не более столетия назад. В Японии имеется понимание того, что Туркменистан - одна из самых обеспеченных стран в социальном и ресурсном отношении и может вполне обойтись без привлечения внешних инвестиций, а также без участия в геополитике на протяжении уже 20 лет. Именно это, а также стремление к всестороннему развитию позволяет формировать плодотворный диалог с Японией как равноправным партнером. Постепенно происходит развитие межправительственных комиссий, становление межгосударственных научных организаций, которые последовательно приводят к тому, что каждый из участников сотрудничества накапливает технологический и структурный потенциалы и может это реализовать как драйвер развития государства. В этом ключе в Ашхабаде по инициативе Гурбангулы Бердымухамедова реализован технологический парк - крупный комплекс, включающий ряд научно-исследовательских учреждений. Таким образом, используется совместная деятельность ряда структур. Особое внимание получают проекты, связанные с разработкой туристической среды, а также обоснования расширения сферы сотрудничества на научно-технической основе.

Выводы

В качестве выводов относительно результатов исторического сотрудничества между Туркменистаном и Японией можно выделить то, что в последнее время Япония воспринимает Туркменистан как равноправного долгосрочного партнера, который способен не только к накоплению проблем и стремлению к их решению за счет помощи со стороны более высокоразвитого государства, но также и обеспечению возможностей становления самостоятельной внешней политики.

Сотрудничество между Японией и Туркменистаном получило развитие на основании взаимодействия в культурной и политической сфере в ходе становления самого туркменского государства. В течение последующих 20 лет основания для сотрудничества были постепенно реализованы в экономической и социальной сферах. Данное сотрудничество будет последовательно располагать к тому, что по мере возникновения исторических параллелей будет происходить развитие в области туризма и образовательного сотрудничества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Attanasi E.D., Freeman P.A. (2012). Role of Stranded Gas from Central Asia and Russia in Meeting Europe's Future Import Demand for Gas // *Natural Resources Research. - № 21*(2). - Pp. 193-220. doi:10.1007/s11053-012-9172-6
2. Banks A.S., Muller T.C. (1980). Intergovernmental Organizations. In A.S. Banks & T.C. Muller (Eds.), *Political Handbook of the World: 1998: Governments and Intergovernmental Organizations as of January 1, 1998*. - London: Palgrave Macmillan UK. - Pp. 1057-1228.
3. Drifte R. (2001). Japan's Eurasian Diplomacy: Hard-Nosed Power Politics, Resource Diplomacy, or Romanticism? In A. Holzhausen (Ed.), *Can Japan Globalize? Studies on Japan's Changing Political Economy and the Process of Globalization in Honour of Sung-Jo Park*. - Heidelberg: Physica-Verlag HD. - Pp. 257-274.
4. Hutchings R. (1999). Japan and the non-Russian Successor States of the Former Soviet Union *Japan's Economic Involvement in Eastern Europe and Eurasia*. - London: Palgrave Macmillan UK. - Pp. 36-50.
5. Kawato A. (2007). Japan's Strategic Thinking toward Central Asia. In G. Rozman, K. Togo, & J. P. Ferguson (Eds.), *Japanese Strategic Thought toward Asia*. - New York: Palgrave Macmillan US. - Pp. 225-242.
6. Kolb R.W. (2014). The Natural Gas Revolution and Central Asia. In A. Dorsman, T. Gök, & M. B. Karan (Eds.), *Perspectives on Energy Risk*. - Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg. - Pp. 71-87.
7. Korpeyev I.R. (2007). Priority directions of developing renewable energy in Turkmenistan // *Applied Solar Energy. - № 43*(4). - Pp. 254-257. doi:10.3103/s0003701x07040159
8. Kuniholm B. (2000). The Geopolitics of the Region. In W. Ascher & N. Mirovitskaya (Eds.), *The Caspian Sea: A Quest for Environmental Security.* - Dordrecht: Springer Netherlands. - Pp. 91-116.
9. Mozaffari M. (1997). CIS' Southern Belt: Regional Cooperation and Integration. In M. Mozaffari (Ed.), *Security Politics in the Commonwealth of Independent States: The Southern Belt.* - London: Palgrave Macmillan UK. - Pp. 151-188.
10. Pomfret R. (2000). Central Asian Regional Integration and New Trade Patterns. In Y. Kalyuzhnova & D. Lynch (Eds.), *The Euro-Asian World: A Period of Transition.* - London: Palgrave Macmillan UK. - Pp. 188-206.
11. Pomfret R. (2001). Turkmenistan: From Communism to Nationalism by Gradual Economic Reform. *MOST: Economic Policy in Transitional Economies. - № 11*(2). - Pp. 165-176. doi:10.1023/a:1012202313876
12. Stroev E.S., Bliakhman L.S., Krotov M.I. (1999). Denationalisation, Privatisation and Economic Security in the CIS Countries *Russia and Eurasia at the Crossroads: Experience and Problems of Economic Reforms in the Commonwealth of Independent States.* - Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg.- Pp. 80-142.
13. Stroev E.S., Bliakhman L.S., Krotov M.I. (1999). CIS Countries on the way to Regional Economic Integration *Russia and Eurasia at the Crossroads: Experience and Problems of Economic Reforms in the Commonwealth of Independent States.* - Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg. - Pp. 384-484.
14. Zhiltsov S.S., Grishicheva O.G. (2016). Chinese Pipeline Projects in the Caspian Region. In S.S. Zhiltsov, I.S. Zonn, A.G. Kostianoy (Eds.), *Oil and Gas Pipelines in the Black-Caspian Seas*

gion. - Cham: Springer International Publishing. - Pp. 105-116.
15. Zonn I.S., Zhiltsov S.S., Semenov A.V. (2016). Export of Hydrocarbons from Turkmenistan: Results and Perspectives. In S.S. Zhiltsov, I.S. Zonn, A.G. Kostianoy (Eds.), *Oil and Gas Pipelines in the Black-Caspian Seas Region.* - Cham: Springer International Publishing. - Pp. 125-137.
16. Туркменистан - Япония: горизонты конструктивного сотрудничества / [Электронный ресурс] - http://tdh.gov.tm/news/articles.aspx&article324&cat14/ (дата обращения: 30.08.2017).
17. Влияние Японии на страны Центральной Азии / [Электронный ресурс] - http://www.ca-portal.ru/article:9703/ (дата обращения: 30.08.2017).

REFERENCES

1. Attanasi E.D., & Freeman P.A. (2012). Role of Stranded Gas from Central Asia and Russia in Meeting Europe's Future Import Demand for Gas. Natural Resources Research, 21(2), 193-220. doi:10.1007/s11053-012-9172-6
2. Banks A.S., & Muller T.C. (1980). Intergovernmental Organizations. In A. S. Banks & T. C. Muller (Eds.), Political Handbook of the World: 1998: Governments and Intergovernmental Organizations as of January 1, 1998 (pp. 1057-1228). London: Palgrave Macmillan UK.
3. Drifte R. (2001). Japan's Eurasian Diplomacy: Hard-Nosed Power Politics, Resource Diplomacy, or Romanticism? In A. Holzhausen (Ed.), Can Japan Globalize? Studies on Japan's Changing Political Economy and the Process of Globalization in Honour of Sung-Jo Park (pp. 257-274). Heidelberg: Physica-Verlag HD.
4. Hutchings R. (1999). Japan and the non-Russian Successor States of the Former Soviet Union Japan's Economic Involvement in Eastern Europe and Eurasia (pp. 36-50). London: Palgrave Macmillan UK.
5. Kawato A. (2007). Japan's Strategic Thinking toward Central Asia. In G. Rozman, K. Togo, & J. P. Ferguson (Eds.), Japanese Strategic Thought toward Asia (pp. 225-242). New York: Palgrave Macmillan US.
6. Kolb R.W. (2014). The Natural Gas Revolution and Central Asia. In A. Dorsman, T. Gök, & M. B. Karan (Eds.), Perspectives on Energy Risk (pp. 71-87). Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg.
7. Korpeyev I.R. (2007). Priority directions of developing renewable energy in Turkmenistan. Applied Solar Energy, 43(4), 254-257. doi:10.3103/s0003701x07040159
8. Kuniholm B. (2000). The Geopolitics of the Region. In W. Ascher & N. Mirovitskaya (Eds.), The Caspian Sea: A Quest for Environmental Security (pp. 91-116). Dordrecht: Springer Netherlands.
9. Mozaffari M. (1997). CIS' Southern Belt: Regional Cooperation and Integration. In M. Mozaffari (Ed.), Security Politics in the Commonwealth of Independent States: The Southern Belt (pp. 151-188). London: Palgrave Macmillan UK.
10. Pomfret R. (2000). Central Asian Regional Integration and New Trade Patterns. In Y. Kalyuzhnova & D. Lynch (Eds.), The Euro-Asian World: A Period of Transition (pp. 188-206). London: Palgrave Macmillan UK.
11. Pomfret R. (2001). Turkmenistan: From Communism to Nationalism by Gradual Economic Reform. MOST: Economic Policy in Transitional Economies, 11(2), 165-176. doi:10.1023/a:1012202313876
12. Stroev E.S., Bliakhman L.S., & Krotov M.I. (1999). Denationalisation, Privatisation and Economic Security in the CIS Countries Russia and Eurasia at the Crossroads: Experience and Problems of Economic Reforms in the Commonwealth of Independent States (pp. 80-142). Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg.
13. Stroev E.S., Bliakhman L.S., & Krotov M.I. (1999). CIS Countries on the way to Regional Economic Integration Russia and Eurasia at the Crossroads: Experience and Problems of Economic Reforms in the Commonwealth of Independent States (pp. 384-484). Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg.
14. Zhiltsov S.S., & Grishicheva O.G. (2016). Chinese Pipeline Projects in the Caspian Region. In S. S.

Zhiltsov, I. S. Zonn, & A. G. Kostianoy (Eds.), Oil and Gas Pipelines in the Black-Caspian Seas Region (pp. 105-116). Cham: Springer International Publishing.

15. Zonn I.S., Zhiltsov, S. S., & Semenov, A. V. (2016). Export of Hydrocarbons from Turkmenistan: Results and Perspectives. In S. S. Zhiltsov, I. S. Zonn, & A. G. Kostianoy (Eds.), Oil and Gas Pipelines in the Black-Caspian Seas Region (pp. 125-137). Cham: Springer International Publishing.
16. Turkmenistan - Yaponiya: gorizonty konstruktivnogo sotrudnichestva. [Turkmenistan - Japan: horizons of constructive cooperation]. Available at: http://tdh.gov.tm/news/articles.aspx&article324&cat14/ (accessed 30 August 2017)
17. Vliyaniye Yaponii na strany Tsentral'noy Azii. [The influence of Japan on the countries of Central Asia]. Available at: http://www.ca-portal.ru/article:9703/ (accessed 30 August 2017)

Информация об авторе:

Уразаева Фатима Пайзуллаевна, докторант, Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина,
г. Бишкек, Киргизия
fatima_u81@mail.ru

Получена: 28.06.2017

Для цитирования: Уразаева Ф. П. Историческая роль и место Туркмении во внешней политике Японии. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 2. с.96-101.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-96-101.

Information about the author:

Fatima P. Urazaeva, Doctoral Student, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan
fatima_u81@mail.ru

Received: 28.06.2017

For citation: Urazaeva F.P. Historical role and place of Turkmenistan in the Japan foreign policy. Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 2. Pp. 96-101.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-96-101. (in Russian)

Социологические и гуманитарные науки

Sociological and Humanities Sciences

УДК 316.4 (470+571) DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-105-119

БАРАНОВ Андрей Владимирович
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
baranovandrew@mail.ru

Andrew V. BARANOV
Kuban State University
Krasnodar, Russia
baranovandrew@mail.ru

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

INTERETHNIC AND INTERCONFESSIONAL RELATIONS IN KRASNODAR REGION: INTERACTION OF PUBLIC ASSOCIATIONS

В данной статье раскрыты тенденции развития взаимодействий общественных объединений в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений в Краснодарском крае (первая половина 2017 г.). Работа выполнена в рамках социального конструктивизма применительно к этнополитологии. Внимание уделено таким факторам направленности межэтнических и межконфессиональных отношений, как влияние экономического кризиса, изменения этнодемографической структуры, миграционные процессы, состав и соотношение сил общественных субъектов этнополитики в регионе. Уделено внимание роли Кубанского казачьего войска в межэтнических и межконфессиональных отношениях, в несении государственной и муниципальной службы. Определены тенденции развития межэтнических и межконфессиональных отношений в Краснодарском крае. Аргументируются рекомендации органам государственной власти, общественным объединениям и СМИ в сфере реализации этнополитики в Краснодарском крае. Так, в научной статье фиксируется актуальность создания краевого экспертно-аналитического центра, который бы на постоянной основе получал государственные заказы на мониторинг баланса идентичностей, межэтнических и межрелигиозных отношений, проявлений рисков и угроз конфликтов.

In this article the trends in the development of the interaction of public associations in the sphere of interethnic and interconfessional relations in the Krasnodar Region in the first half of 2017 are disclosed. The paper was carried out within the framework of social constructivism with reference to ethnicity researched political science. Attention is paid to such factors of the orientation of interethnic and interconfessional relations as the impact of the economic crisis, changes in the ethnic-demographic structure, migration processes, composition and correlation of forces of social subjects of ethnic-politics in the region. Attention is paid to the role of the Kuban Cossack Army in interethnic and interconfessional relations, in carrying out state and municipal service. Trends in the development of interethnic and interconfessional relations in the Krasnodar Region are determined. The recommendations to state authorities, public associations and the media in the implementation of ethnic-politics in the Krasnodar Region are argued. So, in the scientific paper is fixed the urgency of creation of the regional expert-analytical center that would receive state orders for monitoring the balance of identities, interethnic and interreligious relations, manifestations of risks and threats of conflicts on a permanent basis.

Ключевые слова: межэтнические отношения, межконфессиональные отношения, общественные объединения, взаимодействие, Краснодарский край, тенденции развития

Keywords: interethnic relations, interconfessional relations, public associations, interaction, Krasnodar Region, development trends

Благодарность. Исследование выполнено в рамках проекта № 28.4500.2017/5.3 «Мониторинг этноконфессиональной ситуации в полиэтничных регионах Российской Федерации на основе модели Распределенного научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем, анализ гуманитарного предметно-дисциплинарного цикла в школах и вузах в аспекте формирования российской идентичности, воспитания гражданской ответственности и солидарности в регионах Южного федерального округа (Краснодарский край, Республика Адыгея и Волгоградская область)».

Acknowledgment. The research was carried out within the framework of the project No. 28.4500.2017/5.3 “Monitoring of ethnic-confessional situation in the multiethnic regions of the Russian Federation on basis of model of the Distributed Scientific Center of Interethnic and Interreligious Problems, analysis of humanitarian subject disciplinary cycle in schools and universities in aspect of formation of Russian identity, education of civil responsibility and solidarity in regions of the Southern Federal District (Krasnodar Region, Republic of Adygea, and Volgograd Region)”.

Актуальность темы в том, что Краснодарский край относится к числу стратегически важных и этнополитически стабильных субъектов Российской Федерации. Одновременно сохраняются долгосрочные факторы рисков национальной безопасности в этнической и конфессиональных сферах регионального сообщества, связанные с его пограничным положением и поликультурностью. Тема работы остается относительно малоизученной и дискуссионной, поскольку в жанре краткосрочного мониторинга этносоциальных процессов аналитика устаревает стремительно, а эмпирическая основа выводов достаточно ограниченна.

Цель статьи - определить тенденции развития взаимодействий общественных объединений в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений в Краснодарском крае за первую половину 2017 г. Задачи работы: определить влияние внутрирегиональных и международных факторов на этнополитическую ситуацию в крае, оценить основные тенденции развития межэтнических и межконфессиональных отношений на Кубани.

Хронологические рамки статьи ограничиваются первой половиной 2017 г., что определено задачами мониторинга этнополитических и конфессиональных отношений в крае, проводимого автором по проекту Распределенного научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем Минобрнауки РФ.

Работа выполнена на основе конструктивистской парадигмы этнополитических исследований. Это дает возможность интерпретировать этнополитические процессы и их регулирование в качестве целенаправленных действий и взаимодействий акторов политики, реализующих свои интересы в конкурентном пространстве. С точки зрения политической географии и политико-культурных исследований Краснодарский край является контактной зоной цивилизаций, многосоставным сообществом, в котором «оси» социокультурной сегментации отчасти накладываются, что является конфликтогенным фактором.

Среди новейших научных исследований темы можно выделить работы Т.А. Хагурова и Г.Г. Донцовой [1], М.А. Донцовой [2], Г.И. Подлесного [3], содержащие результаты самостоятельных эмпирических исследований. Вместе с тем остаются малоизученными такие ракурсы, как влияние экономического кризиса на межэтнические отношения и конфликтогенность в регионе, этнополитические последствия международной и межрегиональной миграции, роль кубанского казачества в стабилизации этнополитических процессов.

Эмпирическая основа статьи включает в себя: материалы текущей экономической и социально-демографической статистики Росстата и Краснодарстата, администрации Краснодарского края и ее структурных подразделений; ежегодный доклад Общественной палаты Краснодарского края за 2016 г.; отчетные материалы сайта Центра национальных культур Краснодарского края; сведения о зарегистрированных Минюстом РФ неправительственных организациях; опубликованные результаты массовых анкетных и экспертных опросов; информационные сообщения интернет-ресурсов и периодических изданий края.

Динамика показателей уровня жизни за первое полугодие 2017 г. характеризуется сокращением реальных доходов населения. Инфляционные процессы умеренно негативно влияют на денежные доходы. Индекс потребительских цен на рынке края вырос на 2,5% за декабрь 2016 - июнь 2017 гг., прирост цен в сравнении с 2016 г. весомо сократился (с 6,0% до 2,5%) [4].

Реальные располагаемые денежные доходы (доходы за вычетом обязательных платежей, скорректированные на индекс потребительских цен), по оценке Краснодарстата, в январе - июне 2017 г. по сравнению с сопоставимым периодом 2016 г. сократились на 3,2%, что хуже, чем в первом полугодии 2016 г. (когда спад доходов составил 2,0%) [5]. Среднедушевые денежные доходы в среднем за 2016 г. составили 32671,7 руб. в месяц, что означает номинальный прирост [6], но вследствие инфляции - реальный спад доходов. Из-за этого весомо сокращается удельный вес сбережений в структуре доходов - с 11,7 до 6,1% (в сравнении первых полугодий 2016 и 2017 гг.) [5].

Основным источником доходов трудоспособного населения остается заработная плата. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата (с выплатами социального характера) в мае 2016 г. составила 31 297 руб., что превысило номинальный уровень мая 2016 г. на 3,4%. Реальная заработная плата в мае 2017 г. ниже на 1,4% уровня мая 2016 г. [7].

Дифференциация доходов населения сохраняется достаточно высокой. В 2016 г. на долю 20% наиболее обеспеченного населения приходилось 47,2% общего объема денежных доходов (в 2015 г. - 47,2%), а на долю 20% наименее обеспеченного населения в 2016 г. - лишь 5,3% (в 2015 г. - столько же). На более длительной дистанции 2010-2016 гг. неравенство доходов слабо снижалось. Соотношение денежных доходов 20% населения с наименьшими и 20% населения с наибольшими доходами (коэффициент фондов) составило 15,8 раза (в 2015 г. - столько же). Индекс концентрации доходов (коэффициент Джини), характеризующий степень отклонения линии фактического распределения общего объема доходов от линии их равномерного распределения в 2016 г. равен 0,415, то есть немногим выше уровня 2015 г. (0,414) [8]. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума составила 645,4 тыс. чел. Слои населения со среднедушевыми денежными доходами ниже прожиточного минимума составили 11,7% по итогам 2016 г., что равно уровню 2015 г. и выше уровня 2014 г. - 10,1% [6]. Покупательная способность среднедушевых денежных доходов населения края за первое полугодие 2017 г. умеренно снижалась.

Дифференциация среднемесячной номинальной начисленной зарплаты по муниципальным образованиям края за январь - май 2017 г. составляет 1,84 раза и незначительно снижается. Она находится в диапазоне от 21 805 руб. в Новопокровском и 22 029 руб. в Курганинском районах до 40 188 руб. в г. Новороссийске и 39 968 руб. в Краснодаре [9]. Низкий уровень доходов фиксируется в предгорных и северных районах Кубани, а высокий - в крупнейших городах и курортных местностях. Наименьший прирост номинальной зарплаты за первые пять месяцев 2017 г. отмечен в Апшеронском, Брюховецком, Крымском, Кущёвском, Усть-Лабинском районах.

Численность экономически активного населения (ЭАН) в возрасте 15-72 лет за март - май 2017 г. составила 2 747,9 тыс. чел. (49,3% общей численности населения края) и снизилась с учетом старения постоянного населения. В том числе 2 588,0 тыс. чел. (94,2% рабочей силы) заняты в экономике и 159,9 тыс. человек (5,8%) не имели занятия, но активно его искали и в соответствии с методологией Международной Организации Труда классифицировались как безработные. Уровень безработицы немногим ниже такового (5,9%) за март - май 2016 г. [10]. Численность безработицы во втором квартале 2017 г. снижалась, что можно объяснить сезонными обстоятельствами. Уровень регистрируемой безработицы (соотношение численности зарегистрированных безработных граждан к численности экономически активного населения) в июне 2017 г. вдвое ниже, чем в среднем по России [10].

Важна пространственная дифференциация уровня безработицы в крае. Она достигает 3 раз [11]. Наихудшая ситуация - в северо-восточных степных районах (Белоглинском и Крыловском), а также по востоку края и в ряде западных сельских районов (Славянском, Абинском, Крымском, Темрюкском). Специфика безработицы в крае определяется уровнем и структурой занятости населения, обусловленных отраслевой специализацией (агропромышленный комплекс, пищевая и строительная промышленность, санаторно-курортная сфера) хозяйства. Для региона характерны структурная безработица и повышенный уровень сельской безработицы в сравнении с городской, ее сезонный характер. Наилучшая ситуация - в крупных городах (Краснодаре, Сочи, Новороссийске, Армавире) и на Черноморском побережье. Опасным может быть территориальное наложение зон экономической депрессии, безработицы и этнической миграции.

Численность населения края, по расчетным данным Краснодарстата на 1 июня 2017 г. - 5 578,7 тыс. чел., что на 9,3% больше, чем по переписи 2010 г. [12]. В регионе проживают не менее 124 этнических групп. По переписи 2010 г., этнический состав края таков. Русские составляют 86,5%; армяне - 5,4%; украинцы - 1,6%, остальные: поволжские тата-

ры - 24,8 тыс. чел., греки - 22,6 тыс., грузины - 17,8 тыс., белорусы - 16,9 тыс., адыгейцы - 13,8 тыс. и др. За 1989-2010 гг. доля армян в населении выросла с 3,7 до 5,4 % [13]. Наиболее значительное сокращение численности характерно для немцев и евреев, а умеренное - для адыгейцев, греков и поволжских татар. Этнический состав трех субрегионов - Степной Кубани, Закубанья и Черноморского побережья - по итогам переписи населения 2010 г. значительно различается. На Степной Кубани (севернее рек Кубани и Лабы) русские превышают 90% постоянного населения, а в г. Сочи русских только 67,1% и в Туапсинском районе - 69,5% [13]. Наиболее высока процентная доля армян в г. Сочи (19,5% постоянных жителей), Туапсинском районе (13,7%), г. Армавире - 9,3% и г. Анапе - 9,0% [14].

Плотность населения 73,9 чел./км² - находится на четвертом месте в РФ после Москвы, Санкт-Петербурга и Ингушетии [13]. Прирост численности населения воспринимается общественным мнением края как чрезмерный. Опережающими темпами растет население крупнейших (экономически привлекательных) городов - Краснодара, Сочи, Новороссийска, Анапы, Армавира, а также муниципалитетов Черноморского побережья. Это создает повышенную плотность повседневных контактов в этнической и конфессиональной сферах.

Уровень урбанизации в Краснодарском крае низок по российским меркам и возрастает медленно. 3 052,9 тыс. чел. (54,7%) - горожане и 2 525,7 тыс. чел. (45,3%) - сельские жители [12]. Для сельских поселений края вследствие благоприятных климатических условий и высокой плотности населения характерна высокая людность. Преобладают станицы и села с населением более 10 тыс. чел., есть даже районные центры - станицы с населением по 30-45 тыс. чел. Опережающими темпами растет население крупнейших, экономически привлекательных городов - Краснодара, Сочи, Новороссийска, Анапы, Армавира, а также малых городов Черноморского побережья. Это создает повышенную плотность повседневных контактов в этнической и конфессиональной сферах.

Во всех 44 муниципальных образованиях края за первое полугодие 2017 г. отмечено сокращение числа родившихся, а в 16 - рост числа умерших. Это означает значительное ухудшение в сравнении с аналогичным периодом 2016 г. В целом по краю число умерших превысило число родившихся на 17,9% (в январе - мае 2016 г. - на 5,2%), в том числе в 23 муниципальных образованиях превышение составило 1,5-2,3 раза (год назад - только в 10 м/о). Относительно благоприятные тенденции роста рождаемости отмечены в крупнейших городах - Краснодаре и Сочи [12].

По данным Краснодарстата, за весь 2016 г. коэффициент рождаемости составил 13,2 на 1000 постоянных жителей, что незначительно меньше уровня за 2015 г. Коэффициент смертности - 12,9 на 1000 жителей несколько сократился в сравнении с уровнем 2015 г. - 13,1 [12].

Естественный прирост населения края за январь - май 2017 г. (в расчете на 1000 постоянных жителей) составил -2,0%, что хуже показателей за соответствующий период 2016 г. (-0,7%). Отрицательный естественный прирост населения в Краснодарском крае наблюдается впервые с 2012 г. [12] Это объясняется сочетанием долгосрочных демографических факторов (в фазу активного деторождения вступает малочисленная когорта рожденных в 1990-х гг.) и влияния экономического кризиса.

Краснодарский край - один из наиболее привлекательных для заселения регионов России. Сравнение общих коэффициентов миграционного прироста 2005-2016 гг. показывает, что Краснодарский край имеет самый высокий коэффициент в Южном федеральном округе (наивысший коэффициент в крае составлял +135 на 10 000 чел. постоянного населения в 2013 г. и +100,5 - в 2016 г.) [15]. Для сравнения, вся РФ в 2014 г. имела общий положительный коэффициент миграционного прироста +19, весь Южный федеральный округ - +67, а весь Северо-Кавказский федеральный округ - отрицательный коэффициент: -21 [16]. За 2016 г. общий коэффициент миграционного прироста в Краснодарском крае оставался на 3-м месте по России и вырос с 89,0 до 100,5 на 10 000 чел. постоянных жителей, что выше уровня 2014 г. [17; 15].

По данным Краснодарстата, за январь - май 2017 г. миграционный прирост населения составил +21 467 чел., что в 1,7 раза меньше, чем за тот же период 2016 г. Это произошло за счет снижения числа прибывших в край на 12,6%. Число мигрантов внутри края за январь - май 2017 г. уменьшилось на 3 043 чел., или на 11,7%, по сравнению с соответствующим периодом 2016 г. [18].

За январь - май 2017 г. в регион прибыли 69 834 мигранта, а выбыли - 57 513, что дало снижение миграционного прироста на 42,6% в сравнении с теми же месяцами 2016 г. Это весомый тренд уменьшения притока переселенцев. Из прибывших мигрантов 89,9% - внутрироссийские (в том числе 32,8% всего прироста - внутрирегиональные и 57,1% - межрегиональные), 10,1% - зарубежные (в том числе 8,6% граждан стран СНГ и 1,5% граждан иных стран) [18]. В сравнении с 2016 г. удельный вес внутрироссийских миграций немного вырос (с 88,9 до 89,9%) (см. табл.), как и внутрирегиональных миграций, а межрегиональных внутрироссийских - незначительно снизился (с 57,5 до 57,1 %) [18].

Число внутрирегиональных мигрантов за пять месяцев 2017 г. снизилось на 11,7% по сравнению с периодом предыдущего года. Миграционный прирост за счет обмена с государствами - участниками СНГ за пять месяцев 2017 г. сократился на 26,6%, с иными зарубежными государствами - на 17,2% [18]. Можно предположить, что данная тенденция объясняется принятыми строгими антитеррористическими мерами в местностях проведения Кубка конфедераций по футболу и отбытием в свои страны трудовых мигрантов, работавших на спортивных объектах.

Табл. 1. Общие итоги миграции в Краснодарском крае, январь - май 2017 г. (чел.).

Table. 1. The overall results of the migration in the Krasnodar Region, January - May 2017 (pers.).

	Январь-май					
	2017 г.			2016 г.		
	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост (+), снижение (-)	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост (+), снижение (-)
Миграция - всего	69 834	57 513	+12 321	79 659	58 192	+21 467
из нее: в пределах России	62 807	52 014	+10 793	70 245	54 372	+15 873
в том числе: внутрирегиональная	22 911	22 911	-	25 954	25 954	-
межрегиональная	39 896	29 103	+10 793	44 291	28 418	+15 873
международная миграция	7 027	5 499	+1 528	9 414	3 820	+5 594
в том числе: со странами СНГ	6 023	4 895	+1 128	8 201	3 139	+5 062
с другими зарубежными странами	1 004	604	+400	1 213	681	+532
Внешняя для края миграция	46 923	34 602	+12 321	53 705	32 238	+21 467

Источник: Общая характеристика миграционной ситуации в Краснодарском крае // Сайт Краснодарстата. 2017. URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/8e2e790041ecbb0f8ef7fe27f9898572/%D0%BC%D0% B8%D0%B3%D1%80.htm (дата обращения: 02.08.2017).

Source: The overall characteristics of the migration situation in the Krasnodar Region // Web-site of Krasnodarstat. 2017. URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/8e2e790041ecbb0f8ef7fe27f9898572/%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80.htm (date of reference: 08/02/2017).

Положительное сальдо миграции наблюдалось со всеми странами СНГ, в том числе 58,0% миграционного прироста приходилось на Украину, 14,4% - на Армению, 9,8% - на Казахстан [18]. Среди стран СНГ миграционный прирост был положителен: с Украиной +89,6%, с Казахстаном +26,5%, с Беларусью +11,8%. Отрицательное сальдо миграции отмечено с Азербайджаном, Арменией, Молдовой, Таджикистаном и Узбекистаном.

За весь 2016 г. в совокупности внутрироссийский межрегиональный миграционный прирост вырос с + 41 668 до +42 006 чел., а международный - снизился с +16 068 до +13 699 чел. Идет все более ощутимое снижение динамики Украины в миграционных потоках (с 8 454 до 7 116 чел.), Армении (с 2 167 до 1 773 чел.), Казахстана - с 1 290 до 1 200 чел., Узбекистана - с 998 до 506 чел., Молдовы - с 510 до 437 чел. и др. [18]. Обратим внимание на спад числа прибывших в край граждан Украины, Казахстана, Узбекистана и Молдовы наряду с ростом прибытия граждан Армении, Азербайджана, Беларуси, Киргизии, Таджикистана. Но страновая структура международной иммиграции в край остается относительно неизменной. Она сложилась в 2014 г. вследствие украинского кризиса, до этого преобладала иммиграция из Армении и стран Средней Азии. Мотивами международной иммиграции в край выступают, прежде всего, желание заработать и повысить свой статус.

По данным Краснодарстата, за весь 2016 г. жители Сибирского федерального округа составили 28,3%, Дальневосточного - 16,5%, Уральского - 15,0%, Приволжского - 15,0%, Северо-Кавказского - 11,2%, Южного - 8,5% числа переселившихся в край жителей других регионов России. Это означает рост удельного веса переселенцев из Сибири, Дальнего Востока, Урала, Поволжья, Северного Кавказа, а также некоторый спад межрегиональных миграций внутри Южного федерального округа [15]. Для категорий мигрантов, прибывающих в край, характерны устойчивые процентные соотношения.

Если анализировать территориальные распределения внутрироссийской иммиграции на Кубань на уровне субъектов федерации, то лидеры за 2014-2015 гг. - Ингушетия (3,8% всего миграционного потока), Адыгея (3,1%), Дагестан (2,7%), Тюменская область (2,2%), Ямало-Ненецкий АО (1,5%), Чечня (1,4%), Ставропольский край (1,3% всего миграционного потока), по расчетам Т.А. Мясниковой и К.В. Гетманцева. Этнический состав всего потока мигрантов за весь 2015 г. (86% переселенцев - русские, 5% - украинцы, 3% - поволжские татары) [19, с. 151-152] пропорционален составу постоянного населения Краснодарского края.

На 2017 г. для Краснодарского края установлена квота на выдачу разрешений на работу с учетом корректировок на 3 500 чел., что в 2,33 раза больше квоты 2016 г. [20]. Это означает возврат к размерам квоты на 2015 г. Причина, очевидно, в значительном спросе строительства и пищевой промышленности края, сферы обслуживания на дешевую рабочую силу из стран СНГ.

Устойчивым фактором миграционной ситуации за 2014-2017 гг. является приток вынужденных переселенцев из Украины. В 2014 г. в связи с войной на Украине число граждан этой страны в Краснодарском крае превышало 100 тыс. чел. и составляло 27% от

общего числа иностранцев и апатридов, поставленных на миграционный учет. В 2016 г. граждане Украины оставались самой многочисленной категорией иностранных мигрантов, пребывающих в Краснодарском крае. За 2016 г. разрешение на временное проживание в регионе получили 4 252 гражданина Украины, вид на жительство оформили 4 788 чел., временное убежище предоставлено 1 098 переселенцам. Из 1 190 обладателей украинских паспортов, обратившихся за получением российского гражданства, его получили 340 чел. [21].

По сведениям администрации края, на 20 марта 2017 г. в Краснодарском крае размещено 34 824 гражданина Украины (на 7,3 тыс. чел. меньше, чем год назад), в том числе детей младше 17 лет - 9 713 чел., а также учащейся молодежи от 18 до 25 лет - 2 180 чел. В том числе размещены в резервном жилом фонде администраций 1 173 чел. (емкость временных мест размещения в крае рассчитана на 5 073 чел.), а разместились у родственников и знакомых 33 651 чел. [22]. Краснодарский край занимает в РФ 2-е место по числу граждан Украины вслед за Ростовской областью. Численность граждан Украины в крае медленно сокращается.

В сравнении с 2015 г. перечисленные параметры показывают значительный спад, за исключением роста обращений для оформления вида на жительство (на 22%) и получения гражданства РФ (на 14%). Регистрирующие органы власти в 2016 г. стали более охотно предоставлять гражданам Украины вид на жительство в сравнении с 2015 г. (удовлетворено 90,9%, а не 45,1% обращений). Но гражданство РФ предоставляется гражданам Украины все реже (удовлетворено 28,6%, а не 80,2% обращений, как год назад) [22]. Вероятно, такая линия связана с профессиональным и возрастным составом обратившихся.

Масштаб проблемы велик: именно граждане Украины составляют 58% миграционного притока иностранцев в Краснодарский край, а также 93,1% обратившихся за предоставлением временного убежища и статуса беженца [22]. Для граждан Украины предусмотрена ускоренная процедура получения статусов. Больше всего граждан Украины находится в г. Краснодаре (5 722 чел.), Сочи (4 572 чел.), Новороссийске (1 796 чел.), Динском районе (1 279 чел.). Меньше всего переселенцев из Украины в Абинском, Староминском и Отрадненском районах [21].

Кроме государственных и муниципальных органов, значительную помощь беженцам оказывает Кубанское казачье войско, политические партии, благотворительные общественные организации. В крае создано несколько интернет-ресурсов и групп в социальных сетях, объединяющих переселенцев, в основном из Донбасса, оказывающих им социальную и информационную помощь.

По информации сайта Министерства юстиции РФ, на 24 июля 2017 г. в Краснодарском крае зарегистрированы 6 556 некоммерческих организаций, в том числе 132 национально-культурных объединения и 20 национально-культурных автономий, 5 общественных движений, 1 общественное объединение - Союз общественных объединений Краснодарского края «Союз славян Кубани», а также 791 религиозная организация [23].

Национально-культурные объединения края функционируют как автономно, так и ведут диалог между собой посредством Центра национальных культур Кубани и ряда аналогичных центров в крупных городах, Общественной палаты Краснодарского края, Совета при главе администрации (губернаторе) Краснодарского края по межнациональным отношениям, Совета при главе администрации (губернаторе) Краснодарского края по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека.

С начала 1990-х годов работает краевой Центр национальных культур (в настоящее время председатель правления В.Ч. Чанба), в котором сотрудничают 32 национально-культурных общественных объединения [24]. В г. Армавире, Краснодаре, Сочи, Новороссийске, Туапсинском районе также действуют межмуниципальные центры национальных

культур. Они объединяют более 100 национальных общественных организаций и являются важной площадкой для диалога власти и общества [25]. Задачами центра являются: поддержание эффективной деятельности национальных общественно-культурных объединений в сохранении и пропаганде национальных культур народов, населяющих Краснодарский край, а также развитие межкультурного диалога и укрепление межнационального мира и согласия. Центр организует проведение круглых столов и семинаров по проблемам межнациональных отношений, защите прав национальных меньшинств, участвует в международных встречах и конференциях, встречах с делегациями, прибывающими в край, в разрешении межэтнических конфликтов. Центр национальных культур участвует в работе программ: «Стратегия развития национальных объединений России», «Взаимодействие национальных объединений, администрации и правоохранительных органов с изучением опыта регионов России и международных организаций».

Одним из институтов взаимодействия администрации Краснодарского края и общественных объединений является с 2005 г. Совет при главе администрации (губернаторе) Краснодарского края по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека (председатель - А.А. Зайцев, председатель правления КРПОО «Общество "Знание"»). Среди его мероприятий в 2017 г. - проведение круглого стола «Родной язык - источник национальной гордости», приуроченного к Международному дню родного языка; проведение акции «День православной молодежи»; молодежный фестиваль «Песни и танцы народов мира»; встречи с иностранными диаспорами в Краснодарском клубе интернациональной дружбы; празднование Дня славянской письменности и культуры, международного Дня единения славян; открытие военно-исторического маршрута «Дорогами казачьей славы» [26].

При главе администрации Краснодарского края в 2015 г. образован Совет по межнациональным отношениям (под председательством губернатора В.А. Кондратьева). Совет является совещательным консультативным органом, формируется губернатором. В состав Совета вошли: первый заместитель губернатора, директор департамента внутренней политики администрации Краснодарского края, начальник управления по работе с политическими партиями, общественными объединениями и межнациональным отношениям, начальник Центра по противодействию экстремизму Главного управления МВД РФ по краю, руководитель аппарата Антитеррористической комиссии в крае, руководитель департамента молодежной политики края, начальник Управления Министерства юстиции РФ по краю, министр культуры края, министр образования и науки края, руководитель департамента труда и занятости населения края, секретарь Общественной палаты края, официальный представитель Республики Адыгея при главе администрации Краснодарского края, руководители национально-культурных и религиозных организаций, представители научного сообщества. Срок полномочий - 2 года.

Задачи Совета - рассмотрение вопросов реализации государственной национальной политики РФ, определение способов, форм и этапов ее реализации в крае; подготовка предложений губернатору; обеспечение взаимодействия органов власти всех уровней, органов местного самоуправления, общественных, научных и других организаций; профилактика межэтнических конфликтов и обеспечение межнационального согласия [27].

19 сентября 2013 г. постановлением главы администрации Краснодарского края был утвержден состав первого созыва Общественной палаты Краснодарского края (в том числе представители национально-культурных организаций и казачества). В составе Общественной палаты края действует комиссия по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений, развитию общественной дипломатии [28]. Общественная палата ежегодно публикует доклады губернатору края о состоянии гражданского общества в крае, содержащие разделы о состоянии и тенденциях развития межэтнических отношений, о противодействии этническому и религиозному экстремизму, о воспитании

российского патриотизма [29]. Созданы и действуют также 8 общественных палат межмуниципального уровня (например, Совет национальных объединений г. Сочи). Решениями губернатора и Законодательного собрания края утверждены 30 из 45 членов нового, третьего созыва Общественной палаты края, а полностью ее состав и руководство комиссий будут сформированы к октябрю 2017 г. [30].

Активным участником этнополитических процессов является кубанское казачество. С середины 1990-х годов в движении доминирует Кубанское казачье войско (ККВ) - реестровая организация. Это отличает край от Ростовской области и Ставропольского края, где казачество расколото. Активизировалось влияние ККВ на принятие законодательных актов. Губернатор края В.А. Кондратьев предложил в 2016 г. наделить атаманов районных обществ полномочиями заместителей глав муниципальных образований. Это будет способствовать патриотическому воспитанию и увеличит численность казачества [31]. Н.А. Долуда на заседании Совета атаманов реестровых казачьих войск России в мае 2016 г. сообщил, что члены казачьих обществ будут наделяться землей без прохождения конкурсных торгов. Такое решение принято органами власти края, а также Адыгеи и Карачаево-Черкесии [32]. По выступлению Н.А. Долуды на отчетном сборе Ейского отдела ККВ в мае 2017 г. Генеральный штаб Вооруженных сил РФ поддержал инициативу формирования казачьих подразделений и воинских частей [33]. Предлагается также сформировать казачьи пограничные заставы в системе Пограничного управления ФСБ России и казачьи подразделения Национальной гвардии [34].

По сведениям Министерства юстиции РФ, в Краснодарском крае на 24 июля 2017 г. зарегистрирована 791 религиозная организация. Они представляют 32 конфессии. В том числе зарегистрированы 370 православных организаций (среди них доминирует РПЦ Московского патриархата), 220 - протестантских, 12 - Армянской апостольской церкви, по 9 - римско-католических и иудаистских, 5 - исламских и т.д. [35]. Количество религиозных организаций умеренно сократилось в связи с законодательным запретом в 2017 г. организации «Свидетели Иеговы». При краевой администрации работает Координационный совет по взаимодействию с религиозными организациями, в нем участвуют представители епархии Русской Православной Церкви, Армянской церкви, Ислама, других конфессий.

По данным Духовного управления Республики Адыгея и Краснодарского края, численность мусульман в Краснодарском крае составляет около 180 тыс. чел., действует 7 мечетей [36]. Среди мусульман края преобладают татары, чеченцы, даргинцы, ингуши, представители дальнего зарубежья - студенческих диаспор. В Сочи 22 мая 2017 г. открыт Исламский культурный центр. Таким образом, увеличены возможности вероисповедания для 10 тыс. местных мусульман. Муфтий Адыгеи и Кубани А. Карданов назвал открытие центра гарантом спокойствия в регионе [37].

Постоянно проходят контакты руководителей религиозных организаций как под эгидой Общественной палаты края, Центра национальных культур Кубани, так и в инициативном порядке. Регулярно проводятся встречи прокурора края с представителями духовенства по вопросам состояния законности в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, роли религиозных объединений в патриотическом и духовно-нравственном воспитании молодежи. Действует Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Краснодарскому краю.

Подведем итоги. Экономический кризис повышает неравномерность территориального развития и уровень неравенства доходов. Повышенный уровень миграции также конфликтогенен для Краснодарского края. Сосредоточение трудовых мигрантов в крупных городах и курортных местностях политически рискованно. Необходимо поощрять дисперсное размещение мигрантов при соблюдении критериев экономической, социальной и этнополитической стабильности принимающего сообщества. Перспективным

направлением миграционной политики можно признать информационную политику, нацеленную на культурную и политическую адаптацию беженцев в принимающее сообщество. С учетом приграничного расположения края и возможных диверсионных действий Украины предоставление российского гражданства реализуется целевым порядком и не носит массового характера. Нереально ожидать серьезного оттока беженцев из края. Их адаптация должна быть долгосрочной и хорошо финансируемой программой.

В регионе проводится этнополитика на основе укрепления российской идентичности, согласования и представительства этнических интересов. Институциональная система взаимодействия органов государственной власти с общественными объединениями края в этноконфессиональной сфере обретает все более осмысленные черты.

Направления политической активности кубанского казачества в контексте межэтнических и межконфессиональных отношений в регионе (первая половина 2017 г.) следующие: институционализация ККВ как общественной организации, выполняющей ряд функций государственной и муниципальной службы; наращивание ресурсов экономического и социокультурного влияния ККВ; поддержка власти в обеспечении правопорядка и противодействии экстремизму; патриотическое и религиозное воспитание молодежи.

Необходимость укрепления российской нации делает полезным создание краевого экспертно-аналитического центра, который бы на постоянной основе получал государственные заказы на мониторинг баланса идентичностей, межэтнических и межрелигиозных отношений, проявлений рисков и угроз конфликтов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Хагуров Т.А., Донцова Г.Г. Межэтническая конфликтность и протестные настроения в молодежной среде полиэтничного региона: опыт социологического исследования // Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. - Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. - С. 34-43.
2. Донцова М.А. Конфликтогенные факторы развития этнополитической ситуации в Краснодарском крае и Республике Адыгея // Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. К 100-летию Великой русской революции: Сб. статей междунар. науч.-просвет. конф., 26-30 мая 2017 г. - Краснодар: Традиция, 2017. - С. 118-124.
3. Подлесный Г.И. Современное понимание патриотизма жителями Краснодарского края в свете данных социологических исследований // Духовно-нравственные основы идеологии российской государственности на современном этапе. Материалы Всерос. науч.-практ. конф., Краснодар - Сочи, 13-15 марта 2017 г. - Краснодар: Диапазон-В, 2017. - С. 256-259.
4. Индексы потребительских цен на товары и услуги по Краснодарскому краю за 1998-2017 годы // Сайт Краснодарстата. 2017 / [Электронный ресурс] - URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/243853004fa8bd75a5a0a7f73a3a624e/1998-2017_07.htm (дата обращения: 01.08.2017).
5. Денежные доходы населения и их использование // Сайт Краснодарстата. 2017 / [Электронный ресурс] - URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/45986a004aa565b0a776af4b 782e6f0a/denez_doxod_06_2017_dk.htm (дата обращения: 01.08.2017).
6. Основные социально-экономические показатели уровня жизни населения // Сайт Краснодарстата. 2017 / [Электронный ресурс] - URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/87c1da8048894df38d8bddf7eaa5adf2/osn_pokaz_uroveny_jizni_2016.htm (дата обращения: 01.08.2017).
7. Заработная плата // Сайт Краснодарстата. 2017 / [Электронный ресурс] - URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/0e76f90041ecbd1f8f68ff27f9898572/zpl.htm (дата обращения: 02.08.2017).
8. Основные показатели дифференциации доходов населения в 2016 году // Сайт Краснодарстата. 2017 / [Электронный ресурс] - URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/ resources

/ba735e804846727c8b7fafed3bc4492f/osn_pokaz_diffir_doxod_2016_dk.htm (дата обращения: 02.08.2017).
9. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата // Сайт Краснодарстата. 2017 / [Электронный ресурс] - URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/8de3f58041ecbe0f8f8eff27f9898572/zp_rn.htm (дата обращения: 02.08.2017).
10. Динамика численности рабочей силы // Сайт Краснодарстата. 2017 / [Электронный ресурс] - URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/e315d20041ecbb978f22ff27 f9898572/zan0617.htm (дата обращения: 02.08.2017).
11. Государственная программа Краснодарского края «Содействие занятости населения». Утверждена постановлением главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 16.11.2015 № 1036 // Официальный интернет-портал правовой информации. 2017 / [Электронный ресурс] - URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=140066890&intelsearch=&firstDoc=1 (дата обращения: 01.08.2017).
12. Общая характеристика воспроизводства населения в крае // Сайт Краснодарстата. 2017 / [Электронный ресурс] - http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/08f07a8041ecb9d08eaafe27f9898572/%D0%B5%D0%B4%D0%BD.htm (дата обращения: 01.08.2017).
13. Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации. Перепись 2010 // Сайт Всероссийской переписи населения 2010 г. 2017 / [Электронный ресурс] - www.perepis-2010.ru/ results_of_the_census/tab7.xls (дата обращения: 01.08.2017).
14. Итоги всероссийской переписи населения 2010 г. - М.: Росстат, 2013. - Т. 4. - С. 20-71.
15. Общие итоги миграции населения в Краснодарском крае в 2016 году // Сайт Краснодарстата. 2017 / [Электронный ресурс] - URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/ru/news/rss/28d4fe804029cf24ac90eec7692f4691 (дата обращения: 01.08.2017).
16. Регионы России. Социально-экономические показатели - 2015 г. Коэффициенты миграционного прироста (на 10 000 человек населения // Сайт Госстата. 2017 / [Электронный ресурс] - URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_14p/Main.htm (дата обращения: 01.08.2017).
17. Общие коэффициенты миграционного прироста населения (на 10 000 человек населения) // Сайт Краснодарстата. 2017 / [Электронный ресурс] - URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/d9cfbe004886e79db01ef0f7eaa5adf2/Миграция.htm (дата обращения: 15.05.2017).
18. Общая характеристика миграционной ситуации в Краснодарском крае // Сайт Краснодарстата. 2017 / [Электронный ресурс] - URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/ resources/8e2e790041ecbb0f8ef7fe27f9898572/%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80.htm (дата обращения: 02.08.2017).
19. Мясникова Т.А., Гетманцев К.В. Формирование волн миграции в Краснодарском крае в условиях трансформации миграционных потоков // Современная экономика: проблемы и решения. - Воронеж, 2016. - № 9 (81). - С. 151-152.
20. Распределение квот на РВП на 2017 год: квоты на получение разрешения на временное проживание в России // Сайт «МигрантМедиа.ру». 2017 / [Электронный ресурс] - URL: https://migrantmedia.ru/raspredelenie-kvot-na-rvp-na-2017-god-kvoty-na-poluchenie-razresheniya-na-vremennoe-prozhivanie-v-rf/ (дата обращения: 02.08.2017).
21. Беженцы из Донбасса предпочитают Краснодар и Сочи // Сайт «Голос Кубани». 2017 / [Электронный ресурс] - URL: https://golos-kubani.ru/bezhency-iz-donbassa-predpochitayut-krasnodar-i-sochi/ (дата обращения: 02.08.2017).
22. Справочная информация о ситуации по оказанию гуманитарной помощи гражданам Украины, прибывающим в Краснодарский край 20.03.2017 г. // Сайт администрации Краснодарского края. 2017 / [Электронный ресурс] - URL: http://admkrai.krasnodar.ru/content/21/show/68788/ (дата обращения: 02.08.2017).
23. Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях // Сайт Министерства юстиции РФ. 2017 / [Электронный ресурс] - URL: http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx (дата обращения: 02.08.2017).
24. Краснодарский краевой Центр национальных культур // Сайт Краснодарского краевого Центра национальных культур. 2017 / [Электронный ресурс] - URL: https://www.krasnodar.ru/content/339/show/31842/ (дата обращения: 02.08.2017).
25. В мире и согласии // Кубанские новости. - Краснодар, 2016. - № 174 (6138). - 2 нояб.

26. План работы Совета при главе администрации (губернаторе) Краснодарского края по развитию гражданского общества и правам человека на 2017 год // Сайт Совета при главе администрации (губернаторе) Краснодарского края по развитию гражданского общества и правам человека. 2017 / [Электронный ресурс] - URL: http://sovet-nko.ru/?p=2303 (дата обращения: 02.08.2017).
27. О Совете при главе администрации (губернаторе) Краснодарского края по межнациональным отношениям. Постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 10 сентября 2015 г. № 838 // Портал «Гарант». 2017 / [Электронный ресурс] - URL: http://www.garant.ru/hotlaw/krasnodar/653479/#ixzz4ogdEidYI (дата обращения: 02.08.2017).
28. Структура Общественной палаты Краснодарского края // Сайт Общественной палаты Краснодарского края / [Электронный ресурс] - URL: http://www.op-kk.ru/company/struc/ (дата обращения: 02.08.2017).
29. Доклад о состоянии гражданского общества в Краснодарском крае за 2016 год / рабоч. гр.: Л.В. Попова, А.А. Зайцев, А.А. Полиди и др. - Краснодар: Обществ. палата Краснодарского края, 2017. - 146 с.
30. Депутаты ЗСК выбрали 15 членов Общественной палаты Кубани // Сайт Общественной палаты Краснодарского края / [Электронный ресурс] - URL: http://www.op-kk.ru/info/news/deputaty-zsk-vybrali-15-chlenov-obshchestvennoy-palaty-kubani/?clear_cache=Y (дата обращения: 02.08.2017).
31. Триандофилова О. Важные вопросы надо решать сообща // Кубанские новости. - Краснодар, 2016. - 14 мая.
32. Щербакова А. Перемены нужны как воздух // Кубанские новости. - Краснодар, 2016. - 2 апр.
33. Левина В. Теперь важно оправдать доверие // Кубанские новости. - Краснодар, 2017. - № 77 (6247). - С. 5-6.
34. Долуда Н.А. В XX1 веке идеи казачества по-прежнему актуальны // Кубанские сти. - Краснодар, 2017. - 1 февр. - № 15 (6185). - С. 6-7.
35. Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях. Религиозные организации. Краснодарский край // Сайт Министерства юстиции РФ. 2017 / [Электронный ресурс] - URL: http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx (дата обращения: 02.08.2017).
36. Духовное управление мусульман Республики Адыгея и Краснодарского края. Деятельность // Сайт Духовного управления мусульман Республики Адыгея и Краснодарского края. 2017 / [Электронный ресурс] - URL: http://islam.maykop.ru/work/index.html (дата обращения: 02.08.2017).
37. Кравченко С. Мусульмане Сочи с открытием Исламского центра получили три комнаты для молебна // Сайт «Кавказский узел». 2017 / [Электронный ресурс] - URL: http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/303118/ (дата обращения: 02.08.2017).

REFERENCES

1. Hagurov T.A., Doncova G.G. Mezhetnicheskaya konfliktnost' i protestnye nastroeniya v molodezhnoi srede polietnichnogo regiona: opyt sociologicheskogo issledovaniya. [Interethnic conflicts and protest moods in the youth environment of a polyethnic region: the experience of sociological research]. Protivodeistvie ekstremizmu i terrorizmu: filosofskie, sociologicheskie i politologicheskie aspekty: materialy III Vseros. nauch.-prakt. konf. Krasnodar: Krasnodarskii universitet MVD Rossii, 2016. P. 34-43. (in Russian)
2. Doncova M.V. Konfliktogennye faktory razvitiya etnopoliticheskoi situaciiv Krasnodarskom krae i Respublike Adygeya. [Conflictogenic factors of the development of the ethnopolitical situation in the Krasnodar Territory and the Republic of Adygea]. Problemy nacional'noi bezopasnosti Rossii: uroki istorii i vyzovy sovremennosti. K 100-letiyu Velikoi russkoi revolyucii: Sbornik statei mezhdunar. nauch.-prosvet. konf., 26-30 maya 2017 g. Krasnodar: Tradiciya, 2017. P. 118-124. (in Russian)
3. Podlesnyi G.I. Sovremennoe ponimanie patriotizma zhitelyami Krasnodarskogo kraya v svete dannyh sociologicheskih issledovanii. [Modern understanding of patriotism by the inhabitants of the Krasnodar Territory in the light of the data of sociological research]. Duhovno-nravstvennye osnovy ideologii rossiiskoi gosudarstvennosti na sovremennom etape. Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., Krasnodar – Sochi, 13-15 marta 2017 g. Krasnodar: Izd-vo «Diapazon-V», 2017. P. 256-259. (in Russian)

4. Indeksy potrebitel'skih cen na tovary i uslugi po Krasnodarskomu krayu za 1998-2017 gody. [Consumer price indices for goods and services in the Krasnodar Territory for 1998-2017]. Sait Krasnodarstata. 2017. URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/243853004fa8bd75a5a0a7f73a3a624e/1998-2017_07.htm (accessed: 01.08.2017). (in Russian)
5. Denezhnye dohody naseleniyai ih ispol'zovanie. [Monetary incomes of the population and their use]. Sait Krasnodarstata. 2017. URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/45986a004aa565b0a776af4b782e6f0a/denez_doxod_06_2017_dk.htm (accessed: 01.08.2017). (in Russian)
6. Osnovnye social'no-ekonomicheskie pokazateli urovnya zhizni naseleniya. [Basic socio-economic indicators of living standards of the population]. Sait Krasnodarstata. 2017. URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/87c1da8048894df38d8bddf7eaa5adf2/osn_pokaz_uroveny_jizni_2016.htm (accessed: 01.08.2017). (in Russian)
7. Zarabotnaya plata. [Wage]. Sait Krasnodarstata. 2017. URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/0e76f90041ecbd1f8f68ff27f9898572/zpl.htm (accessed: 02.08.2017). (in Russian)
8. Osnovnye pokazateli differenciacii dohodov naseleniya v 2016 godu. [Basic indicators of differentiation of incomes of the population in 2016]. Sait Krasnodarstata. 2017. URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/ba735e804846727c8b7fafed3bc4492f/osn_pokaz_diffir_doxod_2016_dk.htm (accessed: 02.08.2017). (in Russian)
9. Srednemesyachnaya nominal'naya nachislennaya zarabotnaya plata. [Average monthly nominal accrued wages]. Sait Krasnodarstata. 2017. URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/8de3f58041ecbe0f8f8eff27f9898572/zp_rn.htm (accessed: 02.08.2017). (in Russian)
10. Dinamika chislennosti rabochei sily. [Labor force dynamics]. Sait Krasnodarstata. 2017. URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/e315d20041ecbb978f22ff27f9898572/zan0617.htm (accessed: 02.08.2017). (in Russian)
11. Gosudarstvennaya programma Krasnodarskogo kraya «Sodeistvie zanyatosti naseleniya». Utverzhdena postanovleniem glavy administracii (gubernatora) Krasnodarskogo kraya ot 16.11.2015 No 1036. [The state program of Krasnodar Region "Promotion of employment of the population". Approved by the resolution of the head of the administration (governor) of the Krasnodar Territory of 16.11.2015 № 1036].Oficial'nyi internet-portal pravovoi informacii. 2017. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd= 140066890&intelsearch=&firstDoc=1 (accessed: 01.08.2017). (in Russian)
12. Obshaya harakteristika vosproizvodstva naseleniya v krae. Sait Krasnodarstata. 2017. http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/08f07a8041ecb9d08eaafe27f9898572/%D0%B5%D0%B4%D0%BD.htm (accessed: 01.08.2017). (in Russian)
13. Nacional'nyi sostav naseleniya po sub'ektam Rossiiskoi Federacii. Perepis' 2010. [General characteristics of the population reproduction in the province]. Sait Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 g. 2017. www.perepis-2010.ru/ results_of_the_census/tab7.xls (accessed: 01.08.2017). (in Russian)
14. Itogi vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 g. [National composition of the population by subjects of the Russian Federation. Census 2010]. Moscow: Rosstat, 2013. Vol. 4. P. 20-71. (in Russian)
15. Obshie itogi migracii naseleniya v Krasnodarskom krae v 2016 godu. [General results of population migration in the Krasnodar Territory in 2016]. Sait Krasnodarstata. 2017. URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/ru/news/rss/28d4fe804029cf24ac90eec7692f4691 (accessed: 01.08.2017). (in Russian)
16. Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli – 2015 g. Koefficienty migracionnogo prirosta (na 10000 chelovek naseleniya. [Regions of Russia. Socio-economic indicators - 2015. Migration growth rates (per 10000 population]. Sait Gosstata. 2017. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_14p/Main.htm(accessed: 01.08.2017). (in Russian)
17. Obshie koefficienty migracionnogo prirosta naseleniya (na 10000 chelovek naseleniya). [General coefficients of migration growth (per 10000 population)]. Sait Krasnodarstata. 2017. URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/ resources/d9cfbe004886e79db01ef0f7eaa5adf2/Migraciya.htm (accessed: 15.05.2017). (in Russian)
18. Obshaya harakteristika migracionnoi situacii v Krasnodarskom krae. [General characteristics of the migration situation in the Krasnodar Territory]. Sait Krasnodarstata. 2017. URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/

8e2e790041ecbb0f8ef7fe27f9898572/%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80.htm (accessed: 02.08.2017). (in Russian)
19. Myasnikova T.A., Getmancev K.V. Formirovanie voln migracii v Krasnodarskom krae v usloviyah transformacii migracionnyh potokov. [Formation of waves of migration in the Krasnodar Territory in conditions of transformation of migration flows]. Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya. Voronezh, 2016. No 9 (81). P. 151-152. (in Russian)
20. Raspredelenie kvot na RVP na 2017 god: kvoty na poluchenie razresheniya na vremennoe prozhivanie v Rossii. [Distribution of quotas for RWP for 2017: quotas for obtaining a permit for temporary residence in Russia]. Sait «MigrantMedia.ru». 2017. URL: https://migrantmedia.ru/raspredelenie-kvot-na-rvp-na-2017-god-kvoty-na-poluchenie-razresheniya-na-vremennoe-prozhivanie-v-rf/ (accessed: 02.08.2017). (in Russian)
21. Bezhency iz Donbassa predpochitayut Krasnodar i Sochi. [Refugees from Donbass prefer Krasnodar and Sochi]. Sait «Golos Kubani». 2017. URL: https://golos-kubani.ru/bezhency-iz-donbassa-predpochitayut-krasnodar-i-sochi/ (accessed: 02.08.2017). (in Russian)
22. Spravochnaya informaciya o situacii po okazaniyu gumanitarnoi pomoshi grazhdanam Ukrainy, pribyvayushim v Krasnodarskii krai 20.03.2017 g. [Background information on the situation of humanitarian assistance to Ukrainian citizens arriving in the Krasnodar Territory 03/20/2017.]. Sait administracii Krasnodarskogo kraya. 2017. URL: http://admkrai.krasnodar.ru/content/21/show/68788/ (accessed: 02.08.2017). (in Russian)
23. Informaciya o zaregistrirovannyh nekommercheskih organizaciyah. [Information on registered non-commercial organizations]. Sait Ministerstva yusticii RF. 2017. URL: http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx (accessed: 02.08.2017). (in Russian)
24. Krasnodarskii kraevoi Centr nacional'nyh kul'tur. [Krasnodar Regional Center of National Cultures]. Sait Krasnodarskogo kraevogo Centra nacional'nyh kul'tur. 2017. URL: https://www.krasnodar.ru/content/339/show/31842/ (accessed: 02.08.2017). (in Russian)
25. V mire i soglasii. [In peace and harmony]. Kubanskie novosti. Krasnodar, 2016. No 174 (6138). 2 noyabr. (in Russian)
26. Plan raboty Soveta pri glave administracii (gubernatore) Krasnodarskogo kraya po razvitiyu grazhdanskogo obshestva i pravam cheloveka na 2017 god. [Work plan of the Council under the head of the Krasnodar Territory administration (governor) for the development of civil society and human rights for 2017]. Sait Soveta pri glave administracii (gubernatore) Krasnodarskogo kraya po razvitiyu grazhdanskogo obshestva i pravam cheloveka. 2017. URL: http://sovet-nko.ru/?p=2303 (accessed: 02.08.2017). (in Russian)
27. Sovete pri glave administracii (gubernatore) Krasnodarskogo kraya po mezhnacional'nym otnosheniyam. Postanovlenie glavy administracii (gubernatora) Krasnodarskogo kraya ot 10 sentyabrya 2015 g. No 838. [About the Council under the head of the administration (governor) of the Krasnodar Territory on interethnic relations. Resolution of the Head of Administration (Governor) of the Krasnodar Territory of September 10, 2015 No. 838]. Portal «Garant». 2017. URL: http://www.garant.ru/hotlaw/krasnodar/653479/#ixzz4ogdEidYI(accessed: 02.08.2017). (in Russian)
28. Struktura Obshestvennoi palaty Krasnodarskogo kraya. [Structure of the Public Chamber of Krasnodar Region]. Sait Obshestvennoi palaty Krasnodarskogo kraya. URL: http://www.op-kk.ru/company/struc/(data obrasheniya: 02.08.2017). (in Russian)
29. Doklad o sostoyanii grazhdanskogo obshestva v Krasnodarskom krae za 2016 god. [Report on the state of civil society in the Krasnodar Territory for 2016]. Raboch. gr.: L.V. Popova, A.A. Zaicev, A.A. Polidi i dr. Krasnodar: Obshestv. palata Krasnodarskogo kraya, 2017. 146 p. (in Russian)
30. Deputaty ZSK vybrali 15 chlenov Obshestvennoi palaty Kubani. [ZKK deputies elected 15 members of the Public Chamber of the Kuban]. Sait Obshestvennoi palaty Krasnodarskogo kraya. URL: http://www.op-kk.ru/info/news/deputaty-zsk-vybrali-15-chlenov-obshchestvennoy-palaty-kubani/?clear_cache=Y (accessed: 02.08.2017). (in Russian)
31. Triandofilova O. Vazhnye voprosy nado reshat' soobsha. [Important issues must be resolved jointly]. Kubanskie novosti. Krasnodar, 2016. 14 maya. (in Russian)
32. Sherbakova A. Peremeny nuzhny kak vozduh. [Change is needed as air]. Kubanskie novosti. Krasnodar, 2016. 2 apr. (in Russian)
33. Levina V. Teper' vazhno opravdat' doverie. [Now it is important to justify the trust]. Kubanskie novosti. Krasnodar, 2017. No 77 (6247). P. 5-6. (in Russian)
34. Doluda N.A. V XXI veke idei kazachestva po-prezhnemu aktual'ny. [In the XXI century the ideas of the Cossacks are still relevant]. Kubanskie novosti. Krasnodar, 2017. 1 fevr. No 15 (6185). Pp. 6-7. (in Russian)

35. Informaciya o zaregistrirovannyh nekommercheskih organizaciyah. Religioznye organizacii. Krasnodarskii krai. [Information about registered non-commercial organizations. Religious organizations. Krasnodar region]. Sait Ministerstva yusticii RF. 2017. URL: http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx (accessed: 02.08.2017). (in Russian)
36. Duhovnoe upravlenie musul'man Respubliki Adygeya i Krasnodarskogo kraya. Deyatel'nost'. [Spiritual Administration of Muslims of the Republic of Adygea and the Krasnodar Territory.]. Sait Duhovnogo upravleniya musul'man Respubliki Adygeya i Krasnodarskogo kraya. 2017. URL: http://islam.maykop.ru/work/index.html (accessed: 02.08.2017). (in Russian)
37. Kravchenko S. Musul'mane Sochi s otkrytiem Islamskogo centra poluchili tri komnaty dlya molebna. [Muslims of Sochi with the opening of the Islamic Center received three rooms for the prayer]. Sait «Kavkazskij uzel». 2017. URL: http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/303118/ (accessed: 02.08.2017). (in Russian)

Информация об авторе:

Баранов Андрей Владимирович, доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор, кафедра политологии и политического управления, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
baranovandrew@mail.ru

Получена: 02.08. 2017

Для цитирования: Баранов А.В. Межэтнические и межконфессиональные отношения в Краснодарском крае: взаимодействие общественных объединений. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 2. с.105-119.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-105-119.

Information about the author:

Andrew V. Baranov, Doctor of Political Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Political Science and Political Management Department, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
baranovandrew@mail.ru

Received: 02.08. 2017

For citation: Baranov A.V. Interethnic and interconfessional relations in Krasnodar region: interaction of public associations. Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 2. Pp. 105-119.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-105-119. (in Russian)

УДК 316 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-120-132

ВЕЛИКИЙ Петр Панфилович
Институт аграрных проблем РАН
г. Саратов, Россия
iagpran@mail.ru

ЗАИКИН Андрей Вениаминович
Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
г. Саратов, Россия
kafmng@piuis.ru

РОССИЙСКИЕ ПЧЕЛОВОДЫ: КОНТУР СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА

В статье рассматривается группа занятых пчеловодством. Показана специфика их труда, делового общения, социоролевых позиций с точки зрения экономической, технологической, этической и эстетической сторон их жизнедеятельности в социальной среде. Многочисленные нарративы, приведенные в статье, и категоризация их смыслов показывает, что в российской реальности происходят социоструктурные изменения, расширяются границы мобильности. Рассмотрена специфика делового общения пчеловодов в сельско-городском континууме, обозначены перспективы репродукции занятых пчеловодством. Поскольку оно отличается неравномерной трудовой нагрузкой, то заниматься им могут индивиды, имеющие помощников из числа членов семьи или других родственников или ставшие пенсионерами. Тонкости технологии обращения с пчелами, разумность организации их жизнедеятельности, наблюдаемые из года в год человеком-пчеловодом, наводят на философские обобщения смыслов порядка в человеческих сообществах. Информационная компетентность пчеловодов - еще одна сторона их социологического портрета. Только благодаря ее глубине и основательности человек попадает в ядро группы, признается профессионалом. Неопределенность и неустойчивость результатов, вызываемая погодными, организационными моментами и состоянием собственного здоровья для истинных пчеловодов не являются препятствием в продолжении данной увлекательной занятости. Специфика социально-ролевых позиций, занимаемых пчеловодами, дает основание считать, что это занятие - дело избранных, доступное далеко не каждому. Высокий статус пчеловодов закреплен и в общественном сознании, что объясняется широтой социально-ролевых функций, наличием у пчеловодов неких знаний, которые недоступны многим, но дают блага их обладателям. Рассмотрены некоторые вопросы институализации пчеловодства в стране, взаимоотношения занятых им со структурами власти. Показано отличие пчеловодства любительского от крупно-товарного. Первое, будучи более массовым, выполняет не только хозяйственную функцию, но не менее значимую - оздоровительную, что подтверждается высказыванием многих простых участников этой занятости.

Peter P. VELIKIY
Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences
Saratov, Russia
iagpran@mail.ru

Andrey V. ZAIKIN,
Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin - branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Saratov, Russia
kafmng@piuis.ru

RUSSIAN BEEKEEPERS: A CONTOUR OF SOCIOLOGICAL PORTRAIT

The paper addresses the group of those engaged in beekeeping. It shows the specifics of their work, business communication and socio-role positions from the standpoint of the economic, technological, ethical and aesthetical aspects of their life and activity in the social environment. Numerous narratives cited in the paper and the categorization of their meanings show that the Russian reality is undergoing social-structural changes, and the boundaries of mobility are expanding. We study the specifics of beekeepers' business communication in the rural-urban continuum and outline the prospects of reproduction of those engaged in beekeeping. Because of the uneven work load, beekeepers can be individuals who have assistants among the members of their families or other relatives or retired people. The subtleties of the technology of handling bees, the rationality of organizing their life and activity, observed by man from year to year, suggest philosophical generalizations of the meanings of order in human communities. The beekeepers' information competence is another side of their sociological portrait. It is only due to its depth and solidity that one gets into the core of the group and is recognized as a professional. The uncertainty and instability of the results caused by weather conditions, organizational drawbacks and the state of health is not an obstacle for going on with their fascinating activity for true beekeepers. The specifics of the socio-role positions held by beekeepers suggest that beekeeping is rather an occupation for the elect, not for everyone. The high status of beekeepers is also fixed in the public consciousness, which is due to the fact that the range of their socio-role functions is wide and because they possess some specific knowledge that many do not have and that provides benefits to its owners. The paper also addresses some aspects of institualization of beekeeping in the country, the relations between beekeepers and government authorities and shows the difference between amateur and large-commodity beekeeping. Being more mass, the former is not merely an economic activity, but it also fulfills the no-less-important recreational function, which is confirmed by many regular participants in this kind of employment.

Ключевые слова: пчеловоды, социально-ролевые позиции, технологии, самозанятость, смыслы, результаты занятости, профессионализм, мобильность

Keywords: beekeepers, social-role positions, technology, self-employment, meanings, employment results, professionalism, mobility

Благодарность. Статья опубликована при поддержке РФФИ, грантовый проект № 16-03-00084.

Acknowledgement. The article published with the support of the Russian Foundation for Basic Research, Grant Project No. 16-03-00084.

Россия - страна пчеловодства с древними уникальными традициями. В мифах, сказаниях, преданиях, сочинениях арабских и византийских авторов, посещавших русскую землю, отражены факты разведения пчел на Руси. Традиционное русское пчеловодство - это пчеловодство народное [1]. От собирательства и бортничества на начальном этапе, а от него к пчеловодству пасечному, домашнему - таковы важнейшие вехи пчеловодства, которое продолжается и в настоящее время, привлекая тысячи сельских жителей и горожан.

Чему способствовала смена социально-экономической основы сельского хозяйства, так это сокращению пространства традиционной аграрной занятости. Сегодня лишь небольшая часть трудоспособных жителей села востребована фермерами и корпоративно-долевыми хозяйствами, что стимулировало самостоятельный поиск ниш занятости, среди которых, помимо традиционного семейного хозяйства, ориентированного на растениеводство и мелкое животноводство, расширилась занятость в редких видах труда, в первую очередь в пчеловодстве. Государственные статистические органы учитывают только количество продуктов их труда, число же занятых неизвестно. Однако простой расчет, например, количества пчеловодов, приходящихся на 18,5 тыс. поселений сельской России (от 6 до 12 в крупном и 5-6 - в среднем селах), позволяет говорить о сотнях тысяч их в масштабе всей страны.

В их деятельности сочетаются такие профессиональные качества, как опора на знание, творчество, предпринимательская хватка. По социально-ролевому весу и престижу общественное сознание относит их к группе, нашедшей удачный канал обеспечения хорошей жизни.

Что ценится в этом занятии, кто его субъекты, каковы их статусы и социальное положение - эти и другие вопросы важны, чтобы описать особенности социологического портрета группы, претендующей на автономность и независимость по сравнению с другими группами. В такой проекции группа пчеловодов не изучалась социологическими методами. Ответить на эти вопросы и тем самым очертить хотя бы контур портрета можно, применяя количественные и качественные методы. Мы отдали предпочтение процедурам качественного метода, исходя из следующего соображения: количественные методы позволяют выявить состав элементов, входящих в выборку, а качественные - открывают возможность охарактеризовать каждый элемент со стороны его качеств. В нашем случае - социальных качеств индивидов, взявших на себя роль пчеловода.

Избыточная степень формализации, неизбежная в количественных исследованиях, приводит к тому, что массовые опросы оказываются поверхностными, и рост популярности качественных методов явился адекватной реакцией, направленной на устранение этого вида искажений [2].

Особенным инструментом здесь является интервью, целенаправленное обсуждение с респондентом разных случаев в его жизни, связанных с пчеловодством. «Интервьюирование - это ремесло, - пишет датский ученый Стейнар Квале, - которое гораздо ближе к искусству, чем к стандартизованным методам общественных наук» [3]. Понятно, что и язык социологов в этом случае оказывается близким всем участникам повседневных речевых взаимодействий, что не снижает ценности полученных текстов для дальнейшей интерпретации их в строгих социологических терминах [4].

Квале убедительно доказал, что количество интервьюированных не должно быть большим. В современных исследованиях с помощью интерью количество респондентов

обычно находится в пределах 15±10. Видимо, это количество объясняется удачным сочетанием времени и ресурсов, которые имеются в распоряжении, и действием *закона минимизации повторов* [3].

Одним из результатов качественного исследования являются нарративы, наиболее яркие высказывания респондентов, которые отработаны как типичные и помогают пролить свет на явления, не лежащие на поверхности. Кроме того, это некие вехи конструирования общего знания и развития его познавательного потенциала.

Человек, будучи по своей природе диалогичным, в ответы на вопрос социолога зачастую включает сюжеты, прямо не относящиеся к обсуждаемому случаю. Таких примеров можно найти немало и в нашей статье. Однако они имеют самостоятельную ценность, поскольку побуждают внимательного читателя самому дорисовать портрет пчеловода.

Общая характеристика пчеловодства

Пчеловодство как вид деятельности по своей природе имеет сходные черты со многими видами аграрного труда. Например, с животноводством, с птицеводством, с рыбоводством, со звероводством их связывает умение человека создавать благоприятные условия для развития представителей животного мира. Общим с растениеводством является умение определять доступность и масштаб произрастания медоносных растений, знание пчеловодом основ планирования севооборота растений и формирования доступной для пчел кормовой базы.

Профессионализм современного пчеловода отчасти базируется на промысловой основе такой деятельности, прежде всего на знаниях технологии извлечения из природы результатов жизнедеятельности представителей живого мира. Ведь и современный пчеловод с успехом ставит ловушки для пчел и принимает пчелиные рои, умеет собирать дикий мед от пчелиных семей, живущих в дикой природе.

Можно увидеть разброс степени вовлеченности в такую деятельность, от крупного товарного уровня, до мелкого любительского. Крупные профессиональные пасеки принципиально отличаются от приусадебных, чисто любительских хозяйств как по масштабу производства, так и по целевым установкам.

Философией профессиональной деятельности такого пчеловода становится перспектива устойчивого развития, возобновляемость производственных циклов на основе повышения эффективности производственного процесса, максимизации объемов производства. Стратегия сбыта строится с учетом сложности, изменчивости и степени неопределенности факторов рыночного воздействия, анализируются возможности и угрозы внешней среды, закладываются всевозможные риски.

Любительский подход нагружен большим числом духовно-практических составляющих получения продукции пчеловодства. Корни активности лежат не столько в поиске богатого медоносами участка и максимизации объемов производства, сколько в ценности взаимодействия с пчелиной семьей как с живым организмом.

Для любого пчеловода важным ориентиром его труда служит осознание созидательной основы взаимодействия «человек - природа». Формируя благоприятные условия для таких полезных насекомых, как пчелы, и видя, что пчелиная семья активно отзывается на такую заботу, он испытывает этические чувства и эстетическое наслаждение.

Пчеловод-любитель - это мастер дела по призванию. Основное отношение к занятию пчеловодством - это интерес (хобби), не зависимый от количества ульев и производимого меда, не связанный с чисто рациональными действиями. Это особый образ жизни, основанный на потребности познания таинств природы. Поэтому издревле на Руси к пасечникам относились с уважением. Они слыли лекарями, так как разбирались в целительных особенностях многих трав, опираясь на реакцию пчел на ожидаемые изменения окружающей среды, предсказывали погоду.

В настоящее время для многих пчеловодов одной из основных причин содержания пчел является рекреационная составляющая, как элемент психологической разгрузки. Экономическая выгода отходит на второй план и перестает быть главным побудительным мотивом. От общения с живыми существами, с природой происходит восстановление

сил человека, а труд для пчеловода в этом случае не ощущается как утомительный (особенно если пчеловод-любитель имеет не больше одного десятка ульев). Наоборот, такая деятельность дает возможность восстановить силы, сбросить усталость и воспринимается с позиции лечебного эффекта. *Пойду на пенсию, пчел заведу. Надо о здоровье будет думать* (мужчина 40-летнего возраста).

В народе всегда бытовало мнение, что занятие пчеловодством приносит человеку пользу и хорошее здоровье. И сегодня можно услышать - *пчеловоды и живут дольше, и меньше болеют.* Многие в пчеловодстве видят комплекс здорового образа жизни с элементами спорта, туризма, курортного отдыха. Современная наука с этим вполне согласна, так как накоплен значительный исследовательский материал по ядотерапии, фитотерапии, медотерапии, доказывающий положительную роль пчел в профилактике заболеваний и в лечении.

Работал я тогда на заводе сварщиком то в литейном цехе, то в кузнечном, то в гальваническом. Цехи горячие, работа тяжелая, но на пенсию здесь раньше уходят.

Однажды меня друг попросил помочь пчел перевезти. Всю ночь их таскали, потом перевозили. А утром я встаю, и не объяснить…, лес, весна кругом. Все распускается…, все в цветах... Рядом чистое озеро. Пчелы гудят и, главное, не кусаются, так как все в работе.

Друг тогда подарил мне один старый улей. И с тех пор, как время свободное, я на пасеку. Честно говорю, заразился, а больше, наверное, жена. Сейчас мы вместе и смотрим пчел, и откачиваем мед.

К сегодняшнему дню я уже больше 30 лет занимаюсь пчелами. Как пошел на пенсию, жена уговорила домик родительский в деревне восстановить. Живем почти все время в деревне. Хотя в городе квартира, мы с женой только на зиму туда уезжаем. С десяток ульев у меня всегда был, до пенсии развел 15 семей, а сейчас 23, если силы останутся и не буду болеть, можно еще штук 5 сделать (пчеловод с 30-летним стажем).

В 90-х годах одним из результатов экономических изменений в нашей стране явилось стремительное сокращение рабочих мест. Потеряв основную работу, многие городские пчеловоды-любители начинали переключаться на занятие пчеловодством в качестве основной трудовой занятости. Но такое переключение было возможно при достаточной подготовленности пчеловода. И кроме освоения профессиональных приемов, новые условия диктовали необходимость приобретения таких навыков, как: прогнозирование рисков; умение упорядочить и стабилизировать циклы основных бизнес-процессов в производстве, в снабжении, в сбыте; знания по основам формирования устойчивой клиентской базы и умения воздействовать на потребителя с помощью современных информационных технологий.

Новый рыночный порядок и изменение отношения государства к поддержке населения привели к тому, что в качестве одной из адаптационных стратегий горожан с 90-х годов стало активное освоение сельской инфраструктуры, использование наследуемого жилья, земельных участков. Одни восстанавливали заброшенные дедовские и родительские домики в деревне, другие покупали жилье в селе под дачи. Приобрести на окраине села удачно расположенный участок земли по бросовым ценам становится реальным вариантом создания базы личного пчеловодческого хозяйства. Реализация этой целевой установки даже становится неким препятствием к исчезновению мелких и средних деревень, поскольку жилые дома, весьма немногочисленные, окружены хорошими угодьями для медосбора и пчеловоды становятся хотя бы временными обитателями таких поселений.

Мой брат стоял со своей пасекой в заброшенной деревушке, где всего три жилых дома. В деревне есть электричество, можно было расположиться безвыездно на все лето с семьей (сыном и зятем). От города всего 30 км., а раздолье - рядом речка, за ней лес. Земля жирная, как масло, - плодородный чернозем. Медосбор отменный, так он со своими 50 ульями до 3-4 тонн меда брал за сезон (60-летний мужчина, родственник пчеловода).

Важным аспектом участия в коллективной летней кампании по медосбору является чувство сопричастности к общему делу. Большие расстояния, разбитые проселочные дороги и непогода, отсутствие мощной, проходимой техники зачастую делают посещения

летнего лагеря пасеки невозможным продолжительное время. Оторванность от «большой земли» формировала особый этос взаимоотношений в группе пчеловодов. В такой группе ценится внимание к возникающим общим проблемам и помощь товарищам в нужную минуту. Культивируется взаимовыручка. Не каждый способен выдержать проживание в оторванной от цивилизации местности в состоянии «добровольного Робинзона». Для этого требуется особый характер.

Я помню, был у нас в 70-х годах сторож - дядя Гриша. Крепкий старик, всю войну прошел, в танке горел. Так вот у него ульев было не больше десятка, а в последние годы у него вообще своих пчел не осталось. Да и не за медом он выезжал. Скучно ему было в городе, один жил. Всю зиму тосковал по пасечной кочевке, даже болел. Как только переезжали на медосбор, то он оживал, становился веселым. Помню, мы пчел поставили на хороший медосбор, но две недели не могли к нему пробиться из-за погоды, а когда приехали, дядя Гриша на месте, как ни в чем не бывало, присматривает за всей пасекой, и только и подсмеивается над нами (пчеловод с 35-летним стажем).

Тонкости технологий производства меда

Интуитивность вообще характерна для аграрного труда. Чувствовать природу - это внутреннее состояние крестьянина. Поэтому самым естественным и надежным способом постижения практики пчеловодства для сельского жителя считается освоение многочисленных деталей данной профессии посредством опыта и с раннего возраста. В детстве знания и навыки как бы вплетаются в естественность событий крестьянского труда. Пришла весна, нужно угадать время выставки пчел, не проморгать момент: рано выставишь - замерзнут, поздно - либо запреют, либо погибнет матка.

Сейчас информационное поле позволяет найти ответ на любой поставленный вопрос. В интернете можно пополнить знания как прикладного характера - описания собственного опыта пчеловодов, разбор различных ситуаций, так и чисто теоретических курсов по пчеловодству. Однако общие знания факторов, влияющих на эффективность медосбора, нельзя освоить одномоментно. Познавая технологию работы с пчелами, постепенно и последовательно изучается информация в смежных областях. Приобретаются знания: общей агротехники, культуры аграрного производства; технологии производства посевных медоносов; периодизации цветения дикорастущих медоносов (липы, клена, акации, дикой малины, смородины и др.); искусства дислокации пасеки.

Хотя величина будущего медосбора во многом зависит от погодных условий, опытный пчеловод старается сократить остальные риски и подстраховаться за счет учета множества других переменных, влияющих на продуктивность пасеки.

Во-первых, при производстве продукции пчеловодства необходимо знать протяженность от улья до ближайшего массива медоносов. Чем меньше расстояние, тем большее количество эффективных полетов с нектаром совершает пчела. При расчете охвата пасеки медоносами оптимальным считается расстояние до 2 км, а предельно максимальным расстоянием - 5 км. Чем больше расстояние, тем менее эффективный медосбор. Во время полета пчела съедает часть нектара для восполнения своего энергетического баланса, поэтому оптимальным будет нахождение пасеки непосредственно среди медоносов. Чем отдаленнее расположены отдельные массивы медоносов, тем чаще приходится кочевать для достижения максимальной эффективности медосбора. Таких кочевок может быть от одной до пяти. *Вот однажды у нас намечался взяток, и место хорошее, и посевы были - экспарцет, козлятник, по оврагам клевер. Ждали, ждали, а медосбор слабый. Тут ко мне знакомый пчеловод приехал. Раньше я его выручал, приглашал несколько лет подряд к себе на медосбор, когда его коллектив распался и он остался один. А тут он говорит, что у них донник посевной зацвел и привес идет уже три дня по 4 кг. Я в ночь собрал половину пасеки и перекинул на это поле в 30 километрах от нас. Оставил сына сторожить. Так на том поле пчелы удачно поработали - 40 кг на улей дали. А на старом месте так и остался слабый медосбор. Вот пойди угадай* (Пчеловод с 30-летним стажем).

Не менее важно благоприятное расположение пасеки на конкретной местности. Здесь должны учитываться как защищенность от ветра, так и открытость солнечному

свету, доступность источника воды. *Я еще молодой был. Многого не знал. Выехали мы однажды на развитие в лес. Места мало было, поляна небольшая. Начали обсуждать расстановку ульев на местности. А мне не терпелось занять лучшее место, и я попросил, чтобы поставить свои улья на удобном, как мне показалось, участке. Опытные пчеловоды с усмешкой сразу согласились. Я сначала не понял, чему они улыбались, и только потом все выяснилось. Все пчеловоды поставили ульи с учетом вылета пчел на восток и, как оказалось, очень разумно, так как с первыми лучами солнца пчелы начинали работать. Мои же сидели, так как были в глубокой тени, и только через два часа после восхода солнца свет доходил до моих ульев. Как результат такой работы - меда натаскали гораздо меньше. После этого случая я понял, что в пчеловодстве нужно учитывать тысячу мелочей, и при каждом удобном случае переспрашивал у бывалых пчеловодов, правильно ли я собираюсь сделать, и всегда получал полезный совет* (Пчеловод с 20-летним стажем).

Во-вторых, опытный пчеловод рассчитывает медопродуктивность растений, или количество нектара, которое способно выделять медоносное растение. Наиболее продуктивными в линейке медоносов являются: черноклен - около 1000 кг/га, акация лая - 900 кг/га), иван-чай - 500 кг/га, гречиха - 200 кг/га. *Место у нас идеальное было. Стояла пасека под липами вековыми. Рядом по склону иван-чай ковром рос, за оврагом у ельника синяк, по низинам донник белый и желтый, а в лесу малины дикой - не пролезешь. Рай да и только!* (пчеловод с 40-летним стажем).

Не менее важен учет медоносности культур и, соответственно, меры концентрации пчелиных семей на 1 га площади. Например, в средней полосе России 1 га липовых деревьев выделяет до 1 тонны нектара за две недели, что является самым высоким показателем продуктивности в единицу времени и площади.

В-третьих, необходимо знать суточную продуктивность пасеки. Если среднесуточный объем меда во время основного медосбора низок, то предстоит поиск нового места, подходящего для медосбора. Для фиксирования реальной возможности доставки нектара в улей за один день, отбирается средняя пчелосемья и на весах ежедневно фиксируется суточная продуктивность (привес). Вечернее взвешивание показывает, сколько семья принесла нектара за день, при утреннем принесенный за день нектар уменьшают на 200-300 граммов меда на улей, съеденного пчелами за ночь.

В-четвертых, угрозу представляет наличие болезней, распространенных в российском пчеловодстве, в частности заболевание варроатозом. Отсюда необходимость интервальной обработки пасеки, что требует дополнительных затрат времени и сил весной и осенью, но пренебрежение этими (и не только) мерами снижает продуктивность пчел и ведет к их гибели.

Таким образом, каждый пчеловод уже на стадии подготовки и планирования производства меда делает множество расчетов, основанных как на опыте, так и научных рекомендациях, причем с учетом круга необходимых операций на целый год. За год необходима выбраковка некоторых семей из-за болезни, отсутствия перспектив в развитии матки, когда она становится трутовкой (сеет только личинки трутней). В период зимовки величина потери может достигать 30% от общего количества. Восстановление утраченного происходит в течение всего года (за счет отводков, покупки пчелопакетов, роев), в результате полноценную пчелосемью удается получить только на следующий год. Поэтому пчеловоды пользуются показателями средней плановой производительности по пасеке (с учетом утраченных и восстанавливающихся пчелосемей) и фактической производительности, то есть реального участия пчелосемей в товарном медосборе.

При выборе породы пчел учитывается множество факторов: способность зимовать в суровых условиях средней полосы России, максимальная продуктивность, устойчивость к болезням, склонность к роению, реакция на погодные условия, приемлемость комплекса рабочих качеств, персонально соответствующих ожиданиям конкретного пчеловода. *Они же чувствуют, как я работаю с ними до седьмого пота.* Вокруг пчеловодства сложился и самовоспроизводится эталон доброты и нравственности. *Вот почему русаков называют злыми? Я всегда среднерусскую породу пчел держал. Они, конечно, продуктивные. Во время взятка русские пчелы самые трудолюбивые, больше всех приносят меда. Но им*

нужны идеальные условия. Если погода плохая, особенно когда ветер сильный, резко захолодает, перепады давления, ненастье какое, они не будут работать. Но зимуют исключительно, порода действительно серьезная, к ней подход знать надо. Нужно думать, как они (Пчеловод с 40-летним стажем). Порода среднерусских пчел действительно отличается высокой возбудимостью на внешние раздражители. *Раньше держал только среднерусских пчел. Да со временем перевел всех, перешел на миролюбивую местную помесную породу, потому что соседи жаловались. Спасу нет. Осенью прохода не дают. Реагируют на любой шум, движение, сразу нападают. А так среднерусская порода самая лучшая по зимовке, да и по медосбору.*

Оценкам пчелиных пород присущ «человекосоразмерный» колорит. Пчеловод может сказать о карпатской породе пчел: - *Вот карпатка не любит нашу зиму. Не выдерживает суровых условий, ее нужно особенно готовить к зимовке, но зато самая миролюбивая. Я их без маски и дымаря смотрю.* Или о кавказской породе: - *Кавказцы - молодцы. Хорошо поработали за сезон. Наверное, я еще закажу чистопородных кавказских маток.*

Об отдельных семьях пчел можно услышать сравнение с людьми: - *Эта семья испорченная - воровка была, на поле не летала, соседей грабила, меда у нее больше всех было. Так и у нас многие в поселке так и норовят стянуть что плохо лежит.*

*Зачем я буду обижать малышей (*про слабые семьи пчел, отводки*), их надо подкормить, да и усилить молодой пчелой. Дам по паре рам крытого расплода. Основной медосбор все равно уже закончился* (Пчеловод с 35-летним стажем).

Длительность общения с пчелами, попытка разобраться в их работе приводит к восхищению иерархической структурой и организацией отдельных процессов в пчелиной семье, что порой переносится на оценки поступков односельчан, распределение полномочий в семье, отношения с друзьями и родственниками.

Например, оценивая возрастные группы людей и их роль в современном обществе, старый пчеловод рассуждает: - *Вот рождается молодая пчела, так она в первой части своей жизни выполняет самую черную работу: убирает улей, строит соты, повзрослев, сама начинает кормить молодую пчелу. Потом уже переводится в разряд рабочей пчелы и основные силы отдает работе - мед таскает. А уж к старости становится солдатом, охраняет улей. Она готова погибнуть за семью. Так и у людей испокон веков было. Детей учили в семье. Их заставляли посильно трудиться, старшие дети следили за младшими. Повзрослев, все начинали самоотверженно работать, а к старости отправлялись надзирать за внуками, учили их и опекали. Сейчас все изменилось. Посмотришь, взрослые бросают детей. Дети забывают стариков.*

Действия власти всех уровней также часто обсуждается через призму системного устройства пчелиной семьи. *Матка сеет яйца одинаковые, но в разные ячейки - одни большие, другие поменьше. Корм разный и время кормления разное, и вот получаются разные личинки. Из одних появляются трутни, из других - пчелы, из третьих - матки. Теперь смотри: ты думаешь почему нас власть не хочет понимать? Да потому, что кормится по-другому, нежели народ* (Пчеловод 60-летнего возраста).

Особенности крупнотоварного пчеловодства

Рациональность, рыночная ориентированность, конкурентоспособность, экономическая эффективность являются обязательными при организации и управлении крупнотоварного производства продукции пчеловодства. Визуальные наблюдения, беседы с пчеловодами различного масштаба деятельности позволяют утверждать, что при организации крупного товарного производства количество пчелосемей, обслуживаемых одним пчеловодом, может быть в пределах 100-120 ульев. При этом необходимо учитывать ресурсы наемных работников (помощник пчеловода при осмотре пчел, работы при погрузке и складированию, при откачке меда и его фасовке, при реализации меда).

Каждый пчеловод с годами, как правило, наращивает свою клиентскую базу. Однако чаще всего она складывается стихийно, без детального анализа клиентской среды. При крупном товарном производстве обязательно учитываются многие бизнес-процессы и такие компоненты, как масштабы запроса на продукцию, технологическая возможность

производства, времени начала и продолжительность производства и реализации продукции.

Многие процессы в таком производстве механизированы и автоматизированы. Для откачки меда используется уже не ручная медогонка, а автоматизированная с программным управлением, что в десятки раз повышает производительность труда. Такая медогонка может стоить от 300-500 тыс. руб. и выше, расходы, не доступные мелкотоварному производителю. Другими средствами, повышающими производительность труда в пчеловодстве, являются: электрические воскотопки, платформы для перевозки пчел с модулями проживания и передвижными рабочими площадками, линии по расфасовки меда.

О перспективах развития производственной базы пчеловодства можно судить по образцам, которые есть в практиках такого типа пчеловода: автоматизированное оборудование для откачки меда (150 тыс. руб.); для переработки перги используется автоматизированное оборудование (500 тыс. руб.); электрическое оборудование для вытапливания воска; приспособления для сбора пыльцы, специальный жилой прицеп-модуль со всем необходимым для автономного проживания, четыре прицепа для перевозки пчел. Современные технологии позволяют сократить издержки производства в целом, а также добиться сокращения времени на вспомогательных работах, что особенно важно в моменты, когда требуется все внимание уделять производству меда.

В структуре дохода основной вклад вносит реализация меда. По оценке самого производителя, это около 60%, последние 4-5 лет возрос вклад от реализации перги - 10-15% дохода. Остальные 25-30% - это вклад от реализации второстепенного продукта жизнедеятельности пчелосемьи: прополиса (сырье, спиртовой настой, водяная вытяжка), воска (изготовление свечей), сбора чистой пыльцы. Пробуется запуск на рынок медовухи собственного изготовления. Новым сопутствующим направлением деятельности является сбор целебных трав (много заказов потребителей на популярный сегодня иван-чай).

Все операции по производству и реализации продукции проводятся исключительно самостоятельно. Летом, в разгар сезона на фасовку продукции привлекаются знакомые женщины из соседних сел. Работа кропотливая и требующая поддержания высокого санитарного уровня. Также на время перевозки нанимаются в качестве грузчиков знакомые и родственники пчеловода, водители со своим транспортом, который должен обладать повышенной проходимостью. В период полевых работ использование вездеходов и тракторов осложнено их высокой степенью загруженности, и поэтому требуется особый подход к обладающим таким транспортом. Кроме того, обладателями крупнотоварного пчеловодства необходимо конкурировать с крупхозами и семейными хозяйствами за первоочередность использования в весенне-летний период.

Самоорганизация пчеловодов и способы постижения искусства пчеловодства

Стабильность деятельности отдельного пчеловода чаще всего зависит от возможности успешного входа в группу опытных пчеловодов и «укоренения» в ней. Такая неформально созданная группа влияет на успех отдельного пчеловода в достижении более высоких индивидуальных результатов.

Группы пчеловодов, функционируя на протяжении десятков лет, демонстрируют устойчивость своего положения, переходя в разряд высокоэффективных команд. Чаще всего они организуются на семейно-дружеской основе. Групповые роли распределяются согласно основным функциональным задачам, в годовом круге забот пчеловода чаще всего требуются роли лидера, «решалы», специалиста-эксперта, ученика-работника, хранителя традиций.

Выставляя коллективную пасеку на постоянное место, лидер группы решает, кто может в нее войти, а кто нет. От него, например, зависит наем сторожа и выбытие из группы. Безусловно исключаются из группы лица за воровство (маток, меда, роев), за нарушение этики поведения, принятой в группе. Лидер назначает очередность дежурств и ответственных за пасеку в период его отсутствия. Кроме того, все остальные пчеловоды должны помогать старшему в поиске наилучшего места медосбора и договариваться с местной властью о размещении пасеки на владениях конкретного сельскохозяйственно-

го предприятия. Пчеловоды-лидеры имеют большой вес в местном профессиональном сообществе, многие из них прошли долгий путь, начав в юном возрасте учеником, до профессиональной деятельности. Они часто выступают на собраниях общества пчеловодов, делятся опытом с новичками.

Авторитетные лидеры поддерживают духовную культуру профессиональной группы, что делает неформальную организацию более устойчивой, рождает корпоративный дух. Трансляция лучших образцов поведения формирует смыслы начинающих пчеловодов.

Как правило, костяк команды чрезвычайно устойчив и переход из одной команды в другую расценивается как проявление недобросовестности уходящего из группы либо как конфликт с лидером. Скомпрометировавший себя член команды неохотно принимается в другие группы пчеловодов. Однако разделение группы происходит и по объективным основаниям. Основной причиной деления такой группы пчеловодов может быть критический рост количества членов самой группы или числа пчелосемей, что влияет на мобильность перемещения на места нового медосбора.

Во время колхозной реальности в группу пчеловодов иногда принимали людей, нужных для коллектива. Но всегда такое вхождение было кратковременным (только на один или несколько сезонов), для размещения пчелосемей. Как только зависимость от этого человека заканчивалась, ему отказывали в участии в совместной деятельности и как бы исключали из артели, мягко намекая на нежелательность его присутствия.

Профессиональный этос пчеловодства, сформированный в советские годы, и сегодня влияет на ценностные ориентиры, особенности поведения. Также как и тогда, пчеловод должен постараться многолетним трудом заслужить полноправное членство в коллективе. Благоприятное вхождение в состав такой профессиональной группы обеспечивалось организаторской способностью, психологической совместимостью, умением принимать сложные решения и брать на себя ответственность в непростых ситуациях. Зарекомендовавший себя с лучшей стороны индивид уже после того, как исчезала возможность приносить дополнительную пользу, пользовался всеми привилегиями полноправного члена коллектива. Обычно это был водитель со своим транспортом, агроном с возможностью удобного посева, руководитель сельхозпредприятия, разрешающий расположиться в удобном месте, предприимчивый человек, готовый оперативно найти грузчиков и организовать погрузку пчелосемей, организовать сбыт меда, специалист-ветеринар, знающий болезни пчел.

Необходимо отметить, что, несмотря на относительную стабильность командного ядра, состоящего из явного лидера и его последователей, в группе происходит постоянная ротация членов группы. Причина может быть естественного характера: смерть, болезнь члена группы, другая более привлекательная работа, переезд в другую местность, социальные конфликты. Как правило, окончательное количество участников профессиональной группы пчеловодов утверждается после согласования весной (конец та - начало апреля) таких ключевых вопросов, как распределение времени дежурства на пасеке либо поиск сторожа на весь сезон медосборов, его оплата, доставка продуктов питания и др.

Взаимоотношения с представителями сельского сообщества

Пчеловод всегда являлся значимым субъектом взаимоотношений с сельским сообществом, интегрированным в социальные, хозяйственные отношения села. *А почему не дать в долг меда. У нее дочка болеет всю зиму, так она уже третий раз приходит. Да отдаст она деньги. Прошлую зиму брала и отдала, а не отдаст - и шут с ним, мне что - килограмма меда жалко?* Обращаются сельские жители и за советом по лечению травами. *Что это такое? Даже не знают, что такое зверобой и иван-чай, календула. А я их всегда кладу в чай для заварки. И соседке такой чай нравится. Надо выкопать и посадить у себя на огороде. Я знаю, где он за оврагом растет, но ноги уже не те, тяжело ходить.*

Специфика работы с пчелами вызывает необходимость осваивать знания не только по технологии производства меда, но и знакомиться с информацией по оздоровительному и профилактическому эффекту различных растений, что создает репутацию человека, сведущего в лечебном деле. *Спина у матери болела, встать не могла. Я ей говорю: давай пчелок посажу Спина прошла. И до этого был случай: старенькая женщина не вставала, не могла спину разогнуть. Опять помогли пчелы. Через две недели она встала* (Пчеловод с 30-летним стажем).

Пчеловоды-любители бескорыстно охраняют технику сельскохозяйственных предприятий во время полевых работ. *Деревенские нередко обращаются с просьбой охраны техники во время полевых работ: ну там уборочной или посевной, да и сенокосов. А чего? Как гнать домой комбайн ночью за 15 км по оврагам? Неудобно. Спрашивает агроном: «Мои ребята оставят у тебя технику на пасеке, посторожишь?», а мне жалко что ли?* (Пчеловод с 15 летним стажем).

Таким образом, индивиды, будь то жители села или города, по-различному приходят к занятости пчеловодством. У одного этот путь начинался в детстве, другой обнаружил, что имеет такое пристрастие в зрелом возрасте, случайно столкнувшись с пчеловодством. Все они упорно трудятся, несмотря на препятствия, чего не скажешь о тех людях, кто мотивирован исключительно экономическими выгодами. Они, как правило, выбывают из среды пчеловодов.

Можно сделать вывод, что пчеловодство - занятие для *избранных*, тех, кто придает первостепенное значение *творчеству и наличию элементов своеобразной игры* в трудовом процессе, которыми насыщено это занятие.

Факторы, влияющие на снижение активности и прекращение деятельности в сфере пчеловодства

Многие жители деревни осознают выгоду от занятия пчеловодством. Эксперты отмечают, что, имея пасеку в 40-50 ульев, можно добиться приемлемого уровня благосостояния крестьянской семьи. По их оценке, с такого количества пчелиных семей можно получать до 3 тонн меда, оптовая продажа которого обеспечивает по 30-40 тыс. руб. заработка в месяц (в течение года). Однако желающих переходить на занятие пчеловодством и рассматривать такую занятость как основную в современном селе пока не много.

*В нашей деревне, кроме нас, есть еще два-три пчеловода очень маленького масштаба. В основном б**о**льшая половина деревни держит скотину, основное количество мужчин уезжают на заработки в другие города* (Глава муниципального образования).

Среди основных факторов, мешающих завести пчел и развить свою пасеку до уровня товарного производства, можно выделить несколько.

Во-первых, многие не могут преодолеть психологический барьер - постоянные укусы пчел. Кто-то не переносит укусы пчел из-за физиологической несовместимости, сильной аллергии.

Во-вторых, слишком долгие, почти полугодовые отлучки пчеловодов из локала проживания к месту медосбора оцениваются сельскими жителями как жизнь отшельников, вдали от цивилизации. *При ройке пчел или медосборе мы с отцом по неделям не выезжаем с пасеки… при этом кочевка пасеки на места основных медосборов бывает на расстоянии около 50 км от дома. Немаловажно и отсутствие нормированного рабочего дня. Мы можем позволить себе выходной в любой день. Подумаете вы. Но не тут-то было* (Пчеловод с 15-летним стажем).

В-третьих, сбыт меда также сложен. Успех пчеловода зависит от умения вовремя реализовывать свою продукцию в течение года, до начала следующего медоносного цикла.

В-четвертых, путь становления пчеловода от ученика до мастера слишком долог (могут уйти десятилетия).

По мнению опрошенных крестьян, встроенность в систему сельского хозяйства советского типа отучила большинство сельских жителей от организаторской инициативы. Интенсивный, с предельным напряжением усилий труд для крестьянина более понятен. Невозможность массового трудоустройства селян в местах проживания вынудила их переключиться на понятную и привычную работу водителя, тракториста, бульдозериста, сварщика в пространстве трудового отходничества в областных городах, столичном регионе, на Крайнем Севере.

В городе ты смену отработал - и отдыхай в цивилизованных условиях, а с пчелами весь на нервах и думай о них днем и ночью в какой-нибудь глуши. А заработок? Так мы всегда 30-40 тысяч в месяц заработаем, правда, это происходит не каждый месяц, а если есть работа. Пчеловоды, конечно, могут больше получать, это верно, но тоже есть риск. Если неурожайный год? Все лето дожди, как этот, или засуха, как в прошлом году, за лето один дождь, то заработок минимальный (Рабочий завода 40-летнего возраста).

В заключение отметим, что группа пчеловодов смыслами и результатами своей жизнедеятельности демонстрирует целый ряд новаций, происходящих в сельской реальности. Среди них мобильность, нетипичная для других групп сельских жителей. Трудно назвать, кто бы сравнялся с ними по перемещению в территориальном пространстве, вхождению в социальные сети, использованию средств коммуникации и информации. Другим их социальным качеством является поддержание этоса взаимопомощи, присущей народной культуре, что особенно важно, поскольку современные аграрные технологии оставляют все меньше пространства для проявления самостоятельности и творческой инициативы работника. Социально-ролевые позиции пчеловодов в сельском сообществе также высоки, так как они демонстрируют дружелюбие и щедрость. К социальной значимости этой группы следует отнести распространение экологически чистого продукта через сети «доверительного общения» родственников и друзей в сельско-городском континууме, что снижает ущерб от распространения контрафактного, фальшивого меда.

Среди неразрешенных проблем пчеловодства, на которые обратили внимание респонденты, называлось отсутствие должной помощи государства. Исторически пчеловодство входило в разные уклады общественно организованного хозяйства: присутствовало оно и в помещичьих усадьбах, было ведущим занятием части крестьян. Особенно четко оно было институализировано в советское время.

Пчеловодство рассматривалось как отрасль, дающая не только свой продукт, но и как ресурс повышения урожайности сельскохозяйственных растений. Помимо управленческих органов в сельских районах областей, были сформированы учебные заведения по подготовке специалистов пчеловодства, опытные станции, деятельность которых координировалась Научно-исследовательскими институтами пчеловодства. Часть данной инфраструктуры действует и при наступлении рыночного порядка, скорректировавшего многие принципы взаимоотношений и связей субъектов пчеловодства. Хотя сохранился научно-исследовательский институт пчеловодства, имеются кафедры этого предмета в ряде вузов, но в целом занятость пчелами перешла в режим «свободного плавания». Некоторые методические функции стал выполнять институт ассоциативного типа организации - союз пчеловодов. Государство, кроме учета произведенного меда и продуктов на его основе, никакой иной роли не выполняет. В Минсельхозпроде Российской Федерации, как и в регионах, нет подразделений, которые курировали бы эту отрасль. Исчезли опытные станции, подразделений по подготовке пчеловодов в сельских районах также нет.

Сами пчеловоды по своему статусу, кроме бизнесменов, ориентированных на данную занятость как основную (которых очень мало), не вписываются ни в какую организационно-правовую форму, созданную рыночной экономикой. Ближе всего они к самозанятым, если признать ключевым такое их качество, как *самостоятельность и независимость* деятельности. Никто не помогает им ни в приобретении пчел и оборудования, ни в перемещении к местам медосбора, ни в сбыте продукта. Все это они делают сами, как правило, не порывая с другой работой - на сельскохозяйственном предприятии, локали-

зованном в селе, месте жительства, или вообще нигде не работая (пенсионеры). Но это не та самозанятость, которая подпадает под существующее законодательство, предусматривающее, что должен присутствовать момент вознаграждения за свой личный труд непосредственно *от заказчика*. Но у пчеловода нет заказчика, с которым заключаются соглашения в соответствии с нормами гражданского кодекса.

* * *

В настоящее время возможность заниматься пчеловодством на своем приусадебном участке и наличие права на безналоговую реализацию меда закреплено законодательно: ФЗ № 112 ст. 4 «О личном приусадебном хозяйстве» и НК РФ ст.217 п.13, по которым продукция пчеловодства (представляющая одну из отраслей животноводства), произведенная *в личном подсобном хозяйстве*, не подлежит налогообложению на доходы физических лиц. В настоящее время активно обсуждается внедрение патентной системы регламентации предпринимательства, к которому относят многие виды сельскохозяйственной деятельность, включая и пчеловодство. Платеж за патент предполагает разовую предварительную оплату процента от суммы предполагаемого годового дохода. Вместе с тем пчеловодство - одна из наименее прогнозируемых сфер деятельности, в которой угадать объем будущей продукции весьма затруднительно. Поэтому такая форма налогообложения для пчеловодов наименее предпочтительна. Хотя ныне не предусмотрено приобретение патента на пчеловодческую деятельность и нет иной формы налогообложения, пчеловоды несут известные расходы в пространстве своего функционирования. Пчеловоды должны оформлять свою деятельность как ЛПХ и для реализации меда получать в ветеринарной станции паспорт пасеки, ветеринарное свидетельство на мед. Взаимодействие с ветеринарами, хозяевами мест продажи меда, переезды на большие расстояния, даже членство в обществе пчеловодов - все это требует немалых денег. Тем не менее пчеловодство развивается, привлекая немало сельских жителей и горожан.

Отличается пчеловодческая деятельность и от ИП. Ключевое различие сводится к следующему: пчеловоды (исключая крупные бизнес-структуры) не используют наемный труд, но прибегают к эпизодической помощи других, как правило, близких лиц. Такое взаимовыгодное сотрудничество происходит на принципах обмена (дар - отдар).

В то же время в наследовании пчеловодческой деятельности много препятствий. Некоторые молодые люди, столкнувшись с многочисленными сложностями (не пошло; сначала хорошо было, потом, после гибели пчел, оставляют это занятие; слишком много забот и др.), отступаются. Молодежь ориентируется на равномерное распределение усилий в трудовом процессе по всему годовому циклу производственного процесса, между тем для пчеловодства характерно авральное напряжение усилий в работе. Отсутствие навыков сбытовой активности, приобретаемой с годами, не дает быстрого дохода и порой ведет к разочарованию своим выбором.

На выбор собственной пчеловодческой деятельности влияет неустойчивость жизненных планов молодой семьи. Переезд в город с его возможностями жизнеустройства, особенно детей, является желаемой альтернативой проживанию в селе.

Все эти проблемы обусловливают особенности воспроизводства группы пчеловодов. Реальное включение человека в пчеловодство начинается по мере приближения его к пенсии. Поскольку доля пенсионеров не уменьшается, а только возрастает, то человеческие ресурсы для пчеловодческой деятельности будут воспроизводиться и впредь. Однако такую перспективу вряд ли можно признать позитивной. Хотя для старшей возрастной группы занятие с пчелами - благо, фактор поддержания здоровья и настроения, но возраст является и ограничителем масштаба деятельности.

Затронутые в статье вопросы не исчерпывают проблем жизнедеятельности группы эксклюзивного типа и не дают полноты их социологического портрета. Однако заданные рамки ограничения, сосредоточение на выявлении того, какую позицию занимает человек к явлениям, прямо или косвенно относящимся к пчеловодству, - необходимый первоначальный шаг в конструировании социологического образа его участников. Дальнейшее

уточнение черт этого портрета, безусловно, потребует более «строгого» измерения ном и ценностей участников исследования в зависимости от социально-демографических, профессиональных, статусных и других признаков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Власова И.В. Русские хозяйственные традиции и современность / Сельский мир. Альманах. Энциклопедия Российских деревень. Вып. I. - М., 1994. - С. 126-139.
2. Белановкий С.А. Метод фокус-групп. - М.: Никколо-Медиа, 2001. - С. 249.
3. Квале С. Исследовательское интервью. - М.: Смысл, 2003. - С. 89, 107.
4. Подвойский Д.Г. Язык социологии: многоголосие или какофония? // Новые идеи в социологии: монография / отв. ред. Ж.Т. Тощенко. - М.: ЮНИНА-ДАНА, 2013. - С. 67-78.

REFERENCES

1. Vlasova I.V. Russkie hozjajstvennye tradicii i sovremennost'. [Russian Economic Traditions and Modernity]. Rural World. Almanac. Encyclopedia of Russian Villages. Issue 1, Moscow, 1994. Pp. 126-139. (in Russian)
2. Belanovskiy S.A. Metod fokus-grupp. [Focus-Group Method]. Moscow: Nikkolo-Media, 2001. P. 249. (in Russian)
3. Kvale S. Issledovatel'skoe interv'ju. [Research Interview]. Moscow: Sense, 2003. Pp. 89, 107. (in Russian)
4. Podvoiskiy D.G. Jazyk sociologii: mnogogolosie ili kakofonija? [The Language of Sociology: Polyphony or Cacophony?]. New Ideas in Sociology: Monograph. Ed. Zh.T. Toschenko. Moscow: UNINA-DANA, 2013. Pp. 67-78. (in Russian)

Информация об авторах:

Великий Петр Панфилович, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт аграрных проблем РАН,
г. Саратов, Россия
iagpran@mail.ru

Заикин Андрей Вениаминович, кандидат социологических наук, доцент, кафедра менеджмента организации, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Саратов, Россия
kafmng@piuis.ru

Information about the authors:

Peter P. Velikiy, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences,
Saratov, Russia
iagpran@mail.ru

Andrey V. Zaikin, Associate Professor, Department of Organization Management, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin - branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Saratov, Russia
kafmng@piuis.ru

Получена: 07.08.2017

Для цитирования: Великий П.П., Заикин А.В. Российские пчеловоды: контур социологического портрета. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 2. с.120-132.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-120-132.

Received: 07.08.2017

For citation: Velikiy P.P., Zaikin A.V. Russian beekeepers: a contour of sociological portrait. Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 2. Pp. 120-132.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-120-132. (in Russian)

УДК 316

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-133-140

ВЕРЕЩАГИНА Анна Владимировна
Институт социологии и регионоведения
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия
anrietta25@mail.ru

КОВАЛЕВ Виталий Владимирович
Институт социологии и регионоведения
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия
vitkovalev@yandex.ru

САМЫГИН Сергей Иванович
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
г. Ростов-на-Дону, Россия
samygin78_@yandex.ru

РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ТРАНСФОРМАЦИИ НЕПОЛНОЙ СЕМЬИ (НА ПРИМЕРЕ СЕМЕЙ ОДИНОКИХ МАТЕРЕЙ)

В данной статье предпринимается попытка установить значение экономического фактора для трансформации неполных семей в российском социуме. Акцент делается на социальных возможностях экономического обеспечения женщинами материальных потребностей семьи независимо от мужчин, а также на реально сложившихся социальных практиках в реализации данной возможности. Авторами подробно анализируются причины образования неполных семей, влияние на них экономического фактора, соотношение экономических процессов, воздействующих на социальный институт семьи, с иными факторами социокультурного порядка. В качестве последнего аспекта специально подчеркиваются особенности традиционной роли женщины в российских семьях, согласно которой отечественная модель семьи изначально имела во многих отношениях тип взаимодействия, в центре которого находилась именно мать, а не отец, что было типично для европейской модели семьи. Также анализу подвергаются современные экономические возможности женщины, выступающей в роли единственного родителя в семье с несовершеннолетними детьми. Особое внимание уделено соотношению объективных и субъективных факторов, оказывающих влияние на выбор современной российской женщиной определенных моделей экономического поведения, как во внутрисемейных отношениях, так и за их пределами. Кроме того, в статье дается оценка и объясняются разные возможности полной и неполной семьи с точки зрения тех социальных условий, которые продуцируются современным российским социумом. В результате исследования авторы приходят в выводу, что прочного экономического базиса у неполных семей по-прежнему нет. Он создается либо приоритетно мужчиной, либо совместно женщиной и мужчиной и лишь иногда приоритетно женщиной. Развод ослабляет экономические ресурсы семьи, а государство либо дистанцируется от помощи, либо оказывает ее в недостаточном объеме.

Anna V. VERESHCHAGINA
Institute of Sociology and Regional Studies
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
anrietta25@mail.ru

Vitaliy V. KOVALEV
Institute of Sociology and Regional Studies
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
vitkovalev@yandex.ru

Sergei I. SAMYGIN
Rostov State Economic University (RINE)
Rostov-on-Don, Russia
samygin78_@yandex.ru

THE ROLE OF THE ECONOMIC FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF SINGLE-PARENT FAMILIES (ON EXAMPLE OF FAMILIES WITH SINGLE MOTHERS)

This article attempts to set the value of the economic factor for the transformation of single-parent families in the Russian society. The emphasis is on the social possibilities of economic support women material needs of the family, regardless men as well as on existing social practices in the implementation of this option. The authors analyzed the reasons for the formation of single-parent families, the impact on them of the economic factor, the ratio of the economic processes affecting the social institution of the family with other factors of social and cultural order. As the last aspect highlights the features of the traditional role of women in Russian families, according to which the domestic family model originally had in many respects the type of interaction, the center of which was the mother, not the father, which was typical of the European model of the family. Also are analyzed the contemporary women's economic opportunities, advocating in the role of a single parent family with minor children. Special attention is paid to the correlation of objective and subjective factors influencing the choice of modern Russian woman certain models of economic behavior, as in family relations and beyond. In addition, the article assesses and explains the different possibilities of complete and incomplete families from the point of view of those social conditions that are produced by modern Russian society. The study the authors come to the conclusion that a strong economic basis from single-parent families are still there. It is created or the priority of men or jointly by women and men and sometimes woman a priority. Divorce weakens the economic resources of the family, and the state or not denies assistance or render it insufficient. Therefore, the economic independence of women from men is mainly manifested in relationships outside the family.

Поэтому экономическая самостоятельность женщины от мужчины в основном проявляется во внесемейных отношениях.

Ключевые слова: семья, неполная семья, одинокое материнство, развод, внебрачная рождаемость, экономическая независимость, социальная помощь

Keywords: family, single-parent family, single motherhood, divorce, births outside marriage, economic independence, social assistance

Еще не так давно общественная мораль с предосуждением относилась к неполным семьям. Само их появление связывалось в основном с моральной распущенностью, так как рождение детей вне брака, а также развод как еще один источник роста неполных семей по мере либерализации семейного законодательства обществом порицались. В силу этого данное явление в социальной жизни было малораспространенным и больше было предметом этики, нежели социологии. Между тем резкое увеличение количества разводов в 70-е годы, что было типично не только для стран Запада, но и для России (СССР), заставило многих людей изменить свой взгляд на неполную семью. В самом деле, как свидетельствуют данные Федеральной службы государственной статистики, численность неполных семей в 2016 г. составила 6.423 тыс. Данное количество в процентном соотношении - примерно 30% от числа всех семей в Российской Федерации [12]. Эти же тенденции можно увидеть на примере других стран, где неполные семьи занимают весьма существенное место, определяя трансформационные особенности института семьи. На Украине количество неполных семей достигло отметки 27,5% [8]. Результат вполне сопоставим с российским. В ряде стран Запада численные показатели матерей и отцов, воспитывающих детей по раздельности, еще более высоки. Так, в США количество неполных семей уже почти 35%, в Финляндии и Великобритании фактически достигло отметки 40%. Наибольшие показатели в странах Скандинавии. Мы можем указать на Швецию, где в последние десятилетия наблюдался устойчивый рост числа неполных семей, достигших к 2008 г. отметки 54% [13]. В основном прирост наблюдается из-за распространения внебрачной рождаемости. Даже такой традиционный фактор, как развод, в западных странах уступает рождению вне брака свое прежнее лидерство.

Столь резкий рост за несколько десятилетий числа неполных семей заставляет поднять вопрос о том, является ли данная форма семьи нормальной с точки зрения соответствия ее тем задачам и функциям, которые мы традиционно связываем с семьей, либо это общественная патология, отражающая часть системного кризиса института семьи?

Мы полагаем, что ответ на этот вопрос не может быть однозначным, и в предлагаемой к рассмотрению статье постараемся привести соответствующие обоснования.

В первую очередь, мы исходим из того, что появление неполных семей не является следствием планомерной реализации чьей-то злой воли, как это нередко утверждают сторонники конспирологических теорий, делая акцент на наличии некоего заговора со стороны крупных финансово-промышленных структур по активизации вовлечения женщин в систему потребления, что предполагает превращение их из домохозяек в самостоятельные экономические единицы. Эту теорию нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Следовательно, ей не место на страницах научного издания. Тем более, что есть более понятные причины, которые также можно согласовать с экономическим базисом, определяющим природу отношений в семье, в том числе семьей неполной.

В данной статье мы не ставим перед собой задачу проанализировать все системные причины, влияющие на появление и оказывающие воздействие на особенности функционирования неполной семьи. Ограничимся лишь тем, что заявлено в заглавии работы, то есть экономическим фактором.

По нашему мнению, одной из наиболее главных причин, влияющих на распространение числа неполных семей, выступает появление в современном социуме условий для экономической самостоятельности женщины. Собственно, если сделать небольшое уточнение, отталкиваясь от устоявшейся терминологии, сам патриархат, с которым связывают наличие больших семей с тотальным доминированием старшего отца, руководящего жизнью нескольких семейных поколений, был возможен при экономической зависимости женщины от мужчины [1]. Все прочее: ценности, ролевые модели, традиции, соци-

альные стереотипы, особенности нормативно-правовой системы - надстраивалось над тем, что именно мужчина был монопольным субъектом по распределению экономических благ и владельцем хозяйственных ресурсов. Подобного рода практика в тех или иных формах существовала во всех обществах, в том числе российском. Кстати, любопытно, что создатель теории матриархата Генри Морган [11] выдвинул утверждение о наличии особого периода в истории человечества, когда женщины доминировали в семейных отношениях, руководствуясь тем, что в эпоху неолитической революции, особенно на начальных ее стадиях, именно женщины впервые осуществили переход от присваивающего к производящему типу хозяйствования, то есть земледелию и скотоводству, в то время как мужчины длительное время по инерции занимались охотой и рыболовством. Со временем «сильный пол» также осознал все преимущества новых форм хозяйствования и, поскольку был сильным, вытеснил женщин из этих сфер в более привычную для них и на тот момент функционально более необходимую для общества - сферу семейного быта. Эта сфера в истории российской семьи отличалась своей спецификой, своими традициями материнства и материнской семьи, имеющими глубокие социокультурные основания и укладывающимися в понятие модели русской семьи. Эта модель складывалась на основе трех составляющих: культурной модели общества, религиозной модели и правовой модели. Основной чертой русской культурной модели, которая являлась основой семейной модели, являлось «семейное родство» и «острое чувство человеческого гнезда», «инстинкт родства», что отличало сильно западную модель семьи от русской в эпоху господства традиционного общества [15, с. 156]. Материнство и семья выступали важными чертами русской культурной модели, что в совокупности с другими особенностями, среди которых: менее жесткая, чем на Западе, регламентация мужских и женских ролей с элементами солидарности в распределении разного рода семейно-бытовых работ; наличие свободных семейных союзов, не оформленных официально, как в крестьянской среде, так и в среде интеллигенции; возможность развода, хоть и осложненная различными процедурами; раздельное имущество супругов; большое значение ценности любви и духовности в системе семейных отношений, позволяет сделать вывод о том, что русский патриархат не совсем укладывается в рамки классического патриархата, который отличал систему организации семейно-брачных отношений на Западе.

Можно предположить, что культ матери и материнства в русской культуре, а также особый тип патриархальных отношений в структуре семейно-брачных отношений тесно связаны с православием, наиболее характерными элементами ценностной системы которого являются аффективные ценности: любовь, милосердие, смирение, сострадание, раскаяние. Эти ценности определяются Н. Бердяевым как женские ценности, которые характеризуют и национальный темперамент, и менталитет общества [15, с. 160], а также в ходе эволюции русской семьи оформляют материнство в основную категорию религиозной символики русского народа, а следовательно, и его культурной и семейной модели, в которой сложился определенный баланс женской и мужской символики, женственности и мужественности, в то время как на Западе доминировала символика отцовства.

Таким образом, ретроспективный анализ формирования русской модели семьи показывает, что она развивалась в русле специфической модели неоклассического патриархата, в основе которого присутствовало сильное переплетение символики женского и мужского с определяющим культом материнства, который был перенесен затем и в семейную модель советского общества. Так, если обратиться к ряду Конституций 1936, 1944 и 1977 гг., принятых в СССР, то можно обнаружить тот факт, что в них особо подчеркивалась и закреплялась роль матери в контексте ее воспроизводственной и воспитательной функций, в результате чего в советском обществе происходило дальнейшее укрепление семьи материнского типа.

В современной российской реальности, характеризующейся высокой динамикой разводов и роста неполных семей, материнская сущность семьи закрепилась в еще большей степени, что соответствует институциональной природе российской семьи, в основе которой всегда был культ матери. Параллельно этому процессу - на фоне институционализации неполной семьи как самостоятельного и распространенного актора семейных и,

в целом, общественных отношений - получает развитие другой процесс, связанный с трансформацией культуры отцовства, во многом принимающей характер деградации. Этому способствует также логика развития нормативно-правового законодательства в области семейно-брачных отношений, не ориентированная на становление и воспроизводство культуры отцовства в семейной сфере российского общества.

Появление и распространение на институциональной арене семейных отношений российского общества неполных семей значительно изменило социокультурный мир семьи, который все более и более удаляется от универсальных схем восприятия семейных ролей и функций, гендерных отношений, структуры семьи, ее ценности и значимости в жизни отдельного человека и общества в целом, а, следовательно, становится все менее и менее «знакомым», понятным. Что из этого следует?

Совершенно очевидно, что общество, погруженное в свои повседневные и глобальные проблемы, мало задумывающееся о последствиях трансформации сферы семейно-брачных отношений, но находящееся в жесткой детерминационной зависимости от динамики семейных ценностей и отношений, ожидает эпоха серьезных перемен. Эти перемены продиктованы изменяющейся ролью женщины в семье и в обществе, изменением самой женщины, ее внутренней картины мира, в которой, во многом благодаря именно экономическим факторам, становление женской, материнской и уж тем более социальной субъектности далеко не всегда связывается с мужчиной. Мужское перестало носить для современной женщины характер субстанционального, сущностного, без чего ранее женский жизненный мир как гармоничный и полноценный был немыслим. Перемены, вызванные становлением «женщины независимой», начались далеко не вчера, но динамика эволюции системы семейных и гендерных отношений поступательно нарастает, и первые робкие шаги феминизма давно сменились громкой поступью самодостаточных современных женщин, уверенно чувствующих себя в пока еще мужском мире.

Что же произошло? Что стало предвестником перемен в наше время? Прежде всего и именно то, что женщины получили возможность быть экономически независимыми от мужчин. Здесь мы сделаем одно существенное уточнение. Мы не утверждаем, что эта независимость уже существует. Мы говорим лишь о возможности и тенденциях. Они основаны на совокупности объективных и субъективных факторов, каждый из которых, при изменении предмета исследования, был бы достоин отдельного анализа [2].

К объективным факторам следует отнести в первую очередь юридическое уравнивание женщин с мужчинами в правах, автоматизацию домашнего быта, появление механизмов контроля рождаемости, развитие сети дошкольных образовательных учреждений, свободную продажу детских молочных смесей. Отдельно следует упомянуть о промышленном буме последних десятилетий и многоукладном расширении сферы услуг, что в совокупности обусловило нехватку мужских рабочих рук для эффективного поддержания деятельности экономической сферы общества.

Перечисленные объективные факторы позволяют современной женщине не посвящать всю свою жизнь семье, предоставляют ей возможность найти свободное время для «выхода» в социум для удовлетворения своих индивидуальных потребностей. Такой «выход» зависит уже от избранных ею ценностей и во многом субъективен, как субъективна жизненная траектория любого человека. Она строится под воздействием субъективных факторов: выбор профессии, готовность к той или иной степени интенсивности труда, получение образования, намерение иметь детей (и их количество) или отказ от них, отношение к воспитанию детей и т.п. [3].

Совокупность перечисленных субъективных факторов, их особенности в значительной степени обусловливают степень экономической независимости женщины от мужчины. Чем более качественное образование у женщины, чем меньше она планирует детей (или отказывается вовсе от них), чем интенсивнее ее труд вне дома, а воспитание детей, напротив, по остаточному принципу, тем, как правило, больше степень экономической независимости женщины от мужчины. Нередко это приводит к возникновению «двойных бюджетов», факт появления которых уже не шокирует обывателя, а иногда и

вовсе к экономическому доминированию женщины, следствием чего становится перераспределение основного объема семейных обязанностей в сторону мужчины.

В указанных социальных условиях развод или внебрачная рождаемость не становятся для женщины жизненным крахом, катастрофой, потерей основных ориентиров. Так, по данным Федеральной службы государственной статистики только в 2016 г. было зарегистрировано 608 336 разводов [7]. Это, кстати, самый низкий показатель за период времени с 1990 г. Объясняются приведенные цифры тем, что практически все женщины в современной России (включая находящихся в декретном отпуске) входят в сегмент экономически активного населения. Так, в соответствии с переписью 2010 г. лишь 4,6% населения могут быть причислены к категории «сознательно неработающих», куда следует включать не только женщин, но и мужчин, отказавшихся от трудовой деятельности из-за наличия иных источников дохода [4]. Поэтому факт развода не оставляет женщину без источника существования. Тем более что дополнительно к заработку по основному месту работы существуют алиментные обязательства, которые также способны обеспечить некоторые экономические потребности семьи.

Итак, современные российские женщины не только трудятся, но и могут выбирать различные жизненные стратегии, обеспечивающие им оптимальное с их точки зрения сочетание семейного и профессионального участия. И здесь возникает вопрос: а насколько продуктивным для эффективной реализации социальных функций семьи становится выбор женщины в пользу неполной семьи (читай: развода или внебрачного рождения)? Еще раз подчеркнем, нас интересует только экономический фактор, способность семьи жить и существовать на основе твердого и достаточного для обеспечения необходимых потребностей экономического базиса [6].

В науке сейчас идет, хотя и не слишком интенсивная, дискуссия относительно материального положения одиноких матерей. Есть авторы, которые склонны утверждать, что оно не очень сильно уступает полным семьям [5, с. 67]. В ряде современных исследований, реализованных, однако, до того, как санкционная война спровоцирована новый экономический кризис, говорится о выравнивании, хотя и не до конца, материальных возможностей полных и неполных семей [14]. И все же большая часть специалистов склонна к драматизации в своих оценках экономических возможностей одиноких матерей [10, с. 54]. В итоге это ведет к утверждению в науке и общественном сознании установки на то, что одинокая мать не в состоянии эффективно обеспечить экономическую основу для реализации социальных функций семьи.

В теории данный вывод приводит к тому, что практически все исследователи, специализирующиеся по нашей проблематике, заявляют о необходимости усилить социальную помощь семьям, в которых воспитателем детей является одинокая мать. В создании социально ответственного государства видится единственный выход в решении материальных проблем одинокого материнства. Между тем реальная практика такова. Государство признает одинокими матерями только тех, кто родил ребенка вне брака. Именно им оказывается соответствующая помощь. В финансовом эквиваленте она невелика и едва ли может способствовать преодолению экономических трудностей. Что же касается одиноких матерей, ставших таковыми вследствие развода, то российское государство одинокими их и вовсе не считает. Они получают алименты от своих бывших мужей, которые не прекращают своего статуса отца по отношению к детям. Следовательно, эти матери как бы не вполне одиноки. То есть являются одинокими женщинами, но не одинокими матерями.

Мы считаем, что эти юридические премудрости едва ли могут ввести в заблуждение общественность. Экономические трудности одиноких матерей, невзирая на разные источники образования неполных семей, по сути своей являются универсальными. Единообразным основанием выступает совмещение роли воспитателя и добытчика, что в полных семьях имеет разделение посредством функциональной акцентуации одного из родителей. Кроме того, в семьях с двумя родителями существует практика ролевой взаимозаменяемости. Всего этого, чрезвычайно важного для обеспечения семьи экономическими ресурсами, одинокие матери лишены. Стоит ли удивляться тому, что, как свидетель-

ствуют социологические исследования, от 80 до 90 % из них стремится к повторному (или первому) замужеству [9, с. 17]. Более того, мы даже склонны утверждать, что в российской социальной практике неполная семья является фантомной формой, которую на продолжительное время трудно зафиксировать в устойчивом субъектном составе. Объясняется это тем, что в результате разводов «высвобождается» достаточно большое количество мужчин, не способных к самостоятельному существования из-за неумения (нежелания) обеспечивать себе бытовые условия для жизни. Иными словами, мужчины, хотя и не по экономическим, а по другим причинам, так же как и женщины, стремятся к повторному браку. Отсюда неполная семья в любой момент может стать полной и, соответственно, наоборот.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что современные социальные трансформации обеспечили лишь формальную видимость для экономической независимости женщины от мужчины. Реальная же практика такова, что у женщин много лишь поводов для развода, но нет причин, если под последними иметь в виду материальный базис для семейной жизни. Он по-прежнему создается либо приоритетно мужчиной, либо совместно женщиной и мужчиной и лишь иногда главным образом женщиной. Развод ослабляет экономические ресурсы семьи, а государство либо дистанцируется от помощи, либо оказывает ее в недостаточном объеме.

Сегодня российское государство с большой долей условности можно назвать социальным, если оценивать его социальную политику и отношение к таким первостепенным явлениям, как детство, материнство, старость, и надо понимать, что эта государственная позиция не является случайной и временной, а выражает устойчивый курс на дистанцирование от социальных «микропроблем» в угоду решению макрозадач международного масштаба. В этой связи можно с уверенностью констатировать, что семья в России и дальше будет демонстрировать собственную логику нерегулируемого извне (со стороны атомизированного и индивидуализированного общества, а также государственных органов и структур) развития, в которой естественным для такой ситуации образом сформированный порядок семейных отношений будет являться следствием выбора семьей самой успешной с точки зрения адаптивности траектории развития. Какой будет эта траектория и каким станет российское общество в результате адаптационных стратегий, выбираемых семьей в пространстве нерегулируемого хаоса семейных ценностей и отношений, - вот те вопросы, ответы на которые пока невозможны, кроме как на уровне гипотетически заданных тенденций. Но ставить их надо, ибо поставленный вопрос есть интенция к поиску ответа на него.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Борисов В.А. Демография. - М.: NOTABENE, 2001.
2. Вишневский А.Г. Эволюция российской семьи // Экология и жизнь. - 2008. - № 8.
3. Волков А.Г. Эволюция российской семьи в XX веке // Мир России. - 1999. - № 4.
4. Вот какие мы - россияне. Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Российская газета. Федеральный выпуск. - 2011. - 22 декабря. - № 5660.
5. Гурко Т.А. Родительство: социологические аспекты. - М.: Институт социологии РАН, 2003.
6. Дементьева И.Ф. Факторы риска современного детства // Социологические исследования. - 2011. - № 10.
7. Демография / [Электронный ресурс] - URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
8. Курило И., Слюсар Л., Стешенко В. В 60% случаев разводов страдают дети // скоп. - 2007. - № 285-286.
9. Левая Н.А. Институт неполной (материнской) семьи: исследование потенциала социальной неустойчивости / Автореф. дис. ... канд. социол. наук. - Ростов-на-Дону, 2015.

10. Левая Н.А. Социальный статус одиноких матерей в российском обществе // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. - 2013. - № 5. - С. 54.
11. Морган Л.Г. Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. - Л.: Институт народов Севера ЦИК СССР, 1935.
12. Семья, материнство, детство: официальный сайт Федеральной службы государственной статистики / [Электронный ресурс] - URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat
13. Статистика.ru / [Электронный ресурс] - URL: http://statistika.ru/naselen/2007/11/24/naselen_9363.html
14. Чурилова Е.В. Состав и благосостояние неполных семей в России // Социологические исследования. - 2015. - № 3.
15. Шанталь Курильски-Ожвен. Русская культурная модель и эволюция нормативного регулирования семьи // Общественные науки и современность. - 1995. - № 5.

REFERENCES

1. Borisov V.A. Demografia. M.: NOTABENE, 2001. (in Russian)
2. Vishnevskiy A.G. Evolucia rossiyskoy semyi. [Evolution of the family in Russia]. Ekologia i zhizn = Ecology and life. 2008. №8. . (in Russian)
3. Volkov A.G. Evolucia rossiyskoy semyi v XX veke. [Evolution of the Russian family in the XX century]. Mir Rossii = World of Russia. 1999. №4. . (in Russian)
4. Vot kakie my - rossiyane. Ob itogah Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda. [That's what we - the Russians. Results of the national population census 2010]. Rossiyskay gazeta = Russian newspaper. 2011. 22 dec. № 5660. . (in Russian)
5. Gurko T.A. Roditelstvo: sociologicheskie aspecty. [Parenthood: sociological aspects]. Moscow: Institut sociologii RAN = Institute of sociology RAS, 2003. . (in Russian)
6. Demografiya. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
7. Dementyiva I.F. Faktory riska sovremennogo detstva. [Risk factors of contemporary childhood]. Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research. 2011. № 10. . (in Russian)
8. Kurilo I., Slusar L., Steshenko V. V 60% sluchaev razvodov stradaut deti. [In 60% of cases of divorce affects children]. Demoskop = Demoscope. 2007. № 285-286. . (in Russian)
9. Levaya N.A. Institut nepolnoy (materinskoy) semyi: issledovanie potenciala socialnoy neustoychivosti [Institute part-time (maternity) family: a study of potential social instability]. Avtoreferat na soiskanie stepeni kandidata sociologicheskih nauk = Author's abstract on competition of degree of candidate of sociological Sciences. Rostov-on-Don, 2015. . (in Russian)
10. Levaya N.A. Socialniy status odinokih materey v rossiyskom obshestve. [Social status of single mothers in the Russian society]. Obrazovanie. Nauka. Innovacii: Yuzhnoe izmerenie = Education. Science. Innovation: Southern Dimension. 2013. № 5. . (in Russian)
11. Morgan L.G. Drevnee obshestvo, ili issledovanei liniy chelovecheskogo progressa ot dicosti cherez varvarstvo k civilizacii. [Ancient society, or the Study of the lines of human progress from savagery through barbarism to civilization]. Leningrad: Institut narodov Severa CIK SSSR, 1935. . (in Russian)
12. Semya, materinstvo, detstvo: oficialniy sayit Federalnoy sluzhby gosudarstvennoy statistiki. [Family, motherhood and childhood: the official site of Federal state statistics service]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat
13. Statistika.ru. URL: http://statistika.ru/naselen/2007/11/24/naselen_9363.html
14. Churilova E.V. Sostav i blagosostoyanie nepolnyh semey v Rossii. [Structure and well-being of single-parent families in Russia]. Sociologicheskie issledovaniya = Sociological researches. 2015. № 3. . (in Russian)
15. Shantal Kurilski-Ozhven. Russkaya kulturnaya model i evolucia nogmativnogo regulirovania semyi. [Russian cultural model and the evolution of regulatory families]. Obshestvennye nayki i sovremennost = Social Sciences and modernity. 1995. № 5. . (in Russian)

Информация об авторах:

Верещагина Анна Владимировна, доктор социологических наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия
anrietta25@mail.ru

Ковалев Виталий Владимирович, доктор социологических наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия
vitkovalev@yandex.ru

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, кафедра управления персоналом и социологии, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия
samygin78_@yandex.ru

Получена: 21.07.2017

Для цитирования: Верещагина А. В., Ковалев В.В., Самыгин С. И. Роль экономического фактора в трансформации неполной семьи (на примере семей одиноких матерей). Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 2. с.133-140.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-133-140.

Information about the authors:

Anna V. Vereshchagina, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology for Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
anrietta25@mail.ru

Vitaliy V. Kovalev, Doctor of Sociological Sciences, Professor,Department of Theoretical Sociology and Methodology for Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
vitkovalev@yandex.ru

Sergei I. Samygin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Human Resource Management and Sociology, Rostov State Economic University (RINE),
Rostov-on-Don, Russia
samygin78_@yandex.ru

Received: : 21.07.2017

For citation: Vereshchagina A.V., Kovalev V.V., Samygin S.I. The role of the economic factor in the transformation of single-parent families (on example of families with single mothers). Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 2. Pp. 133-140.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-133-140. (in Russian)

УДК 316. 1/6.165

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-141-146

ГАЗИЗОВ Раиль Робертович
Институт права, Башкирский государственный университет
г. Уфа, Россия
rael888@mail.ru

Rail R. GAZIZOV
Institute of Law, Bashkir State University
Ufa, Russia
rael888@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В статье исследуется информация как элемент структуры правовой реальности. Информация предстает как единство материального и идеального, объективного и субъективного в правовой реальности. На основе диалектического подхода информация анализируется в контексте взаимодействия социума, системного мира, правовой и повседневной реальности. Информация есть неотъемлемая часть жизненного мира общественного субъекта, которая опосредована правом. В силу того, что право и его атрибуты непосредственно связаны с системным миром информации, правовая реальность предстает частью системного мира информации и информационной культуры. При этом информационная культура человека проявляется в его информационном капитале как способности понимать другого и прогнозировать, оценивать последствия своих действий. Информационный капитал сопряжен с ростом рационального освоения мира с экзистенциальными возможностями вернуть человека в мир бытия, где искусственное и естественное должны наиболее полным образом развернуться. Когда человек оказывается перед властью информации, то его мировоззренческая программа деятельности как бы зависает перед «потенцией», возможностью бытия. Вся теоретическая и мировоззренческая программа деятельности человека как бы останавливается перед сферой экзистенциального. Автор делает вывод о том, что информация как структурный элемент правовой реальности связана с экзистенциальным направлением обоснования свободы человека в сложном мире духовных и материальных сущностей. Информация не хочет растворяться ни в социуме, ни в объективном мире. Она, по сути дела, есть сама свобода человеческой воли, направленная на возрастание морального, духовного капитала. Но сущность информации состоит все же в ограничении свободы индивида, и в этой своей ипостаси информация, как глобальная проблема современности, позволяет сделать сам анализ человеческой истории наполненным исследованием ее культурных, экономических доминант. В статье дан анализ информации как структурного элемента правовой реальности. Это способствует моральному течению мысли. Но только сама идея «свободы» не должна обобщаться чрезмерно.

INFORMATION AS A STRUCTURAL ELEMENT OF LEGAL REALITY

The article studies information as an element of the structure of legal reality. Information appears as a unity of the material and ideal, objective and subjective in the legal reality. On the basis of the dialectical approach, information is analyzed in the context of interaction between society, the system world, legal and everyday reality. Information is an integral part of the life world of a social subject, which is mediated by law. Due to the fact that the law and its attributes are directly connected with the system world of information, legal reality appears as part of the systemic world of information and information culture. At the same time, the information culture of a person manifests itself in its information capital as the ability to understand the other and to predict and evaluate the consequences of their actions. Information capital is associated with the growth of rational development of the world with existential opportunities to return a person to the world of being, where the artificial and natural must most fully unfold. When a person finds himself in front of the power of information, his worldview program of activity hangs, as it were, before the "potency", the possibility of being. The entire theoretical and philosophical program of human activity, as it were, stops before the sphere of the existential. The author concludes that information, as a structural element of legal reality, is connected with the existential direction of substantiating human freedom in the complex world of spiritual and material essences. Information does not want to dissolve neither in society, nor in the objective world. It, in fact, is the very freedom of the human will, aimed at increasing moral, spiritual capital. But the essence of information is still in restricting the freedom of the individual and in this aspect of it, information, as a global problem of our time, allows us to make the analysis of human history itself a filled study of its cultural, economic dominants. The article analyzes information as a structural element of legal reality. This contributes to the moral flow of thought. But only the very idea of "freedom" should not be generalized excessively.

Ключевые слова: информация, правовая реальность, «жизненный мир» общественного субъекта, его правовое пространство и время, либеральное течение мысли, средство массовой информации, проблема соотношения мышления и бытия, системный мир информации, информационный капитал, информационная культура, правовое сознание, способность понимать и прогнозировать

Keywords: information, legal reality, "life world" of social subject, its legal space and time, liberal current of thought, media, problem of correlation of thinking and being, systemic world of information, information capital, information culture, legal consciousness, ability to understand and predict

В настоящее время внимание исследователей права и информации обращено на экзистенциальную и феноменологическую природу информации, информационной культуры. В самих слоях бытия права оказывается задействованной информация, информационный капитал и информационная культура. Информация в праве выполняет регулятивную функцию. Информация есть некая знающая воля и в этой своей ипостаси помогает функционировать правосознанию. Последнее «умеет всегда разобраться в том, где начинается и где кончается право и где возникает произвол» [1, с. 166].

Правосознание немыслимо без информации, которую человек приобретает о внешнем мире и о самом себе в ходе практической, общественно-исторической деятельности. Поэтому целью настоящего исследования является анализ информации в правовом ключе. Необходимо рассмотреть информацию как структурный элемент правовой реальности, выявить экзистенциальную сущность информации, которая есть не одно лишь сообщение, а часть человеческого понимания как неотъемлемой характеристики экзистенциального мира и правового в том числе, поскольку последний является фундаментом духовности человека и общества.

Правовая реальность, да и любая иная реальность, есть «нечто большее, чем она сама» [2, с. 24]. Г.В.Ф. Гегель, говоря о понятии «реальность», специально подчеркивает, что если мы говорим о духе только как о «духе», то перед нами возникает лишь пустое представление. Дух «должен обладать реальностью, наличным бытием, должен быть для себя объективным, предметным» [3, с. 399-400]. Для другого человека, коллектива, общества «я существую в моем теле, я как свободный существую в вещах, которыми я владею. Для другого я свободен только в наличном бытии, наличное бытие есть одновременно бытие для другого, в этой объективности, в которой я есть предмет, я - одновременно и для другого» [4, с. 400]. Человеческая свобода может оказаться ущемленной лишь в реальности и «ущемляется реально, поскольку затрагивается наличное бытие свободы» [5, с. 400]. В Гражданском обществе сама реальность предстает как нечто внешнее людям. Однако задача культуры и образования состоит в том, чтобы сделать реальность, включая и правовую, принадлежностью мира свободы. Так, Ю. Хабермас, анализируя реальность как «жизненный мир» человека, рассматривает объективный мир (материальная и целерациональная реальность), субъективный мир (мир чувств, намерений человека), социальный мир (мир норм и оценок) [6, с. 157]. Находясь в ситуациях объективного и субъективного миров, человек ищет основания для разумного выбора. При этом такой выбор обусловлен зачастую растущим значением информации в жизни общества, информационным капиталом, который представляет собой саму способность человека понимать другого и прогнозировать, то есть оценивать последствия своих решений и действий. В связи с этим возникает интерес в аналитиках, экспертах по поступающей информации, которые призваны выявить сферы стабильности в современном обществе, где увеличиваются различные риски, а следовательно, растет актуальность самой правовой способности верно интерпретировать информации, структурировать культурный и общественный опыт, производить на данной основе адекватное эпохе правосознание и вообще новое знание, новую информацию, в которой присутствует оценка действий, то есть нормативная, культурная составляющая социального прогноза.

Необходимо заметить, что сам процесс формирования правовой реальности имеет следующие особенности: 1) в самой структуре социума сегодня возникают профессиональные группы людей, которые разрабатывают правовые законы, формируют правосознание и культурную составляющую информации; 2) информация, формируя правила, социальные силы субъекта, возвышает их над самим субъектом деятельности; тем не менее каждый субъект выступает носителем права и информации, а сама правовая реальность постепенно становится творческой в процессе реализации или же нереализации, требующей системного и глобализирующегося мира; 3) в настоящее время возникает весьма устойчивая тенденция к расширению области действия права; 4) сегодня происходит интеграция объективных и субъективных правовых процессов. Само правовое сознание, как духовное и интеллектуальное явление, реализуется в практической материальной деятельности.

В силу этого информационное бытие обретает статус бытия объективного. Информационная реальность выстраивается в результате взаимодействия интересов общества и интересов личности. Но она может оставаться отчужденной от самого объекта управления. В информационной реальности коммуникация между человеком и машиной, человеком и человеком осуществляется лишь в том случае, когда сам человек оказывается нацеленным на формирование информационного капитала, на диалог, на доверие человека к человеку, человека к власти. Это только и может обеспечить единство социума, которое возможно благодаря государству. Сама системность правовой реальности выражается в ее связи с государством как системным институтом и с правом как системой норм и правовых законов.

В существующем праве можно выделить «подсистемы», различающиеся по специфике функционирования общей системы правовой реальности. Эта специфика отличается ролью самой информации в правовых системах.

Сама правовая реальность зачастую предстает частью системного мира информации и информационной культуры. Информация выступает неотъемлемым элементом правового мира и обеспечивает формирование правосознания у социумов. Правосознание, в котором велика роль чувств, настроений, симпатий, традиций, настроено, конечно, на культурно-исторические знания, явления.

Правовая информация как элемент правовой реальности выполняет нормативно-регулятивную функцию. Информация формирует правовую реальность как систему правовых норм, которые объективированы в поступках человека и его действиях, в правовых отношениях между социумами.

Информация, конечно, есть такая социальная сила, которая зачастую разводит сферы нравственности и права.

По мнению В.С. Соловьёва, право, как и у И. Канта, есть «низший предел или определенный минимум нравственности». В.С. Соловьёв аргументировал это тем, что моральная заповедь по сути своей бесконечна и распространяется на любой поступок человека, а правовой закон в принципе запрещает внешние действия, так что под него подпадает не любое действие, а лишь то действие, которое не дозволено законом. Отсюда право позволяет, в принципе, людям быть злыми; оно не вмешивается в свободный выбор между злом и добром. В лучшем случае право в своей экзистенциальной ипостаси препятствует недоброму человеку стать злым [7].

Информация как элемент структурных отношений правовой реальности и правовых отношений выполняет социально-регулятивную функцию. Право фиксирует полноту основания субъектом правовой реальности, степень включенности информации в эту социокультурную реальность.

Данная «подсистема» характеризует взаимосогласованность правовой реальности и самой жизнедеятельности общественного субъекта, которая реализует себя в информационном капитале и информационной культуре.

Конечно, с точки зрения системного подхода правовая реальность есть некое «надстроечное» явление, которое включает в себя правовые учреждения, правовое сознание и правовые отношения, наполненные информационным и интеллектуальным, культурным капиталом.

Современная теория и практика управления информационным капиталом отличается ориентацией не на силу субъекта управления информацией, а на характер самой правовой культуры, на которую как раз и возложена самореализация личности и ее свободы.

Информация как структурный элемент правовой реальности сопряжена с возрастанием роли и значения «рациональной» философии. Эта философия сегодня достигла бытия, которое стремится наиболее полным образом развернуться. Но информационное бытие, если о нем можно так говорить, достигло «могущего быть», но оно не достигло его искусственной компоненты, так как рациональная программа деятельности всегда идет от «потенции», возможности бытия. Если человек захочет достичь знания об информации как структурном элементе реальности правовой, то он должен, в принципе, обратиться к сфере экзистенциального. Это может случиться только в какой-то новой науке, причем фундаментальной. «И здесь мы, в прямом смысле, оказываемся перед принципом Спинозы, который говорит о существующем, которое оказывается прежде всякого мышления. Подобно тому, как при эксцентричном развитии эмпиризма разрушается всякая философия, как и в процессе построения любой философии на нет сводится положительная философия, так что по этому поводу можно сказать, что новейшая философия есть некая подготовка к этому» [8, с. 425].

Информация, как нам думается, связана экзистенциальным направлением обоснования свободы человека в современном сложном мире. Конечно, как замечает, О.К. Валитов, сама «проблема свободы средств массовой информации может формироваться и эффективно развиваться только в условиях правового государства, основанного на безусловном применении закона» [10, с. 22].

При этом информация, да и информационный капитал, выступают в качестве важнейшей предпосылки коммуникативной деятельности человека и общества. Заметим, что информационная элита находится между корпорацией и рынком новостей [11]. Но заметим, что сама свобода воли [12] зачастую находится в социокультурном пространстве, связанном с вопросом: а каким образом перестраивать сознание людей? [13]. Нас интересует прежде всего сама сущность социальной информации как структурного элемента правовой реальности и способа управления обществом [14]; вместе с тем информация, как глобальная проблема современности, позволяет сделать анализ современного общества наполненным анализом самого начала человеческой истории, исследованием самих средств массовой информации как инструмента управления современным обществом [15]. Сегодня мы наблюдаем ускорение социального прогресса и информации. Вместе с тем сама сущность информации высвечивается в процессе становления демократического общества, в процессе развития понятия «информации» и «информационной» культуры, имеющего многоаспектный характер. Как известно, наряду со сферой свободы существует и сфера «необходимости». «Старый, но вечно новый вопрос о свободе и необходимости, - пишет Г.В. Плеханов, - возникал перед идеалистами XIX века, как возникал он перед метафизиками предшествовавшего столетия» [16, с. 590].

Философы, разумеется, задавались вопросом об отношении мышления к бытию. Но само понятие «свобода» дало основу либеральному течению мысли. Но только «свобода»

не должна обобщаться чрезмерно; многие тоталитарные режимы клянутся ею. Само слово «свобода» есть сложное понятие и в информационной своей ипостаси - структурный элемент правовой и нравственной реальности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ильин И.А. О сущности правосознания. Соч.: в 10 т.: Т.4. - М.: Русская книга, 1994.
2. Франк С.Л. Реальность и человек. - СПб., 1997
3. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Пер. с нем. - М.: Мысль, 1990. - 524 с.
4. Там же.
5. Там же.
6. См.: Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. - М., 1995.
7. См.: Соловьёв В.С. Оправдание добра // Соч. в 2 т.: Т. 1. - М., 1988.
8. Schelling F.W.I. Philosophie der Offenbarung: 1841/42 Herausgegeben und eingeleitet von M. Frank. - Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main, 1977.
9. Там же.
10. См.: Валитов О.К. Социально-философский анализ проблемы свободы средств массовой информации (СМИ) в современных условиях. - Нефтекамск: НФ РИО БашГУ, 2004. - 288 с.
11. См.: Андрулас Е.Ч. Информационная элита: Корпорация и рынок новостей. - М.: Изд-во МГУ, 1991.
12. См.: Ильенков Э.В. Свобода воли // Вопросы философии. - 1990. - № 2.
13. Лукьянов А.В. Как перестроить сознание людей // Общественная мысль: исследования и публикации. - Вып.4. - М.: Наука, 1993. - С. 100-102.
14. Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. - М., 1975.
15. Урсул А.Д. Ускорение прогресса и информации // НТИ. Сер. 1. - 1987. - № 8; Афанасьев В.Г. Указ.соч..
16. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т.1. - М., 1956.

REFERENCES

1. Il'in I.A. O sushchnosti pravosoznaniya. Soch.: v 10 t. : T.Ch. [On the essence of sense of justice. Op .: in 10 tons: T.Ch.]. M.: Russkaya kniga, 1994 = Moscow: The Russian Book, 1994. (In Russ.).
2. Frank S.L. Real'nost' i chelovek. [Reality and man]. SPb., 1997 = St. Petersburg, 1997. (In Russ.).
3. Gegel' G.V.F. Filosofiya prava. Per. s nem [Philosophy of law. Trans. With him.] M.: Mysl'= M.: Thought Publ., 1990. 524 p. (In Russ.).
4. Ibid.
5. Ibid.
6. Sm.: Khabermas Yu. Demokratiya. Razum. Nravstvennost'. [Democracy. Mind. Moral]. M., 1995. (In Russ.).
7. Sm.: Solov'ev, V.S. Opravdanie dobra. Sochineniya v 2-kh t. [Justification of the Good. Compositions in 2 tons]. M., 1988. T. 1. (In Russ.).
8. Schelling F.W.I. Philosophie der Offenbarung: 1841/42 Herausgegeben und eingeleitet von M. Frank. Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main, 1977. (in English).
9. Ibid.
10. Valitov O.K. Sotsial'no - filosofskiy analiz problemy svobody sredstv massovoy informatsii (SMI) v sovremennykh usloviyakh [Socio - philosophical analysis of the problem of freedom of the media (media) in modern conditions]. Neftekamsk: NF RIO BashGU = Neftekamsk: NF RIO BashGU, 2004. 288 p.
11. Andrulas E. Ch. Informatsionnaya elita: Korporatsiya i rynok novoste. [Information elite: Corporation and news market]. M.: Izd-vo MGU = Moscow: Izd-vo MGU, 1991.
12. Il'enkov E.V. Svoboda voli. Voprosy filosofii. [Freedom of the will. Questions of philosophy]. 1990.no.2.

13. Luk'yanov A.V. Kak perestroit' soznanie lyudey. Obshchestvennaya mysl': issledovaniya i publikatsii. [How to rebuild the consciousness of people. Public thought: research and publication]. Issue 4 .M.: Nauka, 1993. - P. 100 - 102.
14. Afanas'ev V.G. Sotsial'naya informatsiya i upravlenie obshchestvom. [Social information and management of society]. M., 1975.
15. Ursul A. D. Uskorenie progressa i informatsii. NTI. Ser. 1. [Accelerating progress and information. STI. Ser. 1]. 1987. № 8; Afanasyev V.G. Ibid.
16. Plekhanov G.V. Izbrannye filosofskie proizvedeniya. [Selected philosophical works]. V.1. M., 1956.

Информация об авторе:

Газизов Раиль Робертович, кандидат технических наук, доцент, кафедра криминалистики, Институт права, Башкирский государственный университет,
г. Уфа, Россия
rael888@mail.ru

Information about the author:

Rail R. Gazizov, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Department of Criminology, Institute of Law, Bashkir State University,
Ufa, Russia
rael888@mail.ru

Получена: 28.07.2017

Для цитирования: Газизов Р.Р. Информация как структурный элемент правовой реальности. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 2. с.141-146.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-141-146.

Received: 28.07.2017

For citation: Gazizov R.R. Information as a structural element of legal reality. Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 2. Pp. 141-146.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-141-146. (in Russian)

УДК 1.316.6

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-147-152

СОЛОВЕЙ Лариса Викторовна
Сибирский институт управления - филиал РАНХиГС
г. Новосибирск, Россия
solovey.alt@mail.ru

Larissa V. SOLOVEY
Siberian Institute of Management a Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Novosibirsk, Russia
solovey.alt@mail.ru

КОВАЛЕВА Марина Ивановна
Сибирский институт управления - филиал РАНХиГС
г. Новосибирск, Россия

Marina I. KOVALEVA
Siberian Institute of Management a Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Novosibirsk, Russia

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УСТРОЙСТВА ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL PROBLEMS OF URBAN SPACE

В статье рассмотрены различные стороны социально-психологических проблем населения мегаполиса, влияющие на степень комфортности устройства человека в условиях городского пространства и адаптацию различных социальных групп к городской среде. Авторами произведен анализ некоторых основных научных подходов по проблемам социально-психологического устройства городского пространства. В работе представлены результаты исследования, раскрывающие значительный спектр социально-психологических проблем горожан, что является целью работы, сформулированы озвученные респондентами причины подверженности стрессу, апатии, психологической усталости, но также выявлены факторы удовлетворенности проживанием в условиях мегаполиса, такие как возможность самореализации, удовлетворения потребностей, получения разностороннего образования и др. В заключение сделан вывод о необходимости принятия мер со стороны муниципальной власти относительно горожан, испытывающих социально-психологические проблемы, и при планировании комплекса градостроительных задач включать мероприятия по созданию более комфортной городской среды для проживания. Новизной работы является исследование причин социально-психологических проблем новосибирцев в условиях организации исследовательского эксперимента в подземном транспорте, в результате чего был выявлен комплекс социально-психологических состояний человека в городской среде мегаполиса и составлена усредненная характеристика социально-психологической комфортности населения в пространстве города.

Ключевые слова: городское пространство, социально-психологическая комфортность проживания, коммуникация между жителями и властью

The paper is devoted to the socio-psychological problems of the population of the megalopolis, which affect the degree of comfort of the people in urban space and the adaptation of various social groups to the urban environment. The authors analyze some scientific approaches to the social and psychological challenges of urban space and the main advances in this sphere. The results of interviews with city inhabitants are given. A wide range of socio-psychological problems of citizens is revealed; the reasons for stress, melancholy, apathy and psychological fatigue emphasized by the people are formulated; the factors of life satisfaction in a megacity such as the possibility of self-actualization, meeting the needs, good education, etc. are defined. The article concludes that better measures should be taken to make the city a comfortable place for living. There is a need to develop special events for the people with social and psychological problems when municipal authorities plan urban development programs. The novelty of the work is the research of the causes of socio-psychological problems in Novosibirsk in the conditions of a research experiment in the underground. As a result, a complex of socio-psychological states of inhabitants in the urban environment of the megalopolis is identified and an average characteristic of the social and psychological comfort of the population in the city space is developed.

Keywords: urban space, socio-psychological comfort of life conditions, communication between city inhabitants and authority

Изучение состояния любого поселения в ракурсе социально-психологических взаимодействий требует углубленных научных исследований. По сложности они не уступают комплексным, системным исследованиям в процессе разработки градостроительных проектов. Актуальность проблемы заключается в том, что при принятии управленческих решений многовекторные по своей структуре потребности населения в улучшении соци-

ально-психологической комфортности проживания в условиях городской среды чаще игнорируются и подменяются личными соображениями городских чиновников, что не дает полного представления о нормах в отношении организации жизненного пространства горожан и психологической комфортности проживания в нем. Можно говорить о том, что планирование и управление городским пространством есть, скорее, привилегия муниципальной власти, которая проявляет себя по принципу медиатора, когда в отсутствие диалога вопрос решается в одностороннем порядке.

Возникновение подобных проблем влечет за собой неприятие проектных инициатив, исходящих от городской власти, недоверие к ним со стороны населения. Потребность оптимизации социальной жизни городского пространства, улучшения психологической комфортности пребывания в нем должна стимулировать поиск взаимодействия муниципальной власти и его жителей. Многие граждане хотели бы участвовать в диалоге с местным управлением в области принятия решений, касающихся реконструкции района их проживания, но сегодня такие диалоги либо не происходят, либо чиновники формально относятся к их проведению, считая население непрофессионалами.

Исследования в области прикладной макросоциальной психологии, посвященные проблемам горожан, а именно - их адаптации к изменяющейся городской среде, связанные с разрушением сложившихся условий жизни, трудностями коммуникации и восприятия предметно-пространственного мира мегаполиса, актуальны и позволяют сформировать системное представление о территории для заинтересованных лиц. Сложность подобных исследований заключается в том, что, несмотря на общий «знаменатель» (исследования, посвященные городским темам), они имеют интегральный, междисциплинарный характер и формируются на стыке направлений изучения качества городской среды, планирования и управления социально-экономическим развитием города, изучения городского образа жизни, городских сообществ, социальной активности горожан, характера коммуникативных связей, культурно-символического содержания городского пространства и т.п. и поэтому должны учитывать множество организационных, финансовых, структурных, управленческих и других задач и ресурсов.

Комплексные социально-психологические исследования городской среды были представлены впервые в 1960 г. в работе американского специалиста в области городского планирования К. Линча «Образ города» (Lynch Kevin, The image of the City, 1960) [10], в которой автор показывает, что люди воспринимают свое окружение как устойчивую и предсказуемую «ощущаемую среду», формируя «ментальные карты», приобретающие статус коллективных представлений («mentalmaps»), включающие пути, границы, районы, символические ориентиры. Понятие «вообразимость» («imageability») К. Линч вводит для обозначения нахождения ориентации людей в пространстве города, который трактуется им как системный объект, непрерывно изменяющийся и несущий в себе преемственность культурных традиций, идей социально-психологической и духовной жизни горожан, общность переживаемых эмоций, при восприятии предметно-пространственной среды «своего» городского района, города в целом, специфики коммуникаций, межличностных отношений, организации эмоциональной сферы взаимодействующих групп людей, психологическое благополучие которых связано с восприятием ими окружающей среды.

В начале XX в. концепции психологических исследований города на начальном этапе планирования городской застройки предложил шотландский социолог, градостроитель П. Геддес в работе «Городское развитие» (Geddes P. City Development, 1904) [9], видевший тесную связь между общественными процессами и урбанизацией, рассматривавший проблемы районной планировки и считавший, что городское планирование - это не только планирование пространства, а сотрудничество с городским сообществом, которому американский историк, социолог, философ техники Л. Мамфорд уделял инициирующую роль, отмечая важность субъективного фактора в истории и функционировании города (Mumford L. The Story of Utopias, 1922) [11].

П. Геддес предложил идею проведения социально-психологических исследований городской жизни сообществ, проживающих и рассредоточенных на карте городского

пространства на научной основе, которую воспринял С. Милгрэм (Milgram St. The experience of living in cities, 1970) [12], проводивший впоследствии исследования ментальной сферы психологической жизни города, которую рассматривал условием выживания в сложной городской среде благодаря активности субъектов ее восприятия - горожан, конструирующих индивидуальный образ городского пространства.

Представители направлений зарубежной социальной психологии Э. Берджесс, Л. Вирт, Г. Зиммель, Ч. Кули, Р. Парк, Ф. Теннис [1, 3, 4, 6, 7, 13] изучали особенности поведения людей в социальных группах в пространстве города и факторы городской жизни, накладывающие отпечаток на психологию поведения горожан, такие как плотность заселения территории, архитектурное планирование районов, инфраструктура, раскрывающая потенциал личности горожан.

Отдельные идеи в рамках социальной психологии города, развиваемые западными социальными психологами, были восприняты отечественными исследователями начиная с конца XIX столетия, а в 1980 - начале 2000-х годов появилось множество работ по изучению проблем психологической комфортности проживания в условиях городского пространства, некоторые из которых были представлены в работах Ю. Круусвалла, М. Хейдметса, Т. Нийта, С.А. Богомаза, С.А. Литвиной, Е.В. Четошниковой, А.Ф. Филиппова [5, 2, 8] и др., а именно: проблемы соотношения районирования города и психического здоровья его населения, окружающей предметно-пространственной, природной среды и реализации личностного потенциала (деятельностного, коммуникативного, рекреационного), проживание в «муравейниках» - «высотках», обезличивающих характер общения с утратой традиционных соседских отношений, потери ощущения «своего двора», проблемы ценностного отношения к жилой среде и изменение образа города, проблемы складывания и функционирования прилегающей к жилым застройкам инфраструктуры, психологические проблемы освоения района проживания и др.

В 1990-2000-е годы в междисциплинарных исследованиях социально-психологических характеристик городского пространства были получены «новые» представления об образах города, преимущественно добытые в группах на разных городских территориях, в разных этнических, поло-возрастных, статусных общностях. Данные конструкты отражали: взаимосвязь предметно-пространственной среды и социально-субъектнопсихологических характеристик его жителей, проявляющихся во взаимодействии с городом; динамику и формы группового сознания горожан; территориальную личностную идентичность с местом и длительностью проживания, учитывая привязанность к району; комплекс потенциальных возможностей городского района для реализации личностных качеств; сферу специфических коммуникативных возможностей города; факторы, влияющие на создание личностного благополучия и психологической комфортности проживания в городской среде.

Перечисленные выше социально-психологические подходы к изучению городского пространства с позиции восприятия города его населением, влияния населения на городское пространство либо, наоборот, с позиции формирования городом социальной идентичности проживающего в нем населения, влияния города на формирование поведения горожанина могут быть использованы в качестве научной базы для системного планирования городского пространства.

При непосредственном межличностном общении - интервьюировании более 450 жителей Новосибирска, в процессе проведения акции, посвященной озвучиванию проблем комфортности проживания на территории городского пространства, организованной кафедрой психологии СИУ - филиалом РАНХиГС факультета государственного и муниципального управления - выяснилось, что около 1/3 опрошенных респондентов постоянно испытывают проявления городских психических состояний социально-психологической усталости проживания в условиях мегаполиса, указывают на проблемы скученности, пространственной стесненности, перегруженности пассажиропотока в муниципальном транспорте, плотность застроек многоэтажными комплексами, соответственно, шум, необустроенность дворов, потерю культуры коммуникаций дворового пространства, отсутствие рекреационной инфраструктуры, а также развивающееся тоталь-

ное равнодушие и индивидуализм, ориентацию исключительно на деловое общение, фобии толпы и потери работы, недовольство средой проживания с многочисленными соседями - квартирантами, эмигрантами, разрушающими сложившиеся условия и стереотипы жизни. Указанная доля опрошенного городского населения, испытывающего социально-психологическую декомпенсацию, оценивает состояние своего психологического здоровья как нестабильное (39,48%), усматривая основные причины своих устойчивых психических состояний в повышенном уровне агрессии (11%), обостренной интолерантности, раздраженности к среде обитания (6,64%), напряженном ритме жизни (12,54%), утомляемости на фоне стрессовых состояний, апатии, безразличия, отчуждения, замкнутости, одиночества либо, наоборот, переизбытка общения (24,33%).

Значительное количество горожан по разным причинам не применяют по поводу своих нестабильных психических состояний психологические защиты (66,42%), тогда как другие (33,58%) от соседей, сослуживцев, знакомых и родственников «защищаются» избеганием, релаксацией, йогой, молитвой, сном, музыкой как формами адаптации к городской перегрузке (15,49%), обманом (1,1%), отключением телефона (1,1%), конфликтным поведением (5,9%). При этом нуждающиеся в психотерапевтической помощи (26,19%) за ней обращаются крайне редко (5, 42%).

Валидность результатов интервью была обеспечена попаданием в выборку представителей населения практически всех районов города, развернутым статусным набором интервьюеров (студенты, государственные служащие, сотрудники частных компаний, рабочие, предприниматели, работающие и неработающие пенсионеры, военнослужащие, безработные, представители интеллигенции), достаточно равномерной гендерной (41% мужчин, 59% женщин) и разветвленной возрастной (от 18 до 30 лет - 66%, от 30 до 45 лет - 18%, от 46 до 60 лет - 9%, от 61 и старше - 7%) представленностью. Перечень вопросов, предлагаемых респондентам, состоял из формулировок, ориентированных на выявление социально-психологических проблем повседневной жизни горожан, их психических состояний, обусловленных особенностями проживания в крупнейшем городе, и опирался на объективные оценки горожан, которые соотносились с существующими территориальными, социально-экономическими, демографическими показателями в сравнении с аналогичными средними показателями на общероссийском уровне. Важным сегментом в структуре опроса представлено субъективное мировосприятие (субъективные оценки), учитывающее социальное положение респондента, уровень его образования, возраст и пол, район проживания, ценностные ориентации, оценку состояния своего психического здоровья, социальные предпочтения и другие факторы, которые выступили в качестве инструмента измерения субъективных оценок и в результате интерпретации и анализа представлены комплексом моделей восприятия городского пространства и оценкой комфортности пребывания в нем.

Опираясь на концепцию С. Милгрэма по соблюдению норм социального поведения в городских условиях, в качестве методического инструментария экспериментальной процедуры опроса новосибирцев использовались специфические условия метро, которые «уравнивают», делают типичными взаимодействия людей.

В результате интерпретации множества субъективных оценок, использования метода сравнительного анализа коллективных представлений респондентов и контент-анализа вербального материала, собранного на основе вербального интервью-расследования, проводимого с целью глубинного изучения проблемы (использовалась комбинаторика методов информационного и креативного интервью), получен некий общий комплекс социально-психологических состояний человека в городской среде мегаполиса: с одной стороны, подавляющие личностное развитие - подверженность стрессу, апатия, одиночество, ослабленное чувство солидарности, локальность в общении, поиск «своих», обезличенность и технологизированность общения, фобии (45,02% опрошенных); с другой стороны, 54,98% респондентов указали, что крупнейший город для них важен в плане самореализации, получения разностороннего образования, нахождения множества социальных контактов, формирования толерантности к чужому образу жизни,

удовлетворения потребностей, наличия разветвленной социальной коммуникации, ощущения статуса горожанина, следующего законам жизни мегаполиса и пр.

Выявленные различные условия существования городских сообществ формируют неодинаковое восприятие ими городского пространства, что усложняет проблему планирования градостроительной политики. Анализ факторов восприятия предметно-пространственной среды города позволяет предположить поиск построения универсальной модели городского пространства с учетом психологического благополучия личности, основанного на удовлетворении базовых ценностей, реализации социальной и персональной идентичности, удовлетворения многовекторных коммуникативных связей, обеспечения личностного роста горожан.

С точки зрения целеполагания проведенное интервьюирование горожан имеет две стороны: 1) собственно академическую - изучение социально-психологических проблем городской среды и степени комфортности проживания в условиях мегаполиса; 2) прикладную - планирование деятельности на территории городского пространства с учетом социально-психологических предпочтений населения.

Диагностический характер используемого выборочного стандартизированного интервью как техники сбора данных, предложенный К. Линчем в его программах исследования города, выявил некоторые вышеозначенные социально-психологические проблемы городского устройства, представил интерпретацию мнений о социально-психологических проблемах территории целевыми группами заинтересованных горожан, выявил уровни социально-психологической комфортности проживания населения в условиях крупнейшего города, опосредовал метод интервью как способ коммуникации между жителями и властью, как один из механизмов взаимодействия между муниципалитетом и наукой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Берджес Э. Рост городов: Введение в исследовательский проект // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. - 2000. - № 4. - С. 20-34.
2. Богомаз С.А., Литвина С.А., Четошникова Е.В. Субъективная оценка городской среды вузовской молодежью Томска и Барнаула // Сибирский психологический журнал. - 2013. - № 49. - С. 102-111.
3. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни. Избранные работы по социологии: Сборник переводов / Пер. с англ. В.Г. Николаев / Отв. ред. Л.В. Гирко. - М.: ИНИОН РАН, 2005. - 118 с. - С. 93.
4. Зиммель Г. Социология пространства / Избранное. В 2 т. Т 2. Созерцание жизни / Г. Зиммель. - М.: Юрист, 1996. - 607 с. (Серия «Лики культуры»). - С. 322-348.
5. Круусвалл Ю., Хейдметс М., Нийт Т. Социально-психологические исследования жилой среды // Социологические исследования проблем города и жилища. - Новосибирск: Наука, 1986. - С. 152-176.
6. Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок / Пер. с англ. под общ. науч. ред. А.Б. Толстова. - М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. - С. 3-16.
7. Парк Р. Город как социальная лаборатория / Пер. с англ. С.П. Баньковской // Социологическое обозрение. - Т.2. - 2002. - № 3. - С. 3-12.
8. Филиппов А.Ф. Социология пространства // Социологическое ние. - Т.8. - 2009. - №3. - С. 3-15.
9. Geddes P. City Development: A Study of Parks, Gardens and Culture - Institutes: A Report to the Carnegie Dunfermline Trust (Geddes and Company, Outlook Tower, Edinburgh). - Bourneville, Birmingham: Saint George Press, 1904.
10. Lynch K. The Image of the City. - Cambridge: M.I.T. and Harvard University Press, 1960.
11. Mumford L. The Story of Utopias. - N.Y.: Boni and Liverright, 1922.
12. Milgram St. The experience of living in cities: a psychological analysis // Psychology and Problems of Society / Ed. by F.F. Korten, S.W. Cook, J.I. Lacey. - Washington D.C.: American Psychological Fssociation, 1970.
13. Tonnies F. Community and Society. Transl. and ed. by C. Loomis. - New York, 1957. - Pp. 64-65.

REFERENCES

1. Burgess E. Rost gorodov: vvedenie vissledovatelskyproekt. [The Growth of the City: An Introduction to a Research Project]. Sotsial'nye I gumanitarnye nauki za rubezhom. Soziologiya = Social and Human Sciences Abroad. Sociology. 2000. No.4. Pp. 20-34. (in Russ.).
2. Bogomaz S.A., Litvina S.A., Chetoshnikova E.V. Sub'ektivnaya ozenka gorodskoi sredy vuzovskoy molodyezh'yu Tomska I Barnaula.[Subjective Assessment of the Urban Environment by University Youth of Tomsk and Barnaul]. Sibirsky psihologicheskiy zhurnal = Siberian Psychological Journal. 2013. No. 49. Pp. 102-111.(in Russ.).
3. Wirth L. Urbanism kak obraz zhizni. Izbrannye raboty po soziologii: sbornik perevodov. [Urbanism as a Way of Life. Selected works on Sociology: Collection of Translations]. Moscow. 2005. Pp. 93-118.(in Russ.).
4. Zimmel G. Soziologiya prostranstva. Izbrannoe. V 2 t. T.2. Sozertsanie zhizni. [The Sociology of Space. Favourites. In 2 volumes. Vol.2 .Life Contemplation]. Moscow. 1996. Pp. 322-348. (in Russ.).
5. Kruusvall Yu., Heidmets M., Niyt T. Sozial'no-psihologicheskye issledovaniya zhiloy zony. [Socio-psychological Studies of the Residential Environment].Novosibirsk. 986. Pp. 152-176.(in Russ.).
6. CooleyCh. Chelovecheskaya priroda I sozial'nyporyadok. [Human Nature and Social Order]. Moscow. 2000. Pp. 3-16.(in Russ.).
7. 7.Park R. Gorod kak cozial'naya laboratoriya. [The City as a Social Laboratory]. Soziologicheskoe obozrenie = Sociological Review. 2002. V.2. No. 3. Pp. 3-12.(in Russ.).
8. 8.FilippovA.F. Soziologiya prostranstva. [Sociology of Space]. Soziologicheskoe obozrenie = Sociological Review. 2009. V.8. No3. Pp. 3-15.(in Russ.).
9. Geddes P. City Development: A Study of Parks, Gardens and Culture - Institutes: A Report to the Carnegie Dunfermline Trust (Geddes and Company, Outlook Tower, Edinburgh), Bourneville, Birmingham: Saint George Press, 1904.(in Russ.).
10. Lynch K. The Image of the City. Cambridge: M.I.T. and Harvard University Press, 1960. (in Russ.).
11. Mumford L. The Story of Utopias. N Y.: Boni and Liverright. 1922.(in Russ.).
12. Milgram St. The experience of living in cities: a psychological analysis. Psychology and Problems of Society. Ed. By F.F. Korten, S.W. Cook, J.I. Lacey. Washington D.C.: American Psychological Fssociation, 1970.(in Russ.).
13. Tonnies F. Community and Society. Translated and edited by C. Loomis. - New York, 1957. Pp. 64-65. (in Russ.).

Информация об авторах:

Соловей Лариса Викторовна, кандидат социологических наук, доцент, заведующая Лабораторией личностного и профессионального развития, кафедра психологии,
Сибирский институт управления - филиал РАНХиГС,
г. Новосибирск, Россия
solovey.alt@mail.ru

Ковалева Марина Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков, Сибирский институт управления - филиал РАНХиГС,
г. Новосибирск, Россия

Information about the authors:

Larissa V. Solovey, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of Personal and Professional Development Laboratory, Department of Psychology, Siberian Institute of Management a Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Novosibirsk, Russia
solovey.alt@mail.ru

Marina I. Kovaleva, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of Foreign Languages Department, Siberian Institute of Management a Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Novosibirsk, Russia

Получена: 03.08.2017

Для цитирования: Соловей Л. В., Ковалева М. И. Социально-психологические проблемы устройства городского пространства. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 2. с.147-152.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-147-152.

Received: 03.08.2017

For citation: Solovey L.V., Kovaleva M.I. Social and psychological problems of urban space. Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 2. Pp. 147-152.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-147-152. (in Russian)

Образование и педагогические науки

Education and Pedagogical Sciences

УДК 37.011 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-155-162

ГЕТМАНСКАЯ Елена Валентиновна
Московский педагогический государственный университет
г. Москва, Россия
getmel@mail.ru

Elena V. GETMANSKAYA
Moscow State Pedagogical University
Moscow, Russia
getmel@mail.ru

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КАК КАТЕГОРИИ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

COMPARATIVE ANALYSIS OF CROSS-CULTURAL COMPETENCE AS A CATEGORY OF MULTICULTURAL EDUCATION

В статье сопоставляются российские и американские подходы к содержанию кросс-культурной компетенции и процессу ее формирования как категории мультикультурного образования. Основное внимание в работе отводится вопросам стандартизации понятия «кросс-культурная компетенция» в нормативных образовательных документах обеих стран. В статье устанавливаются и анализируются причины дифференциации направлений педагогики США и России, в рамках которых кросс-культурная компетенция находит системное отражение. В американской научной школе данная компетенция рассматривается как общепедагогическая категория. Формирование кросс-культурной компетенции тесно увязывается с задачами поликультурной коммуникации, с возможностью учащихся общаться сквозь культурные границы в процессе обучения. В американской науке кросс-культурная компетенция находит научные обоснования, прежде всего в таких областях, как культурно-релевантная педагогика и культурно-релевантное обучение. В российской науке формирование кросс-культурной компетенции активно разрабатывается методикой преподавания литературы. Литература в категориях российской методики рассматривается как предмет, обладающий широкими возможностями по «расшифрованию» культурных кодов «других». Статья знакомит с моделями сопоставительного анализа произведений русской и инонациональной литературы, используемыми в полиэтнических классах российской школы.

The article compares Russian and American approaches to the content of cross-cultural competence and the process of its formation as a category of multicultural education. The focus of the work is devoted to the standardization of the concept "cross-cultural competence" in normative educational documents of both countries. The article establishes and analyzes the causes of the differentiation of directions in pedagogy of the USA and Russia, in which cross-cultural competence is finding the system reflection. This competence is regarded as a General pedagogical category in the American scientific school. The cross-cultural competence formation is closely linked to the problems of multicultural communications, with the ability of students to communicate across cultural boundaries in learning. Cross-cultural competence finds scientific justification, especially in areas such as culturally-relevant pedagogy and culturally relevant teaching in American science. In Russian science the formation of cross-cultural competence is actively developed by the methodology of teaching literature. Literature in categories of Russian methodology is regarded as a subject that has ample opportunities for "decryption" cultural codes of "others". The article introduces the models for comparative analysis of works of Russian and foreign literature used in multiethnic classes in Russian schools.

Ключевые слова: кросс-культурная компетенция, поликультурное образование, культурно-релевантная педагогика, культурно-релевантное обучение, методика преподавания литературы

Keywords: cross-cultural competence, multicultural education, culturally relevant pedagogy, culturally relevant education, methods of teaching literature

И в нашей, и в американской педагогике активно изучаются проблемы поликультурного образования, в то же время педагогические исследования двух стран существенно различаются в способах решения проблем межкультурной коммуникации в рамках образовательного процесса.

В российских образовательных стандартах значительное место отводится вопросам сохранения культурного разнообразия, формирования мировоззрения, основанного на диалоге культур, учитывающего многонациональную природу нашей страны. Так, в Федеральном государственном образовательном стандарте среднего (полного) общего образования прописывается «обеспечение формирования российской гражданской идентичности учащихся; сохранение и развитие культурного разнообразия и языкового наследия многонационального народа Российской Федерации, реализация права на изу-

чение родного языка, овладение духовными ценностями и культурой многонационального народа России» [См.: 13]. Напротив, формирование американской гражданской идентичности не прописывается в американских образовательных стандартах. Это, безусловно, не означает, что в реальности феномен гражданской идентичности не формируется. Очевидно другое – то, что американское общество, живущее в условиях нерешенных расовых противоречий, еще не готово декларировать в образовательных документах подобную цель. Наряду с этим в стандартах США учитывается культурное разнообразие учащихся, в стране развиваются педагогические системы, предметом изучения в которых является поликультурная коммуникация в процессе обучения, возможность общения учащихся сквозь культурные и этнические границы. Прежде всего, это такие направления, как *культурно-релевантная педагогика, культурно-релевантное обучение*, базирующиеся на развитии *кросс-культурной компетенции* [См.: 3; 10].

Чтобы корректно сравнивать образовательные декларативные установки России и США, следует иметь в виду, что федеральных стандартов в США не существует; нет никаких общенациональных стандартов, которым должны следовать школьные учителя. Простой поиск в Интернете показывает, что даже в рамках одной предметной области часто представлен целый ряд стандартов, созданных многочисленными организациями. Будет ли в США когда-нибудь утвержден единый национальный стандарт? Об этом на одном из педагогических сайтов размышляет американский учитель с 15-летним стажем: «На данный момент создание единого стандарта сомнительно, – пишет Мелисса Келли. – Сторонники унификации утверждают, что учебные планы будут стандартизированы по всей стране. Однако одним из основополагающих постулатов американского образования являются стремления, желания и установки местных образовательных органов; в связи с этим полная унификация стандартов, принятых в отдельных штатах, будет практически невозможной» [См.: 5]. Вместе с тем при отсутствии в локальных стандартах деклараций относительно поликультурного обучения *культурно-релевантное обучение* и категория *кросс-культурной компетенции* находят широкие научные обоснования в американской педагогике. Кросс-культурная компетенция в высшем педагогическом образовании рассматривается как базисная категория. Модель ее формирования опирается на *аутентичную педагогику* Ф. Ньюмана, в логике которой «результатом интеллектуальной работы (одним из ее видов является формирование кросс-культурной компетенции) должен быть личностно значимый, эстетический и общественно полезный продукт, а не выполнение работы ради того, чтобы продемонстрировать свою образованность или прилежание» [8, с. 280]. В концептуальной разработке кросс-культурной компетенции используются также идеи поликультурного образования Л. Делпит. Ученый, образно формулируя задачи педагога и подчеркивая значимость позитивного отношения педагога к цветным студентам, пишет о том, что в педагогических системах прорастает, как в зерне, будущее нации. Помимо использования стандартных тестов и конкретных методик, она считает чрезвычайно важным сам процесс образования студентов, в рамках которого не следует задаваться вопросом – на что способны цветные студенты с низким доходом. Основная цель поликультурного образования, с точки зрения Л. Делпит, - «создание продуманных, увлекательных методик, основанных на культурном, интеллектуальном, историческом и политическом достоянии этносов этих студентов» [4, с. 14].

Культурно-релевантное обучение – термин, внедренный в американскую педагогику Глорией Ладсон-Биллингс (1995). Культурно-релевантное обучение – педагогическая система, развивающая учащихся национальных меньшинств интеллектуально, социально и эмоционально с помощью баланса в изучении культуры окружающего социума и культуры самого учащегося. Культурно-релевантное обучение, в логике Ладсон-Биллингс, это «строительство учителями культурных мостов между жизнью учащихся дома и их социальной жизнью в школе, причем эти "мосты" должны одновременно соответствовать культурно-бытовым доминантам той местности, в которой проживают учащиеся, и требованиям учебной программы, утвержденной в данном штате» [6, с. 159].

В российских образовательных стандартах непосредственного термина «кросс-культурная компетенция» не существует, но в требованиях к личностным результатам

освоения основной образовательной программы заложены «сформированность мировоззрения, соответствующего современному уровню развития науки и общественной практики, основанного на диалоге культур, а также различных форм общественного сознания, осознание своего места в поликультурном мире; толерантное сознание и поведение в поликультурном мире, готовность и способность вести диалог с другими людьми, достигать в нем взаимопонимания, находить общие цели и сотрудничать для их достижения» [См.: 13]. В чем же разнятся российские и американские подходы в области кросс-культурного обучения? Прежде всего в том, что разработки кросс-культурной компетенции в США сосредоточиваются на общих проблемах социализации и коммуникации учащихся. Данные разработки не подтверждены развернутыми предметными методиками, используемыми в средней школе. Российская же школа не останавливается на общих вопросах межкультурной коммуникации. Она экстраполирует кросс-культурную компетенцию на изучение конкретных школьных предметов: иностранных языков и, что особенно важно и отличает российские подходы от американских, на изучение литературы.

Если в американской методике известны лишь отдельные сценарии уроков культурно-релевантного обучения, то в российской – существует сложившаяся методическая школа, представляющая, по сути, систему кросс-культурного обучения литературе. Речь идет о методической школе, которая была создана М.В. Черкезовой. Методическая система М.В. Черкезовой основывается на выявлении разнообразных культурно-этнических феноменов в художественном тексте и работе над этими особенностями на уроке литературы как в национальной школе, так и в школе с полиэтническим составом учащихся. М.В. Черкезова строит свою систему на понятии «сопряжения» словесно-художественных систем русской и инонациональной литературы, «на несовпадении художественного восприятия разных народов и подчеркивает, что это несовпадение нужно выявлять и предвидеть для того, чтобы развивать и обогащать восприятие русской литературы» [14, с. 281]. Таким образом, кросс-культурная компетенция, не входящая в терминосистему концепции М.В. Черкезовой, по факту реализуется в подходах ученого и развивается за счет дифферентного этнокультурного восприятия учащимися художественного текста, дающего большую степень художественного обобщения.

Современная российская школа - это место межкультурного и межэтнического диалога. Диалог культур с методической точки зрения предполагает использование таких методических путей и приемов, как сопоставление и сравнение произведений русских и национальных авторов. В полиэтнических классах важно учитывать также психологию восприятия русской литературы учащимися-билингвами, их национальный менталитет. Сопоставительное изучение русских и инонациональных литератур возможно уже в среднем звене, при изучении героического эпоса народов мира. Как пример компаративного изучения эпосов мы предлагаем рассмотреть апробированную нами систему сопоставительного изучения русской былины «Илья-Муромец», узбекского эпоса «Манас» и киргизского эпоса «Алпамыш» в 6-м классе полиэтнической российской школы. Тема предлагаемого урока: «Способы самоописания человека в героическом эпосе народов мира». Цель урока **-** сформировать в процессе сравнительного изучения эпосов народов мира понятие о национальном и общечеловеческом в образах воинов-защитников - героях народного эпоса. После прочтения главы учебника «Героический эпос» учитель предлагает ответить учащимся на вопрос: «Каков, на ваш взгляд, идеальный образ воина в героическом эпосе?» Вопросы к учащимся следует предварить комментарием о специфике эпоса. Героический эпос отличается своеобразной всеохватностью в изображении народной жизни, его определяющая черта – это тяготение к проблемам общенационального масштаба. Эпический герой всегда олицетворяет идеальный образ воина-защитника своего народа. Он красив, статен, мужественен, воодушевлен самыми высокими чувствами и стремлениями. На уроке учащиеся кратко пересказывают содержание «Манаса» и «Алпамыша». После пересказа сюжетов ученики отвечают на вопросы: что такое летопись? кто такие манасчи? кого называют сказителями? что представляет собой зачин в былине? Учитель комментирует ответы учащихся: русские былины и восточные эпосы всегда пелись, а точнее, сказывались мерным, торжественным речитативом. Не

случайно исполнителей таких произведений называли сказителями. Интересные ответы дают ученики на вопрос: что теряет русский героический эпос (в отличие от узбекского и киргизского) от отсутствия современных сказителей былин?

Основное содержание урока учитель предваряет вопросом к ученикам: как вы думаете, почему возможно сравнение этих произведений? Основная мысль в ответах учащихся: во всех трех произведениях главный герой - воин, который борется за свой народ, за справедливость. У Ильи-Муромца, Манаса и Алпамыша одна цель. И когда они ее не достигают, от горя могут даже умереть. Следующий смысловой узел урока - общее в сюжетах. Отдаленные друг от друга по времени создания, «Илья-Муромец и Соловей-разбойник», «Манас» и «Алпамыш» тем не менее содержат ряд общих черт: поединки богатырей с драконами, дивами-змеями и другими чудовищами; рассказ о конях богатырей; чудесное рождение героев; сказочное добывание богатырских доспехов. Во всех трех изучаемых произведениях много элементов фантастики. Фантастика в народном эпосе является способом героизации истории народа. Учащиеся в своих ответах подчеркивают, что движущей силой подвигов героев неизменно являются благородные цели: стремление вызволить из беды брата, друга; уничтожение чудовищ, притесняющих людей; наказание злодеев, творивших преступления; защита отчизны от чужеземных поработителей. Следующий пункт сопоставления эпосов - анализ речи героев, их монологи и диалоги. Особое внимание необходимо обратить на богатство народного языка в былевом эпосе: ученики работают с этимологическими и толковыми словарями, знакомятся с историческими комментариями в сборниках былин. Основная речевая форма былины - диалог. Основная форма повествования в восточном эпосе – монологи. В них раскрываются характерные черты героя, его душевного склада. Монологи и диалоги как приемы эпического повествования демонстрируют самобытную речевую культуру народов, отличающуюся оригинальной выразительностью и меткостью характеристик, многообразием словесно-поэтических приемов. Обращенность к природе - еще одна общая характеристика Ильи-Муромца, Манаса и Алпамыша. Вся жизнь героев проходит под открытым небом. Леса, горы, степи, пастбища, звери, птицы, кони живут с героями эпоса единой жизнью. Все события происходят на фоне соответствующего состояния природы. Характерно, что в трагические или радостные моменты жизни, произнося клятву или заклинание, герой обращается к природе. Закрепляющая эвристическая беседа на уроке строится на художественных деталях изучаемых текстов, прояснении способов героизации истории народов, рассмотрении нравственных идеалов воинов. Процитируем ниже вопросы закрепляющей беседы, представленные в опубликованной нами статье «Сопоставительное изучение героических эпосов в 6-м классе»: «Отчего, спасши Чернигов от "силушки поганой", Илья отказался быть воеводою? Почему товарищи избирают ханом Манаса? Чем привлекла Илью дорога "прямоезжая", а не "окольная", где можно избежать опасности? Почему Алпамыш назначает ханом пастуха Кайкубата? Почему родители отдали девятилетнего Манаса пастуху? Зачем в былине нужен эпизод с дочерьми и зятьями Соловья-разбойника? Вспомните сцены искушения героев в трех эпосах? Почему так торжественно описан приезд Ильи-Муромца в Киев? Как вы думаете, почему герой народного эпоса - воин? Какие нравственные качества формируют у нас, современников, герои эпосов народов мира?» [11, с. 96]. Итогом беседы должно стать размышление о том, что при всем художественном своеобразии эпических героев их всех объединяет одно желание - защищать свою землю. В этом ключе компаративное изучение русского и восточных героических эпосов должно, с одной стороны, показать художественное и этнокультурное своеобразие национальных героических эпосов, а с другой – продемонстрировать близость, а возможно, и идентичность художественной эпической трактовки феномена «защитник Отечества».

Как уже было сказано выше, в американской школе отсутствуют специальные кросс-культурные предметные методики. В то же время американские учителя создают отдельные уроки по работе с художественным текстом, содержательно и идейно связанные с проблемами мультикультурности. Развернутые сценарии таких уроков представлены на сайте NCTE – сайте Национального совета учителей английского языка. Рассмотрим логику одного из таких уроков под названием «Разрушаем барьеры – строим мосты:

размышления над социальными проблемами» [См.: 7]. Урок обращен к ученикам 6–8-х классов средней школы; учащиеся читают и обсуждают рассказ известной афроамериканской писательницы Жаклин Вудсон «По другую сторону забора». Рассказ ведется от лица чернокожей девочки Клевер, которая живет в городе, где есть забор, отделяющий «черную» часть города от «белой». Клевер рассказывает историю одного лета, когда она становится подругой Энни, белой девочки, живущей по другую сторону забора. Мать Клевер запрещает дочери перелезать через забор, но однажды Клевер замечает там девочку, которая выглядит очень одинокой и не уходит домой, даже когда идет дождь. Клевер решается заговорить с Энни и, несмотря на то, что обеим девочкам запрещено общаться, они в один прекрасный день решают сесть на забор вместе. Поначалу чернокожие подружки Клевер не позволяют Энни играть вместе с ними, но позже все дети, включая Энни, решают, что забора здесь быть не должно.

Обсуждение рассказа строится на следующих вопросах: кто из героев, на ваш взгляд, озвучивает авторскую позицию? почему мать Клевер предупредила ее, чтобы она не перелезала через забор? как Клевер и Энни умудряются «строить мосты»? как девочки выработали пути решения этого расового барьера? как забор становится метафорой в этой истории? как вы думаете, почему Жаклин Вудсон в 2001 году пишет историю, относящуюся к 50-м годам XX века? какие сведения из жизни автора могут помочь вам ответить на этот вопрос? [См.: 7]. Идейный посыл урока и самого рассказа тесно связан, как нам представляется, с истоками американского мультикультурализма, вернее, с зыбкой почвой, на которой он создавался – почвой расовой сегрегации, до сих пор размывающей паритетные основы американского общества. В урок не включено, в отличие от российских методик, сопоставление или сравнение текста афроамериканской писательницы с литературой, например, американского мейнстрима. Цель урока - вопросы межэтнической коммуникации, изживание расового антагонизма и возможность полноценного общения представителей различных рас. Художественный текст здесь является, скорее, социальной иллюстрацией изъянов межрасовой коммуникации и не работает, например, на взаимообогащение восприятия мейнстримовской «белой» и афроамериканской литератур.

При практическом отсутствии сопоставительного школьного изучения или соизучения литератур американских этносов, в стране в то же время идет большая работа по формированию кросс-культурной компетенции подрастающего поколения за счет знакомства с историческими, художественными (в том числе литературными) символами той или иной культуры. В частности, такую работу ведет университет Аризоны, который поддерживает сайт «Миры слов», предлагающий аннотированную библиографию для детей по теме «Русский язык и русская культура» [См.: 9]. Создатели списка не обозначили возрастные пределы читателей, к которым обращен список. В то же время интересен сам подбор книг, знакомящий американских школьников с национально-культурными особенностями русских. Среди них сказки «По щучьему веленью», «Гуси-лебеди», «Волк и лиса», «Колобок», «Конек-горбунок», «Петушок-золотой гребешок», «Сказка о жар-птице». Помимо произведений фольклора, представлены такие произведения для детей, как «Филиппок» Л. Толстого, «Нос» Н. Гоголя, «Багаж» С. Маршака, «Чучело» В. Железникова, «Телефон» К. Чуковского, «Дядя Фёдор» Э. Успенского, «Сталинский нос» Е. Ельчина. Последняя книга была написана в 2011 г. выходцем из СССР, художником Евгением Ельчиным. Книга вышла в свет в Нью-Йорке на английском языке, позднее была переведена на русский язык и издана в России. Е. Ельчин сам иллюстрировал историю о школьнике, живущем во времена сталинских репрессий. Главный герой повести, десятилетний Саша Зайчик, с шести лет мечтал стать пионером. Но за день до принятия его класса в пионеры среди ночи арестовывают его отца. Все, во что верил Саша, мгновенно рушится, его жизнь изменяется навсегда. Интересна дискуссия, развернувшаяся по поводу необходимости или, напротив, невозможности введения этого рассказа в российскую школьную программу, которая состоялась после выхода книги в Сахаровском центре [См.: 12]. Писатель Л. Рубинштейн, оправдывая востребованность книги, пишет в послесловии о том, что нет более надежных прививок от тяжких болезней, чем те, что прививаются в детстве. Мне-

ния иных читателей в Интернете полярно противоположны: купили бы весь тираж только для того, чтобы сжечь. Так или иначе, эта книга переведена на несколько языков, и по ней в сознании иностранцев создается прецедент восприятия русской истории и национальных черт русского народа.

Остановимся еще на одном роде деятельности американской высшей школы по формированию кросс-культурной компетенции в среде педагогов и студентов. Университет Северной Каролины на своем сайте (LEARN NC) размещает планы уроков, онлайн-учебники, мультимедиаресурсы, лучшие практики для методической поддержки преподавателей штата, включенных в процесс кросс-культурного обучения. В рамках университета существуют несколько центров по изучению национальных культур, в том числе центр изучения славянской культуры, который предлагает семинары, участие в работе клуба книголюбов, книги по российскому страноведению, свою фильмотеку. На медиаресурсе центра находится видеопрезентация так называемого «набора культуры» - ряда материальных объектов, которые, по мнению создателей ресурса, наиболее верно и всесторонне характеризуют культурологические особенности русских [См.: 1]. Перечислим предметы, входящие в этот «культурный набор»: павлово-посадский платок, матрешка, православный журнал, дневник школьника из Москвы, альбом по Третьяковской галерее, российский флаг, денежные купюры, проездной на метро, бутерброд с сыром и икрой, комсомольский значок, кукла в русской национальной одежде, тюбетейка, книги «Русские семьи», «Подростки в России», «100 удивительных городов России», набор восковых свечей, фантик от конфеты «Мишка косолапый», фото Ферапонтова монастыря, учебник математики для 1-го класса, газета КПРФ «Правда Москвы», историческое фото Большого театра, книга «Российская империя в портретах», открытка «Пётр и Февронния», старый советский паспорт, пакет гречневой каши, путеводитель по Крыму [См.: 2]. К каждому предмету есть пояснение. Помимо ознакомительных виртуальных презентаций, Центр славянской культуры предлагает студентам, интересующимся русской культурой, темы и проекты, связанные с русской литературой, одна из них - «Тайна и неопределенность в русской литературе». Также предлагаются проекты, связанные с осмыслением политической ситуации в современной России: среди прочих студенты могут выбрать тему «Сталин и после: СССР с 1929 по настоящее время».

Сопоставление российских и американских подходов приводит к выводу о том, что американская наука разрабатывает общепедагогические основы поликультурного образования, куда входят такие направления, как культурно-релевантная педагогика, культурно-релевантное обучение, разрабатывается педагогическое содержание кросс-культурной компетенции. Кроме этого, высшая школа в США успешно исполняет культуртрегерские функции, широко знакомя студентов с культурными и ментальными особенностями народов в глобальном масштабе. В российской науке большое место занимают целостные методические системы, развивающие кросс-культурную компетенцию в рамках конкретных школьных предметов, и в первую очередь литературы, которая обладает неограниченными возможностями по «расшифровыванию» культурных кодов «других» за счет самой природы художественного слова.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Carolina Navigators website / [Электронный ресурс] - URL: http://navigators.unc.edu/global-resource/ (дата обращения: 07.08.2017).
2. Carolina Navigators website / Culture kit/Russia / [Электронный ресурс] - URL: http://navigators.unc.edu/global-resource/russia/ (дата обращения: 07.08.2017).
3. Cushner K., Brennan Sh. Intercultural Student Teaching: A Bridge to Global Competence. - Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2007.
4. Delpit L. Educators as "Seed People" Growing a New Future // Educational Researcher. - 2006. - Vol. 32. - No. 7. - Pp. 14-21.

5. Kelly M. State Versus National Standards / [Электронный ресурс] - URL: https://www.thoughtco.com/state-versus-national-standards-7766 (дата обращения: 07.08.2017).
6. Ladson-Billings G. But that's just good teaching! The case for culturally relevant pedagogy // Theory into Practice. - 1995. - Vol. 34. - No. 3. - Pp. 159-165.
7. Lesson Plan "Breaking Barriers, Building Bridges: Critical Discussion of Social Issues" / [Электронный ресурс] - URL: http://www.readwritethink.org/classroom-resources/lesson-plans/breaking-barriers-building-bridges-86.html (дата обращения: 07.08.2017).
8. Newnann F., Marks H. Authentic Pedagogy and Student Performance // American Journal of Education. - 1996. - Vol. 104. - No.4. - Pp. 280-312.
9. Russian Language and Culture Kit Annotated Bibliography / [Электронный ресурс] - URL: http://wowlit.org/links/language-and-culture-resource-kits/russian-language-and-culture-kit-annotated-bibliography (дата обращения: 07.08.2017).
10. Seeberg V., Minick T. Enhancing Cross-cultural Competence // Multicultural Teacher Education Transformation in Global Learning International Journal of Multicultural Education. - 2012. - Vol. 14. - No. 3. - Pp. 1-22.
11. Гетманская Е.В. Сопоставительное изучение героических эпосов в 6-м классе / В книге: Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты / Отв. за выпуск М.И. Гомбоева, отв. ред. Г.Д. Ахметова, ред. колл.: О.Л. Абросимова, Н.Б. Анциферова, Г.Д. Ахметова, Л.В. Бутыльская, Л.В. Воронова, Т.В. Воронченко, М.И. Гомбоева и др. - 2012. - С. 94-96.
12. Презентация книги Евгения Ельчина «Сталинский нос» и круглый стол для родителей, педагогов, библиотекарей «Как говорить с детьми о сталинизме?» [Электронный ресурс] - URL: https://pgbooks.ru/books/book/7807/ (дата обращения: 07.08.2017).
13. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования (приказ Минобрнауки России от 17 мая 2012 г. № 413) [Электронный ресурс] - URL: http://минобрнауки.рф/документы/2365 (дата обращения: 07.08.2017).
14. Черкезова М.В. Русская литература в системе литературного образования в школах с русским (неродным) и родным (нерусским) языком обучения // Филология и ра. - 2011. - № 25. - С. 281-286.

REFERENCES

1. Carolina Navigators website. Available at: http://navigators.unc.edu/global-resource/ (accessed: 07.08.2017) (in English).
2. Carolina Navigators website/Culture kit/Russia. Available at: http://navigators.unc.edu/global-resource/russia/ (in English).
3. Cushner, Brennan 2007 — Cushner K., Brennan Sh. Intercultural Student Teaching: A Bridge to Global Competence. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2007 (in English).
4. Delpit 2006 — Delpit L. Educators as "Seed People" Growing a New Future. Educational Researcher. 2006. Vol. 32. No. 7. Pp.14-21 (in English).
5. Kelly M. State Versus National Standards Available at: https://www.thoughtco.com/state-versus-national-standards-7766 (in English).
6. Ladson-Billings 1995 — Ladson-Billings G. But that's just good teaching! The case for culturally relevant pedagogy. Theory into Practice. 1995. Vol. 34. No. 3. Pp. 159-165 (in English).
7. Lesson Plan «Breaking Barriers, Building Bridges: Critical Discussion of Social Issues». Available at: http://www.readwritethink.org/classroom-resources/lesson-plans/breaking-barriers-building-bridges-86.html (accessed: 07.08.2017) (in English).
8. Newnann, Marks 1996 — Newnann F., Marks H. Authentic Pedagogy and Student Performance. American Journal of Education. 1996. Vol. 104. No.4. Pp. 280-312 (in English).
9. Russian Language and Culture Kit Annotated Bibliography. Available at: http://wowlit.org/links/language-and-culture-resource-kits/russian-language-and-culture-kit-annotated-bibliography (accessed: 07.08.2017) (in English).

10. Seeberg, Minick 2012 — Seeberg V., Minick T. Enhancing Cross-cultural Competence. Multicultural Teacher Education Transformation in Global Learning International Journal of Multicultural Education 2012. Vol. 14. No. 3. Pp. 1-22 (in English).
11. Getmanskaya E.V. Sopostavitel'noe izuchenie geroicheskih eposov v 6-m klasse. [A comparative study of the heroic epic in 6 th grade]. V knige: Interpretaciya teksta: lingvisticheskii, literaturovedcheskii i metodicheskii aspekty Otvetstvennyi za vypusk M.I. Gomboeva, Otvetstvennyi redaktor G.D. Ahmetova, Redakcionnaya kollegiya: O.L. Abrosimova, N.B. Anciferova, G.D. Ahmetova, L.V. Butyl'skaya, L.V. Voronova, T.V. Voronchenko, M.I. Gomboeva i dr.. 2012. Pp. 94-96 (in Russian).
12. Prezentaciya knigi Evgeniya El'china «Stalinskii nos» i kruglyi stol dlya roditelei, pedagogov, bibliotekarei «Kak govorit' s det'mi o stalinizme?» breaking Stalin's nose. [The presentation of Eugene Elicin's book "Breaking Stalin's nose" and a round table for parents, teachers and librarians "How to talk with children about Stalinism?"]. Available at: https://pgbooks.ru/books/book/7807/ (accessed 7 August. 2017) (in Russian).
13. Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart srednego (polnogo) obshego obrazovaniya (prikaz Minobrnauki Rossii ot 17 maya 2012 g. No 413) [Federal state educational standard of secondary (complete) General education (Ministry of education of Russia from May 17, 2012 No 413]. Available at: http://минобрнауки.рф/документы/2365 (accessed 7 August 2017) (in Russian).
14. Cherkezova M.V. Russkaya literatura v sisteme literaturnogo obrazovaniya v shkolah s russkim (nerodnym) i rodnym (nerusskim) yazykom obucheniya. [Russian literature in the system of literary education in schools with Russian (nonnative) and native (non-Russian) learning language]. Filologiya i kul'tura. 2011. 25. Pp. 281-286 (in Russian).

Информация об авторе:

Гетманская Елена Валентиновна, доктор педагогических наук, профессор, кафедра методики преподавания литературы, Московский педагогический государственный университет,
г. Москва, Россия
getmel@mail.ru

Получена: 10.08.2017

Для цитирования: Гетманская Е.В. Компаративный анализ кросс-культурной компетенции как категории поликультурного образования. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 2. с.155-162.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-155-162.

Information about the author:

Elena v. Getmanskaya, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Methods of Teaching Literature, Moscow State Pedagogical University,
Moscow, Russia
getmel@mail.ru

Received: 10.08.2017

For citation: Getmanskaya E. V. Comparative analysis of cross-cultural competence as a category of multicultural education. Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 2. Pp. 155-162.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-155-162. (in Russian)

УДК 821.111 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-163-168

КРУПЕНИНА Мария Игоревна,
Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия
j.s.y.zero4@mail.ru

Maria I. KRUPENINA
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russia
j.s.y.zero4@mail.ru

МАГИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ В РОМАНЕ Ш. БРОНТЕ «ВИЛЛЕТ»: ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

MAGICAL PERCEPTION IN THE SH. BRÖNTE'S NOVEL «VILLETTE»: THE TRANSFORMATION OF REALITY

Целью статьи является выявление того, как автор достигает изображения действительности, используя элементы, связанные с определенными аспектами фантазийности и воображения. Эти элементы соответствуют потусторонности восприятия автора в романе и нацелены на модификацию действительности. В работе под потусторонним понимается все, что лежит за пределами рамок естественного восприятия реальности и того, что считается нормальным, образуя непривычность восприятия и включая элементы сверхъестественного. В романе представлена магическая тематическая форма потусторонности в повествовании, которая помогает выявить присутствие имплицитных смыслов. При помощи них изобличается не только очевидное представление реальности, но и функциональное отображение героев и построения сюжета. В данной статье слово «потусторонность» используется, чтобы указать на проявление аномалии в субъективном сознании, а также передать спектральный смысл, возникающий из сверхъестественного измерения действительности. В статье рассматривается проявление магической потусторонности, связанной с аллюзиями на создания, характеризующие сказочные и фольклорные традиции, включая магию и сверхъестественное, отсылки к иным магическим общностям, связанным с восточными сказками. Модификация, предпринятая фантазией и воображением автора, принимает форму трансформации человеческого мира и указывает на несоответствие с реальным и ощутимым, возможным по аналогии или контрасту, восприятием действительности.

The aim of the article is to comprehend how the author achieves an image of reality using the elements related to certain aspects of fantasy and imagination. These elements correspond to the preternatural perception of the author in the novel and are aimed at modifying reality. In the work under preternatural is understood everything that lies beyond the framework of the natural perception of reality and what is considered normal, forming an unusual perception and including elements of the supernatural. The novel presents a magical thematic form of preternatural in the narrative in order to reveal the presence of hidden meanings and episodes through which not the obvious representation of reality, the functional depiction of the characters and plotting are exposed. In this article, the word preternatural is used to indicate the manifestation of an anomaly in the subjective consciousness, and also to convey the spectral meaning arising from the supernatural dimension of reality. The article deals with the manifestation of magical preternatural associated with allusions to creatures that characterize fairy and folklore traditions, including magic and the supernatural; references to other magical communities associated with oriental tales. In this typology, the modification undertaken by the imagination and imagination of the author takes the form of human world's transformation and indicates a discrepancy with the real and tangible, by analogy or contrast, perception of reality.

Ключевые слова: мотив волшебства, магическая потусторонность, волшебная сказка, трансформация действительности, аналогия, контраст, «Виллет» («Городок»), Ш. Бронте.

Keywords: the motif of magic, the magical preternatural, the fairy tale, the transformation of reality, analogy, contrast, «Villet», Sh. Brönte

В викторианскую эпоху «вера в сказочных существ постепенно исчезает» (*belief in fairies is by no means extinct in England*) [6, с. 117]. Тем не менее в литературных произведениях этого периода довольно часто встречаются аллюзии на сказочных и сверхъестественных существ.

Например, в кульминации романа Э. Бронте «Wuthering Heights» («Грозовой перевал», 1847) герою, Локвуду, кажется, будто он видит привидение в облике Кэтрин, и герой и восклицает: «она должно быть подменыш - маленький бесенок» (*she must have been a changeling - a wicked little soul*) [4, с. 29], а Хитклиф описан как «помощник Сатаны» (*imp of Satan*) [4, с. 17]. В романе Ш. Бронте «Jane Eyre» («Джейн Эйр», 1847) один из персонажей, Э. Рочестер, в сердцах называет Джейн «подменышем» (*changeling*) [2, с. 438]. В ро-

мане Ч. Диккенса «Bleak House» («Холодный дом», 1853) герой, Барт, описан как «окрещенный волшебный Смоллуид» (*the elfish Smallweed, Christened*) [5, с. 203]. Так, обращение к волшебству, магии и колдовству знаменовали «беспокойство по поводу развития и трансформации детей, статуса женщин в замужестве и разводе, появления новых и незнакомых расовых групп, источников зла, сверхъестественного и естественного. Все это составляет актуальные проблемы викторианской аудитории, осведомленность о которых позволяет правильно прочесть и понять их смысл в викторианской культуре» (*concerns about change and growth in children, about the status of women in marriage and divorce, about the discovery of new and alien racial groups, and about the sources of evil, occult and natural, are all revealed in the lore the Victorians chose to emphasize and how they read and used it*) [1, с. 57]. Существование и распространение феномена волшебства в викторианскую эпоху дает возможность объяснить «внезапные смерти, исчезновения, мистические болезни или странное поведение» среди детей и взрослых (*explained sudden death, disappearance, mysterious illness, and eccentric and bizarre behaviour*) [8, с. 60].

В романе «Villette» («Городок», 1853) волшебство свойственно в основном образу женщины, которая тем самым лишена истинной идентичности. Миссис Уолрейвенс описана как ведьма, Дезире - как бесенок, а Полина - как фея. В работе «Woman and the Demon» [1] Н. Ауэрбах исследует данную тенденцию и отмечает, что именно волшебство в образе женщины «лишает ее стабильной человеческой идентичности в викторианском искусстве и культурном воображении» (*it denies woman a stable human identity and cultural imagination*) [1, с. 11].

Из всех героев романа только Люси Сноу связана с попыткой автора преломить эту сверхъестественную дихотомию и утвердить в ее образе человеческую идентичность. Если образ Полины служит в викторианском сознании образом идеальной женщины, то образ Люси - независимой индивидуальности, которая сразу же лишается ореола волшебства. Ведь, «согласно викторианским условностям воображения, женщины - всего лишь духовные субстанции, так как не существует никакой традиционной нормы женственности, женщина воспринимается как божественная или демоническая сущность, у которой нет дома на земле» (*According to its [the Victorian era's] governing imaginative convention, women exist only as spiritual extremes: there is no human norm of womanhood, for she has no home on earth, but only among divine and demonic essences. This imaginative scheme does not believe in human woman*) [1, с. 64]. Такое обращение к женщине как к божественной или демонической сущности знаменует «библейский порыв к новому мифу» (*the theological urge to inaugurate a new mythos*) [1, с. 105]. Следовательно, образ Полины свидетельствует о том, что сказка переросла в стереотип о сверхъестественности викторианской женщины. Согласно данному стереотипу такая женщина, как Полина, представлена феей - домашним ангелом: это идеализированный и эротизированный образ молодой девушки, которая существует как очаровательный объект мужского созерцания, но в которой и намека нет на нравственное начало, столь свойственное истинным ангелам. Д. Маас в книге «Victorian Fairy Painting» (1997) отмечает, что в викторианских произведениях искусства и литературы зачастую представлены сексуальные и не достигшие половой зрелости девушки [7, с. 17-18].

Об «ангельской» сущности девушки может свидетельствовать само ее имя Полина Хоум (Paulina Home), в переводе с английского языка - «домашняя». Напротив, фамилия Люси - Сноу (snow - «снег») изначально свидетельствует о ее холодности и отстраненности. Не удивительно, что Грэм Бреттон, будущий муж Полины, даже не пытается узнать и понять душу девушки, так как видит в ней лишь инфантильный и поэтому сексуальный объект, который в викторианскую эпоху воплощал в себе идеализированный образ женщины.

Так, именно образ девочки Полины впервые позволяет задуматься о присутствующей магии в повествовании. Все ее естество окружено ореолом волшебства. Она подобна фее, если исходить из данного автором описания. (Далее приводится наш перевод оригинала, который при необходимости соотносится с традиционным переводом Л. Орел и Е. Суриц, с учетом комментариев профессора Н.П. Михальской. См.: Бронте Ш. Городок. М.:

Академический проект, 2015. 588 с. Здесь же: Михальская Н.П. Шарлотта Бронте и ее роман «Городок». С. 3-18).

О волшебстве, о подобии фее свидетельствуют характерные сочетания «тихий голосок» [3, с. 3] (*a small voice*), «маленькая незнакомка» [3, с. 4] (*the small stranger*), «имя крохи» [3, с. 5] (*my little one's name*), «малюсенький шажочек» [3, там же] (*her small step*), «ее маленькое естество» [3, там же] (*her little person*), «ее миниатюрная ручка» [3, с. 7] (*her pigmy hand*), «ее малюсенькая фигурка» [3, с. 9] (*her tiny stature*), «маленькая неугомонная малышка» [3, с. 10] (*a little busy body*), «миниатюрная фигурка» [3, с. 11] (*her little figure*), «малютка» [3, с. 12] (*the little woman*), «маленький кулачок» [3, 15] (*a miniature fist*), «моя маленькая девочка» [3, с. 16] (*my little girl*), «маленькая чудачка» [3, с. 17] *(little character*), «послушная, несколько причудливая малышка» [3, с. 26] (*a docile, somewhat quaint little maiden*).

Впечатление о сверхъестественности Полины усиливается использованием местоимений «it/its» вместо «her/hers», что свидетельствует о том, что в повествовании она представлена как неземное существо: «крошечная ручка» [3, с. 4] (*its minute hand*), «творение» [3, там же] (*the creature*), «это существо» [3, с. 5] *(this being)*, «это маленькое существо» [3, с. 7] (*this little creature*), «малютка, как ты» [3, с. 12] (*a little thing like you*), «маленькое существо» [3, с. 16] (*the little creature*). Даже одежда и предметы домашнего обихода кажутся огромными по сравнению с малюткой Полиной: «ткань оказалась слишком тяжелой и большой для этих слабых ручек» (*the drapery was much too heavy and large to be sustained [...] by those hands and arms)* [3, с. 4]. В переводе Л. Орел и Е. Суриц: «шаль оказалась слишком тяжелой и громоздкой для этих слабых ручек»]; «щипцы для сахара казались слишком большими для ее маленьких ручек» [3, с. 10] (*The sugar tongs were too wide for one of her hands*). Из данного Полине описания становится очевидной ее подобие волшебной фее: «она выглядела как настоящая кукла» [3, с. 4] (*she looked a mere doll*), «как маленькая одалиска» [3, с. 23] (*like a little Odalisque*). Внешнему облику героини соответствует и ее эксцентричное поведение: «не похожа на ребенка» [3, с. 4] (*most unchildlike*), «такая маленькая, упорная и тихая» [3, с. 6] (*so small, busy and noiseless*), «привередливая малютка» [там же] (*a particular little body*), «смешная крошка» [там же] (*comical little thing*), «она вела себя очень тихо» [3, с. 9] (*she made wonderfully little noise).* Не лишен ее волшебный образ и зловещих свойств: в описании Люси «она [Полина. - *М.К.*] старела и, казалось, была не от мира сего» [3, с. 7] (*She seemed growing old and unearthly*); «когда я обращаюсь к Полине как к ребенку, я использую неуместное и непригодное понятие для описания этой тихого крошечного творения в траурном наряде с белой манишкой. Она была подобна большой кукле» [3, с. 11] (*When I say child I use an inappropriate and undescriptive term - a term suggesting any picture rather than that of the demure little person in a mourning frock and white chemisette, that might have fitted a good - sized doll*). Даже Грэм Бреттон утверждает, что «не знает никого, кто был бы так эксцентричен, как она» [3, с. 12] (*I cannot possibly be queerer than is your ladyship*), а своей матери говорит, что «убежден, что это существо не что иное, как подменыш - идеальное вместилище странностей» [3, с. 21] (*I believe that creature is a changeling: she is a perfect cabinet of oddities.* В переводе Л.Орел и Е.Суриц: «Мама, по-моему, нам ее подкинули эльфы, она - кладезь странностей…»). Несмотря на эксцентричность героини, ее образ «феи» имеет позитивную коннотацию для ее близкого окружения.

Напротив, образ мадам Бек наводит страх на ее окружение. Люси пишет, что «ее чары вызывали у жителей пансиона благоговение» [3, с. 60] (*the spell by which she struck a certain awe through the household*). Пансион мадам Бек, в который Люси устраивается работать как учительница, «был овеян волшебной дымкой» [3, с. 65] (*through the enchantment of distance*). В данном случае Люси описывает пансион волшебными понятиями, чтобы описать атмосферу шпионажа: «как будто по мановению волшебной палочки ко мне неожиданно подходила пансионерка, то появлялся кто-нибудь из учителей» [3, с. 73] (*a girl never came to my right hand but a teacher, as if by magic appeared on my left*).

Появление в пансионе доктора Джона также представлено как волшебное явление: «невозможно было объяснить его странный и сомнительный интерес и привязанность к

нашему полумонастырю, будто он был ведом неизвестной колдовской силой» [3, с. 86] (*the interest and attachment - all mixed up with doubt and strangeness, and inexplicably ruled by some preriding spell - which wedded him to this demiconvent*). Под «колдовскими чарами» имлицитно подразумевается любовь доктора Джона к Джиневре Фэншо. Не случайно полковник де Амаль называет ее «моя пери, моя чаровница» [3, с. 98] (*my Peri - my all-charming*), а Люси и вовсе думает, что у Джиневры волшебная судьба и «самый милосердный из всех добрых духов, охраняющих род человеческий, осенял ее крылом и склонялся над ее главой» [3, с. 142] (*the best of the good genii that guard curtained her with his wings, and canopied her head with his bending form*).

Сами герои обращаются к волшебным понятиям, чтобы выразить удивление или непривычность восприятия. Когда Люси просыпается в комнате крестной, она обращается к магическим понятиям, чтобы описать обстановку: «Казалось, во время бури ко мне простер свое темное крыло какой-то неизвестный дух, которому я не могла противостоять, и поднял меня [...] как по законам восточной сказки, он пролетел со мной над землей и океаном, а затем осторожно оставил меня у истоков старой Англии» [3, с. 150] (*Had a Genius stooped his dark wing down the storm to whose stress I had succumbed, and gathering me [...] as the eastern tale said, had he borne me over land and ocean, and laid me quietly down besides a hearth of Old English*).

Во втором эпизоде в концертном зале Люси описывает свою реакцию на увиденный в зале канделябр. В ее воображении он представлен как творение джинна из восточной сказки: «я бы даже не удивилась, если бы увидела, как огромная, темная, дымчатая рука восточного Джина из лампы парит в блестящем и полном ароматов воздухе купола, охраняя свое чудесное сокровище» [3, с. 188-189] (*it seemed the work of eastern genii I almost looked to see if a huge, dark, cloudy hand - that of the Slave of the lamp - were not hovering in lustrous and perfumed atmosphere of the cupola, guarding its wondrous treasure).*

Позитивная коннотация волшебства присутствует в описании Грэмом сна своей матери, который в его понимании - не иначе как отдых феи [3, с. 168] (*a fairy's dream*). Прибегая к аллюзиям на волшебство, Грэм, таким образом, выражает свою любовь к матери: «В таких случаях, матушка, вы всегда напоминаете мне Титанию» [там же] (*Mamma, under such circumstances, you always remind me of Titania).*

Мотив волшебства в романе имеет особое значение, так как служит средством соединения героев в магическом круг. Так, на протяжении всего повествования автор отмечает счастливую судьбу Грэма и Полины: «вы созданы друг для друга, вы друг друга дополняете. Не думаю, что блаженная юность обоих - предвестник грядущих невзгод» [3, с. 343] (*in all that mutually concerns you and Graham there seems to be promie, plan, harmony*). У Люси все обстоит иначе: она исключена из магического круга. Принимая ухаживания мистера Поля, она неустанно напоминает себе о том, что «многие мужчины и еще больше женщин влачат свое земное существование в лишениях и тяготах. Отчего же я должна войти в круг избранных?» [3, с. 329] *(I see that a great many men, and more women, hold their span of life on conditions of denial and, privations, I find no reason why I should be of the few favoured).* Однако и Люси изредка попадает в магический круг. Первый эпизод - письмо от Грэма: «я вернулась в аудиторию и почувствовала, будто сказка стала явью» [3, с. 217] (*I returned to class, feeling as if fairy tales were true*). Во втором эпизоде учительница немецкого языка Анна Браун уподобляет Полину и Люси: «в ее глазах они были немыслимыми, сверкающими звездами, гордыми, холодными, невиданными» [3, с. 276] (*a pair of glacial prodigies, cold, proud, and preternatural).* Люси погружается в магический круг и при общении с теми, кто уже в нем состоит. Например, она отмечает, что, общаясь с Грэмом, в ее душе появляется место «вроде шатра Пери-Бану» [3, с. 417] (*It was like the tent of Peri-Banou*).

Очевидно, что отдаление Люси от магического круга свидетельствует о манипуляции - типичном приеме мужчин использовать магические слова для выражения своей любви. Однако при описании мистера Поля именно Люси обращается к волшебным понятиям, что указывает на растущую к нему любовь: «работа домового» [3, с. 312] (*the brownie's work),* «подарки домового» [1, с. 315] (*brownie's gifts);* «доброжелательное, курящее

сигары привидение [3, с. 312] (*the freakish, friendly cigar- loving phantom*); «странный помощник эльфа» [3, с. 313] (*strange elfin ally).*

Если ряд номинаций «фея/ангел» имеет позитивное значение, то единицы «гоблин/ведьма» - негативное. Соответственно, Джон, реагируя на описание Люси одеяния увиденной ими монахини, восклицает: «Неполадки в ведьминой оснастке»! [3, с. 228] (*Confusion to her goblin trappings*). Демонизм сопутствует образу миссис Уолрейвенс. Услышав однажды, как старая леди спускается с лестницы, Люси не могла понять, было ли «это живое существо» [3, с. 354] (*was it actual substance*). Разглядев ее, Люси отмечает, что «здесь царят колдовские чары; как по волшебству я оказалась в заколдованной темнице и увидела арку, сводчатый переход и каменный трон. А во главе трона стояла главная зачинщица всего колдовства - ведьма Кунигунда или злая волшебница Малеволия» [3, с. 354] (*enchantment here prevailed, a spell had for me elfland that like room, that arch and passage and stair of stone, were all parts of a fairy tale. Distincter even that scenic details stood the chief figure - Cunegonde, the sorceness malevola the evil fairy).* Сам вид и образ леди свидетельствует о ее подобии ведьме: «она была примерно три фута ростом, но тело ее было абсолютно бесформенным; ее костлявые руки покоились одна на другой и сжимали золотой набалдашник посоха из слоновой кости» [3, с. 354] (*she might be three feet high, but she had no shape; her skinny hands rested upon each other, and pressed the knob of a wand - like ivory staff).* Ее образу соответствуют и погодные условия, сопровождающие ее появление в романе. Она чувствовала себя, как «заблудший в заколдованный замок путник в тот самый момент, когда снаружи раздался раскат начинающейся магической бури» [3, с. 354] *(The wanderer, decoyed into the enchanted castle, heard rising, outside, the spell wakend tempest).*

Демонической сущности миссис Уолрейвенс противопоставлена ангельская сущность Полины. Когда она вновь появляется в повествовании, будучи взрослой девушкой, автор по-прежнему обращает внимание читателя на ее маленький рост и детское личико. Не меняется и обращение к ней на «it/thing»: «она была в белом [3, с. 250] (*it wore white*); «воздушная, сказочная фея» [там же] (*an airy, fairy thing*). Наоборот, отсылки к сказочности становятся все более частыми: «краса шотландских гор» [3, с. 255] (*highland fairy*), «танец феи» [3, с. 256] (*fairy's dance*).

В романе подчеркивается, что она также является создательницей волшебства. Например, ее отец отмечает, что она способна сотворить вокруг себя магический круг: «у вас посреди кухни вскоре появится зеленый круг. Престранная малышка! Уж она всех очарует!» [3, с. 255] (*here will be a green ring growing up in the middle of your kitchen shortly; for her being quite canny; she is a strange little mortal*). Так, Полина очаровывает всех мужчин на вечере миссис Бреттон и завлекает их в свой магический круг. Эпизод с созданием Полиной амулета для примирения отца и Грэма также свидетельствует о волшебном образе девушки. Она сматывает локоны волос двух мужчин в косу и вплетает в нее свои волосы, после чего помещает их в амулет. Люси отмечает, что «ее амулет отгонял злых духов. Она связала их и представляла собой источник их согласия» [3, с. 397] (*an amulet was indeed made, a spell framed which rendered enmity impossible. She was become a bond to both, an influence over each, a mutual concord).*

Не лишено повествование и ключевого события волшебной сказки - испытания. Таким испытанием для Люси является эпизод в парке, когда ее охватывает «внезапность волшебства» [3, с. 412] (*the suddenness of magic*). Одна из причин магического восприятия Люси - объективна. Ее перцепция оправдана произошедшими переменами в парке по причине празднества: «великолепный сад, долина, усеянная сверкающими метеорами, леса украшенные драгоценными камнями, золотыми и красными огоньками» [3, с. 412] (*a garden most gorgeous, a plain sprinkled with coloured meteors, a forest of sparks of purple and ruby and golden fire gemmings*).

Вторая причина - субъективна. Под влиянием снотворного, которое миссис Бек обманным маневром заставила принять Люси, ее восприятие искажается. Увидев Полину на расстоянии вытянутой руки, она думает, что перед ней - «фея» [3, с. 415] (*a fairy queen*). Напротив, дочь мадам Бек - Дезире - представляется ей как бесенок [3, с. 418] (*an imp),* а мадам Уолрейвенс выглядит «как исчадие ада» [там же] (*more witchlike than ever*). О маги-

ческом восприятии Люси свидетельствует и свойство внезапного появления и исчезновения героев, как в случае с семьей Бреттон и Бассомпьер: «я потеряла их из виду, или же они исчезли как привидения» [3, с. 413] (*I lost sight of the party [...] or rather, they vanished like a group of apparitions*). Магическое восприятие Люси завершается ее возвращением в пансион. Когда она открывает дверь, ей кажется, будто какой-то благосклонный дух ждал ее у двери [3, с. 428] (*as if some propitious genius had waited on a sesame*). Следовательно, модификация, предпринятая фантазией и воображением автора, принимает форму трансформации человеческого мира и указывает на несоответствие с реальным восприятием действительности.

Таким образом, мотив волшебства выполняет в романе различные функции. Он выражает актуальные проблемы викторианской аудитории, такие как трудность определения истинной идентичности женщины и статуса ребенка, понимание зла и его источников - сверхъестественных или естественных. Проецирование сказочных характеристик в героев позволяет воссоздать стереотипные викторианские образы, которые резко контрастируют с образами «живых» индивидуальностей, таких как, например, Люси Сноу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Auerbach N. Woman and the Demon: The Life of a Victorian Myth. - Boston: Harvard University Press, 1982. - 255 p.
2. Brontë Ch. Jane Eyre. - NY: Oxford University Press, 2008. - 488 p.
3. Brontë Ch. Villette. - London: Smith, Elder & Co., 1869. - 478 p.
4. Brontë E. Wuthering Heights - Literary Touchstone Edition. - NY: Prestwick House, 2005. - 312 p.
5. Dickens Ch. Bleak House. Vol. I. - London: Bradbury and Evans, 1853. - 624 p.
6. Knightley T. The Fairy Mythology, Illustrative of the Romance and Superstition of various Countries. - London: H.G. Bohn, 1850. - 560 p.
7. Maas J. Victorian Fairy Painting. - Iowa: University of Iowa, 1997. - 160 p.
8. Silver C. Strange and Secret Peoples: Fairies and Victorian Consciousness. - NY: Oxford University Press, 1998. - 288 p.

Информация об авторе:

Крупенина Мария Игоревна , преподаватель, кафедра «Теория и практика английского языка», Московский авиационный институт, аспирант, кафедра литературы, Московский государственный лингвистический университет
j.s.y.zero4@mail.ru

Получена: 15.04.2017

Для цитирования: Крупенина М.И. Магическое восприятие в романе Ш. Бронте «Виллет»: трансформация действительности. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 2. с.-163-168.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-163-168.

Information about the author:

Maria I. Krupenina, Lecturer, Department I-01 “Theory and Practice of English Language”, Moscow Aviation Institute (National Research University), Postgraduate Student, Department of Literature, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
j.s.y.zero4@mail.ru

Received: 15.04.2017

For citation: Krupenina M. I. Magical perception in the SH. Brönte’s novel «Villette»: the transformation of reality. Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 2. Pp. -163-168.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-163-168. (in Russian)

УДК 37.02

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-169-176

НИКИФОРОВА Евдокия Павловна
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
г. Якутск, Россия
monep@mail.ru

Evdokia P. NIKIFOROVA
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russia

БОРИСОВА Лена Павловна
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
г. Якутск, Россия
lebor99@mail.ru

Lena P. BORISOVA
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russia

ЭВЕРСТОВА Анна Ильинична
Урицкая средняя общеобразовательная школа
Республика Саха (Якутия), с. Урицкое, Россия
bole99@list.ru

Anna I. EVERSTOVA
"Uritsky High Comprehensive School" of Municipal Territory "Olyokma District" of the Republic of Sakha (Yakutia)
Uritskoye Village, Russia

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЯКУТСКОЙ ШКОЛЕ

В статье рассматриваются вопросы применения на уроках русского языка технологии критического мышления. Систематическое использование данной технологии способствует повышению качества обучения русскому языку учащихся якутских школ. На основе изучения и анализа методических и педагогических исследований обосновывается целесообразность применения технологии критического мышления на уроках русского языка. Данная технология развивает мыслительную и речевую деятельность учащихся и способствует их активному включению в учебно-познавательный процесс. В этом исследовании применены методы анализа, сравнения и анкетирования, обобщения лучших практик учителей русского языка и литературы, выявлены трудности организации по использованию технологии критического мышления, типичные ошибки учащихся. На основе квалитативных и квантитативных методов исследования предлагается система работы по развитию связной русской речи учащихся якутской школы на уроках русского языка с учетом интерферирующего влияния родного языка. Обоснована эффективность использования данной технологии в формировании предметных, метапредметных и личностных результатов обучающихся, в организации индивидуальной и коллективной деятельности. Уроки с использованием данной технологии учат школьников рассуждать, анализировать, спорить, аргументировать, убеждать, доказывать и систематизировать.

Ключевые слова: технология критического мышления, рефлексия, активизация речевой деятельности, исследовательские навыки, коммуникативные универсальные учебные действия

THE USE OF CRITICAL THINKING TECHNOLOGY AT THE LESSONS OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE YAKUT SCHOOL

In article questions of application at lessons of Russian oof critical thinking technology are considered. Systematic use of this technology promotes improvement of quality of training in Russian of pupils of the Yakut schools. On the basis of studying and the analysis of methodical and pedagogical researches the expediency of use of technology of critical thinking at Russian lessons is proved. This technology develops cogitative and speech activity of pupils and promotes their active inclusion in educational and informative process. In this research methods of the analysis, comparison and questioning, generalization of the best the practician of teachers of Russian and literature are applied, difficulties of the organization for use of technology of critical thinking, typical mistakes of pupils are revealed. On a basis the qualitative and quantitative methods of a research is offered the system of work on development of the coherent Russian speech of pupils of the Yakut school at Russian lessons taking into account interfering influence of the native language. The efficiency of use of this technology in formation of subject, metasubject and personal results of students, in the organization of individual and collective activity is proved. Lessons with use of this technology teach school students to argue, analyze, argue, reason, to convince, prove and systematize.

Keywords: critical thinking technology, reflection, activization of speech activity, research skills, communicative universal educational actions

Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем выступлении на заседании Государственного совета определил пути совершенствования системы общего образования. Он отметил, что в современном образовательном пространстве должны учитываться тенденции глобального развития технологий и переход к новому технологическому укладу, школа должна идти в ногу со временем, а где-то и опережать его, чтобы готовить обучающихся к динамичной, быстроменяющейся жизни, учить их овладевать новыми знаниями и умениями, свободно и творчески мыслить. Современное общество ставит перед образованием требование - формировать личность интеллектуальную, творческую, ответственную и способную принимать конструктивные и взвешенные решения в различных жизненных ситуациях. Такая личность должна быть готовой обучаться на протяжении всей жизни [1].

В связи с принятием закона «Об образовании в Российской Федерации», реализацией Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования изменилась парадигма образования. В новых условиях активное внедрение электронных учебно-методических комплексов, интерактивных средств обучения в школьную среду способствует повышению интереса к инновационным методам и технологиям. Современный урок характеризуется переходом от информационно-иллюстративной к деятельностно-развивающей технологии обучения. Компетентностный и метапредметный подходы стали основными в образовательной деятельности. Обучающийся становится субъектом образовательного процесса. Индивидуальный образовательный маршрут, дифференциация, внедрение инновационных методов и новых технологий становятся основными требованиями современного образовательного процесса. Системно-деятельностный подход в обучении русскому языку предполагает использование современных образовательных технологий. Одна из них, технология критического мышления, позволяет решать широкий спектр образовательных задач: обучающих, воспитательных и развивающих.

Компетентностный подход в образовании предполагает трансформацию образовательного процесса. Применение технологии критического мышления позволяет формировать и развивать такие навыки, как самоконтроль, умение прогнозировать результаты, устанавливать причинно-следственные связи, находить решения из множества предложенных сценариев.

Технология критического мышления долгое время не применялась учителями-словесниками, так как недостаточно была разработана методика ее использования на уроках русского языка. Между тем развитие критического мышления стимулирует умственную активность обучающихся, побуждает к высказыванию своего мнения, взгляда на обсуждаемую проблему, развивает мыслительную и речевую деятельность. Основной принцип технологии заключается в том, что обучающиеся должны научиться самостоятельно добывать знания и развивать такие компетенции, как самоконтроль, умение прогнозировать результаты, устанавливать причинно-следственные связи, находить правильные решения из множества предложенных вариантов. Критическое мышление отличается от других видов мыслительной деятельности тем, что оно определяется умением дифференцировать неверное от правильного, доказывать и опровергать мнения, с которыми ученик не согласен. Технология критического мышления - это один из видов интеллектуальной деятельности человека, который характеризуется высоким уровнем восприятия, понимания, объективности подхода к окружающему его информационному полю [2, с. 156]. Как показывают данные экспериментальной работы, проведенной в разные годы авторами статьи в образовательных организациях республики, обучающиеся не умеют анализировать, обобщать, высказывать аргументированно свою точку зрения, затрудняются участвовать в дискуссиях.

Исследованием данной проблемы впервые начали заниматься в США К. Мередит и Дж. Стил. затем Д. Халперн, К.К. Фостер. Из отечественных исследователей данным вопросам посвящены труды А.В. Бутенко, Е.Е. Вишняковой, Л.С. Выготского, И.О. Загашева,

С.И. Заир-Бека, С.В. Карпачева, А.В. Коржуева, М.И. Махмутова, И.А. Медведевой, И.В. Мокраусова, И.В. Муштавинской, А.И. Павлова и других. Данная проблема в нашей стране стала активно исследоваться в 80-е годы прошлого столетия.

В настоящее время благодаря теоретическим и практическим исследованиям этих ученых технология критического мышления успешно применяется учителями не только на уроках русского языка и литературы, но и в других предметных областях. Понятие «критическое мышление» не является синонимом понятия «критика». Как правило, оно ассоциируется с негативными эмоциями, отрицанием, но на самом деле это, прежде всего, оценка результатов своих действий, выбор верного решения поставленных целей и задач, это умение корректировать и совершенствовать сказанное и написанное, критически осмысливать происходящие процессы. Разрабатывая данную проблему, мы провели эксперимент среди обучающихся средней общеобразовательной школы № 17 г. Якутска и Урицкой СОШ Олекминского района Республики Саха (Якутия). В нем приняли участие 67 пятиклассников. Учащимся было дано задание: «Объясните, что такое "критическое мышление"». Данное задание учащиеся выполнили следующим образом: в экспериментальном классе 89% школьников считают, что это понятие связано с критикой, 11% написали, что оно связано с умением рассуждать, спорить. В контрольном классе 93% учащихся связали это понятие с такими явлениями, как критика, несогласие, осуждение, 5% участников анкетирования предположили, что понятие связано с умением обсуждать разные темы, а 2% обучающихся не смогли ответить на поставленный вопрос.

На наш взгляд, в раскрытии сути рассматриваемого вопроса заслуживает внимания мнение С.И. Заир-Бека: «Критическое мышление учит активно действовать и помогает понять, как надо поступать в соответствии с полученной информацией. При этом нужны умения обсуждать, взаимодействовать с другими людьми (причем не только спорить, но и находить точки соприкосновения). Когда мы мыслим критически, задействованы не только разум, но и эмоции и чувства. Итог - критическое мышление учит способам активных действий, в том числе и социально значимых» [3, с. 5]. Следовательно, систематическое применение этой технологии позволяет повысить активность, самостоятельность и творческий потенциал учащихся. Важно то, что на уроке ученики становятся главными действующими лицами, происходит процесс сотворчества и сотрудничества учителя с учениками. Их объединяет общая цель урока, коллективный творческий поиск в решении поставленных задач. Главная цель технологии критического мышления - развитие интеллектуальных способностей обучающихся, позволяющих им научиться учиться и найти свой собственный образовательный путь при решении конкретных задач. Эта технология имеет следующую базовую структуру, которая состоит из трех стадий: вызова, осмысления содержания и рефлексии. Каждая стадия имеет свои конкретные цели и задачи, а также набор присущих приемов. На таких уроках ученики самостоятельно формулируют цели урока, ставят задачи, создают проблемные ситуации, приближенные к реальной жизни, что позволяет развивать коммуникабельность, самостоятельность, творчество. Критическое мышление - открытое рефлексивное оценочное мышление. При помощи этой технологии развивается вдумчивое отношение к изучаемому материалу. Умение рассматривать различные точки зрения на явления позволяет школьникам не только внимательно изучать учебный языковой материал, но и развивает их связную устную и письменную речь, что очень важно для учащихся-билингвов. Развитие критического мышления позволяет повысить интерес к изучаемому предмету, приобрести способности к самореализации и дальнейшему самообразованию. Следовательно, эта технология направлена на реализацию принципов системно-деятельностного обучения.

Уроки с использованием технологии критического мышления кардинально отличаются от традиционных уроков. На таких уроках школьники учатся рассуждать, анализировать, спорить, аргументировать, убеждать, доказывать и систематизировать. Это очень важные качества, способствующие развитию инициативы, самостоятельности, исследовательских навыков. Применение данной технологии на уроках русского языка и

литературы позволяет развивать такие умения, как прислушиваться к мнению других участников образовательного процесса, высказывать свою точку зрения, работать в коллективе. Способности, которые развиваются с помощью технологии критического мышления, позволяют школьникам не только глубоко изучать учебный материал, но и на основе сформированных компетенций продуцировать собственное мнение. Применение данной технологии на уроках русского языка позволяет обогащать речь учащихся, которая должна отвечать таким критериям литературной русской речи, как содержательность, логика, точность, богатство языковых средств, их разнообразие, ясность, выразительность и правильность. Развитие навыков критического мышления позволяет повысить интерес к русскому языку, способствует формированию познавательных, регулятивных и коммуникативных универсальных учебных действий.

На наш взгляд, технология критического мышления может быть широко применена в системе неформального образования. По мнению Е.П. Никифоровой и Л.П. Борисовой, система дополнительного образования является одним из социальных институтов, который обеспечивает развитие индивидуальных способностей учащихся. В этой системе кроется огромный потенциал развития личности. В целях повышения качества обучения русскому языку и литературе необходимо систематически проводить дискуссионные площадки, круглые столы [4, с. 152]. Главным условием таких форм работы является постоянное вовлечение учащихся в различные виды деятельности, в которых они критически оценивают, анализируют получаемую информацию. При этом важен не ответ, а сам процесс поиска, исследования. Такие активные формы работы, как дебаты, мозговой штурм, виртуальное обсуждение, способствуют формированию культуры критического мышления у школьников. При этом важно помнить о том, что мышление может быть критическим, если оно носит индивидуальный характер, так как ученик высказывает свое мнение, независимо от других. Ценность применения данной технологии заключается в том, что ученик самостоятельно перерабатывает большой объем информационного материала, ставит вопросы, отвечает на них, опровергает, если считает не совсем убедительными, ищет аргументы, выстраивает свою точку зрения, которая иногда может быть и неправильной. Ученик выстраивает свою мыслительную деятельность по такому алгоритму: актуализирует цель, ищет нужную информацию, сопоставляет ее с имеющимися знаниями, своим небольшим опытом; рассуждает; во время обсуждения проблемы сверяет свою точку зрения с другими участниками образовательного процесса; делает выводы. В результате такой мыслительной деятельности та информация, которая была новой, неизвестной, превращается в собственные знания.

Использование на уроках технологии критического мышления имеет большое воспитательное значение. Она развивает в учащихся уверенность, готовность вступать в полемику, учит уважительно относиться к мнению других. И.В. Муштавинская отмечает, что органичное включение данной технологии в систему школьного образования дает возможность личностного роста, ведь такая работа обращена прежде всего к школьнику, к его индивидуальности [5, с. 19].

Исследуя данную проблему, мы проанализировали действующий учебник по русскому языку для 5-го класса под редакцией Т.А. Ладыженской, М.Т. Баранова, Л.А. Тростенцовой и др., включенный в федеральный перечень учебников, рекомендованных Министерством образования и науки Российской Федерации. В учебнике представлено 732 упражнения. Многие из них направлены на развитие познавательных и коммуникативных универсальных учебных действий, приводятся интересные дидактические материалы, тексты различных стилей и типов, несущих воспитательную роль. Анализ учебника с точки зрения исследуемой проблемы показал, что в нем 18% упражнений и заданий, которые способствуют развитию критического мышления. Учителям необходимо, опираясь на систему упражнений и заданий, представленных в учебнике, организовать исследовательскую и проектную деятельность, работу в парах, которая будет способствовать формированию регулятивных УУД, навыков планирования, самоконтроля и самооценки.

Опыт учителей русского языка и литературы Атамайской СОШ Горного улуса, средней общеобразовательной школы № 17 г. Якутска, Чурапчинской СОШ Чурапчинского улуса, Урицкой СОШ Олекминского района, которые в своей педагогической деятельности систематически применяют технологию критического мышления, утверждает, что она способствует формированию предметных, метапредметных и личностных результатов обучающихся, организации индивидуальной и коллективной деятельности. Разнообразие методов и приемов, которые включает технология критического мышления, способствует нестандартности и результативности уроков, так как в их организации и проведении учащиеся принимают активное участие. На таких уроках учитель становится организатором и координатором учебной деятельности обучающихся. У учеников, по мнению учителей, активизируется мыслительная деятельность, учащиеся начинают анализировать ранее приобретенные знания, у них развивается память и внимание. В целях выявления трудностей, с которыми встречаются учителя русского языка и литературы при проведении уроков с применением технологии критического мышления, мы провели анкетирование. Участвовавшие в нем учителя отметили, что применение данной технологии требует нестандартных подходов, при подготовке к урокам тратится много времени, не хватает методических разработок, описаний опыта проведения таких уроков учителями-словесниками.

Приведем некоторые упражнения, которые были использованы на уроках русского языка при изучении темы «Глагол» в 5-м классе. Технология критического мышления включает три стадии: вызова, осмысления содержания и рефлексии. На стадии вызова для актуализации темы «Глагол» было дано задание: *«Сгруппируйте данные словосочетания в два столбика - слитно и раздельно».* Например: (не)знаю, что написать, он (не)торопится в школу, (не)навидеть ложь, сразу (не)взлюбила, тете (не)здоровилось, друг (не)годовал, (не)увидел его. Учащиеся допустили ошибки в написании слов *нездоровилось, негодовал.* Эти слова они написали в колонке *раздельно,* поэтому нами была проведена работа по закреплению темы «Написание частицы *не* с глаголами». С заданием *«Докажите, почему в первой колонке слова пишутся слитно, а во второй - раздельно»* справились не все учащиеся. На уроке была создана проблемная ситуация, в ходе которой учащиеся поставили цель: «Сегодня я должен научиться правильно писать частицу *не* с глаголами». Таким образом, они сформулировали тему урока.

На стадии осмысления содержания урока учащимся была предложена таблица «Знаю - Хочу узнать - Узнал».

Таблица

Знаю	**Хочу узнать**	**Узнал**
Не с глаголами пишется раздельно	Когда глагол пишется слитно?	Есть глаголы-исключения, которые без *не* не употребляются

На стадии осмысления учащиеся записали глаголы в два столбика: *совершенный и несовершенный вид.* Затем, используя эти глаголы, составили тексты различных типов и стилей. Прежде чем самостоятельно составлять тексты по заданной теме, учащиеся систематизировали изученный материал, сначала в черновиках составили тексты, а затем коллективно поработали над их редактированием.

Колонку «Узнал» учащиеся заполнили на стадии рефлексии. На этой стадии учащиеся выполнили следующее задание: *«Продолжите фразу ...».* (Сегодня на уроке я узнал ..; На уроке мне было сложно .., потому что ..; На уроке мне было легко (интересно) ..; На уроке мне было все непонятно, потому что… На этом этапе урока школьники систематизируют изученный материал и обобщают пройденную тему.

Приведем наиболее используемые эффективные приемы, которые способствуют развитию критического мышления.

Прием «*Знаю - Хочу узнать - Узнал*». Учащимся предлагается текст. До знакомства с ним обучающиеся самостоятельно заполняют столбики «*Знаю*», «*Хочу узнать*». В процессе работы над текстом или обсуждения прочитанного учащиеся заполняют графу «*Узнал*». При подведении итогов, сопоставляя содержания граф, дополнительно можно предложить еще и другие графы: «*Источники информации*», «*Что осталось непонятным, не раскрытым*».

Следующий прием «*Верно - неверно*». На доске (на карточках) по изучаемой новой теме учащиеся записывают верные и неверные утверждения. При выполнении задания учащиеся ставят знаки «+» и «-».

Прием «*Перепутанные логические цепочки*». Учитель на карточках записывает последовательность разбора слова по составу с ошибками. Задача учащихся - найти эти ошибки и придумать самим такого рода задания.

Большой интерес у учащихся вызывает прием *«Деформированный текст»*. Учитель с учащимися заранее готовит тексты, где переставлены слова, предложения, абзацы. Учащиеся делятся на подгруппы и восстанавливают тексты, применяя правила орфографии, пунктуации, порядка слов в русском языке, соблюдая логику построения текста, а затем выполненные задания проверяют друг у друга. Учитель им только помогает и направляет их.

В последнее время на уроках русского языка учителя часто используют *«Синквейны»*, стихотворения, состоящие из пяти строк. Этот прием развивает способность учащихся резюмировать информацию, излагать мысли кратко и емко. Обычно синквейн используется на стадии рефлексии. Приведем правила написания синквейна: первая строка представляет тему стихотворения, которая выражается одним словом и это обычно имя существительное; во второй строке тема раскрывается в двух словах, как правило, именами прилагательными; в третьей - описываются действия в рамках этой темы тремя словами, обычно глаголами; четвертая строка - это, как правило, фраза, состоящая из четырех слов и выражающая отношение автора к данной теме; пятая строка состоит из одного слова, которое является синонимом первого и на эмоционально-образном уровне повторяет суть темы. Учащиеся обычно учатся писать такие стихотворения коллективно, тщательно подбирая лексику и следуя канонам синквейна.

На наш взгляд, на уроках полезно практиковать прием *самоанализа.* Работая над ним, учащимся можно предложить следующее задание: *«Аргументируйте свой ответ.* 1) На уроке я работал активно / пассивно. 2) Я доволен / не доволен своей работой на уроке. 3) Материал урока мне был интересен / понятен / скучен и т.д.» Такие задания требуют развернутых ответов, учат анализировать и без стеснения высказывать свое мнение. Применение таких активных форм обучения у учащихся формирует умение задавать вопросы, спрашивать то, что им непонятно. Они находятся в постоянном поиске ответов на заданные вопросы и обсуждаемые темы, учатся работать с различными источниками. У учащихся развиваются умения классифицировать, обобщать и систематизировать, делать обоснованные выводы. Эффективность технологии критического мышления заключается в том, что она позволяет развивать умственные и интеллектуальные способности учащихся, способствует созданию условий для формирования мыслящих людей, способных компетентно оценивать мнения своих собеседников, сопоставляя их со своей точкой зрения и собственным жизненным опытом. Систематическое применение технологии критического мышления на уроках русского языка может стать одним из механизмов реализации системно-деятельностного подхода в обучении, поскольку ее трехстадийная структура обеспечивает формирование когнитивных, коммуникативных и рефлексивных умений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Путин В.В. Заседание Госсовета по вопросам совершенствования системы общего образования / [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/51001 (дата обращения: 04.03.2017).
2. Полат Е.С., Бухаркина М.Ю., Моисеева М.В. и др. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. - 4-е изд., стер. - М.: Академия, 2009. - 272 с.
3. Заир-Бек С.И. Развитие критического мышления на уроке: Пособие для общеобраз. учреждений / С.И. Заир-Бек, И.В. Муштавинская. - 2-е изд., дораб. - М.: Просвещение, 2011. - 223 с.: ил. - (Работаем по новым стандартам).
4. Никифорова Е.П, Борисова Л.П., Шадрина С.Н. Проблемы преподавания русского языка в поликультурной среде // Историческая и социально-образовательная мысль. - Краснодар, 2016. - Т. 8. - № 4/1. - С. 148-155.
5. Муштавинская И.В. Технология критического мышления на уроке и в системе подготовки учителя. - СПб.: КАРО, 2009. - 209 с.

REFERENCES

1. Putin V.V. Zasedanie Gossoveta po voprosam sovershenstvovaniya sistemy obshchego obrazovaniya. [Meeting of the State Council concerning improvement of system of the general education]. Available at: http://www.kremlin.ru/events/president/news/51001 (accessed 04.03.2017). (in Russ.).
2. Polat E.S., Bukharkina M.Yu., Moiseeva M.V. i dr. Novye pedagogicheskie i informatsionnye tekhnologii v sisteme obrazovaniya. [New pedagogical and information technologies in an education system]. 4 izd. Ster. M.: Akademiya, 2009. 272 p. (in Russ.).
3. Zair-Bek S.I. Razvitie kriticheskogo myshleniya na uroke: posobie dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy. [Development of critical thinking at a lesson: a grant for educational institutions]. S.I. Zair-Bek, I.V. Mushtavinskaya. 2-e izd. dorab. M.: Prosveshchenie, 2011. 223 p.: il. (Rabotaem po novym standartam). (in Russ.).
4. Nikiforova E.P, Borisova L.P., Shadrina S.N. Problemy prepodavaniya russkogo yazyka v polikul'turnoy srede. [Problems of russian language teaching in a multicultural environment]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. T. 8 4/1. Krasnodar, 2016.pp. 148-155. (in Russ.).
5. Mushtavinskaya I.V. Tekhnologiya kriticheskogo myshleniya na uroke i v sisteme podgotovki uchitelya. [Technology of critical thinking at a lesson and in the system of training of the teacher]. Spb.: KARO, 2009. 209 p. (in Russ.).

Информация об авторах:

Никифорова Евдокия Павловна, заведующая кафедрой методики преподавания русского языка и литературы, филологический факультет, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Россия
monep@mail.ru

Борисова Лена Павловна, доцент кафедры начального образования, педагогический институт, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Россия
lebor99@mail.ru

Эверстова Анна Ильинична, учитель русского языка и литературы, Урицкая средняя общеоб-

Information about the authors:

Evdokia P. Nikiforova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Russian Language and Literature Teaching Methodic,
Faculty of Philology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Yakutsk, Russia
monep@mail.ru

Lena P. Borisova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Elementary Education, Education Institute, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
Yakutsk, Russia
lebor99@mail.ru

Anna I. Everstova, Teacher of Russian Language and Literature, Municipal Budget Educational Insti-

разовательная школа, Олекминский район, Республика Саха (Якутия), с. Урицкое, Россия
bole99@list.ru

Получена: 13.07.2017

Для цитирования: Никифорова Е.П., Борисова Л.П., Эверстова А.И. Использование технологии критического мышления на уроках русского языка в якутской школе. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 2 . с.169-176.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-169-176.

tution "Uritsky High Comprehensive School" of Municipal Territory "Olyokma District" of the Republic of Sakha (Yakutia),
Uritskoye Village, Russia
bole99@list.ru

Received: 13.07.2017

For citation: Nikiforova E.P., Borisova L.P., Everstova A.I. The use of critical thinking technology at the lessons of the russian language in the yakut school. Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part.2. Pp. 169-176.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-169-176. (in Russian)

Редакционное сообщение - Отзыв публикаций

Editorial message – Retraction of publication

ОТЗЫВ ПУБЛИКАЦИИ

Отзыв из печати статьи Зайцевой А. Ф. ЭСТЕТИКА КРЕАТИВНОЙ ИДЕИ В РЕКЛАМЕ.

Статья Зайцевой А. Ф. «ЭСТЕТИКА КРЕАТИВНОЙ ИДЕИ В РЕКЛАМЕ», опубликованная научном журнале «Историческая и социально-образовательная мысль», 2015. Том 7 №4, с 77-81 DOI: 10.17748/2075-9908.2015.7.4.077-081, (дата выхода журнала: 29.04.2015, статья поступила: 14.04.2015), отзывается редактором с согласия издателя. Изъятие (ретракция) статьи обусловлено наличием признаков дублирования публикации с изменением названия статьи в журнале Культура и образование: «Зайцева А. Ф. Где рождается эстетика рекламы? Креативная идея и коммуникация. Культура и образование. 2015. № 2 (17). С. 87-93.». дата выхода журнала 25.06.2015

Протокол заседания Комиссии по публикационной этике редакционной коллегии научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» на основании отчета (экспертизы) вольного сетевого сообщества «ДИССЕРНЕТ» от 19августа 2017 г.

RETRACTION OF PUBLICATION

Feedback from print articles Zaytseva A.F. AESTHETICS OF CREATIVE IDEA IN ADVERTISING.

Article Zaytseva A.F. «AESTHETICS OF CREATIVE IDEA IN ADVERTISING», published in the scientific journal «*Historical and social-educational idea»*. 2015. Vol 7. no.4, c 77-81 DOI: 10.17748/2075-9908.2015.7.4.077-081, (release date of the magazine: 29.04.2015 article received 14.04.2015), comments editor with the consent of the publisher. Withdrawal (retraction) of the article due to the presence of signs of duplication publication with the name change of the article in the journal «Culture and Education»: « Zajceva A. F. Gde rozhdaetsja jestetika reklamy? Kreativnaja ideja i kommunikacija. Kul'tura i obrazovanie. 2015. No. 2 (17).pp. 87-93.». (release date of the magazine:25.06.2015.)

The minutes of the Committee on publication ethics the editorial Board of the scientific journal "Historical and socio-educational idea " based on the report (expertise) of the free network community DISCERNED from 19 August 2017

ИНФОРМАЦИЯ
для авторов журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»

Уважаемые авторы, в связи с подготовкой научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» к включению в международные базы данных библиографического описания и научного цитирования *Scopus* и *Web of Science*, обращаем Ваше внимание на то, что с 2014 г. существенно изменены правила оформления представляемых рукописей. Особое значение теперь приобретают англоязычная аннотация к статье (Abstract) и список использованной автором литературы (References), поскольку именно они, а не текст самой статьи, находят отражение в системах международных баз данных. По своему содержанию и информативности Abstract и References должны привлечь внимание зарубежных читателей к теме статьи. Соответственно, в интересах автора тщательно подойти к подготовке этих блоков статьи и обеспечить их максимально высокое качество.

Редакция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» рассматривает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, обзоров литературы, лекций, отчетов о научных мероприятиях и научных программах и исследованиях в области истории, социологии, педагогики.

Материалы следует направлять по электронной почте: akademus07@rambler.ru, либо через on-line форму сайта журнала http://www.hist-edu.ru/. Загружаемый в систему файл со статьей должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, *.rtf). Материалы должны быть оформлены строго в соответствии с изложенными далее требованиями и тщательно вычитаны.

Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие авторов на обработку и публикацию предоставленной персональной информации, а также подтверждает согласие авторов с публичной офертой на размещение присланных материалов в полном объеме в электронной и печатной версиях журнала.

Поступившая в редакцию рукопись проходит обязательное двойное слепое рецензирование (рецензент не знает авторов рукописи, авторы рукописи не знаю рецензентов) и в двухнедельный срок принимается решение о возможности ее публикации. Редактор информирует автора о решении редколлегии. Редакция вправе вносить в текст правки, не искажающие смысл авторских материалов. При переписке с редакцией автор каждый раз должен полностью указывать фамилию, имя, отчество и повод, по которому идет переписка.

Ответственность за достоверность приведенных фактов, цифровых, графических или каких-либо иных данных, равно как за точность цитируемых текстов и отсутствие правовых препятствий к размещению информации, несет полностью автор.

Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

Журнал издается на средства авторов.

Авторам, обучающимся в аспирантурах государственных вузов и имеющим право в порядке очередности на бесплатную публикацию материалов своих научных исследований, необходимо предоставить справку из аспирантуры вуза установленной формы. Справку об обучении в аспирантуре, заверенную согласно утвержденным формам, печатью вуза, высылается простым письмом на почтовый адрес редакции. Отсканированная копия справки прилагается к электронному письму отдельными файлами с расширением *.jpg или *.pdf. Статья аспиранта может быть опубликована бесплатно при условии, что он является единственным автором

научного текста. Статьи, где аспирант выступает в качестве соавтора, к бесплатной публикации не принимаются.

При подаче статьи на электронный адрес akademus07@rambler.ru просим Вас:

1. уточнять, в какой рубрике Вы хотели бы разместить статью;
2. указывать почтовый адрес с индексом, на который можно будет выслать авторский экземпляр журнала;
3. предоставлять копию проверки оригинальности текста в текстовом или графическом файле (скриншот результата проверки http://www.antiplagiat.ru). Оригинальность текста должна составлять не менее 80%.

Объем полного текста рукописи 10-20 страниц: не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с учетом пробелов). В индивидуальных случаях по решению редакционной коллегии допускается публикация материалов большего объема. Количество авторов одной статьи – допускается не более 3-х чел.

Текст рукописи должен быть набран в редакторе Microsoft Word, в формате А4 с полями 25 мм, выравнивание по левому краю, междустрочный интервал – полуторный (1,5), шрифт -Times New Roman, размер – 14. Подзаголовки внутри статьи - прописными буквами. Шрифт библиографических ссылок – 12**,** междустрочный интервал – одинарный (1). Шрифт текстовых сносок – 11, межстрочный интервал – одинарный (1), без отступа.

Страницы текста должны иметь сквозную нумерацию. Автоматические переносы не допускаются. Автоматические сноски не допускаются.

Рукопись должна быть структурирована по нижеописанному принципу.

Блок информации на русском языке:

1. *Индекс УДК.*
2. *Название работы* (прописными жирными буквами), точно отражающее содержание работы.
3. *Авторы статьи*. Фамилии и инициалы авторов следует указывать полностью (без сокращений). Через запятую указываются ученая степень и звание, должность автора, полное (без сокращений) название кафедры, организации (необходимо привести официальное полное название организации без сокращений), которую представляет автор, полный почтовый адрес организации(й), электронная почта всех или одного из авторов. Если авторов несколько, то фамилия каждого следующего автора с полной аффилиацией начинается с новой строки.
4. *Русскоязычная аннотация и ключевые слова*. Аннотация характеризует основную тему, актуальность, проблему объекта, цели работы и ее результаты, выводы, новизну, что помогает быстрее уловить суть проблемы. Объем текста аннотация должен быть не менее 200-250 слов. Ключевые слова (не менее 10-и слов) способствуют индексированию статьи в поисковых системах. Они должны попарно соответствовать на русском и английском языке.

Блок информации на английском языке:

1. *UDC Index.*
2. *Article title.* Название на английском языке должно по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию и грамотно составлено с точки зрения английского языка.
3. *Authors' names & Affiliation.* ФИО необходимо писать в соответствие с заграничным паспортом. Также на английском языке указывается ученая степень и звание, должность автора(ов). Аффилиацию необходимо указывать официальное англоязычное название учреждения. Наиболее полный список названий учреждений и их официальной англоязычной версии можно найти на сайте РУНЭБ http://elibrary.ru.
4. *Abstract & Keywords*. Англоязычная версия аннотации статьи должна по смыслу и структуре полностью соответствовать русскоязычной и быть грамотной с точки зрения английского языка. При переводе аннотаций должна использоваться англоязычная специальная терминология, следует избегать употребления общих, ничего не значащих слов, лишь увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания статьи. Англоязычная аннотация должна быть оригинальной, то есть недопустима калька (дословный перевод) краткой русскоязычной аннотации. Объем англоязычной версии аннотации должен быть не менее 200-250 слов. «Аннотации на английском языке в русскоязычном издании

являются для иностранных ученых и специалистов основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по аннотации оценивают публикацию, проявляет интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т.д. Аннотация к статье призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации».

5. Информация о спонсорстве (на русском и английском языках). Необходимо указывать источник финансирования как научной работы, так и процесса публикации статьи (грант, фонд, коммерческая или государственная организация, частное лицо и др.).

6. Благодарности (на русском и английском языках) Авторы могут выразить благодарности людям и организациям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся её авторами.

7. Текст статьи (на русском, английском или обоих языках). Излагаемый в работе текст должен содержать вводную часть, где описываются цель, материалы, источники и методы исследования. Далее следуют результаты исследования, их обсуждение, заключение или выводы.

В тексте статьи ссылки на источники приводятся после цитаты в квадратных скобках арабскими цифрами с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы,

*например: [*1; с. 290-316, 344], [2; л. 290-316. Л л. 2-22, 23-30, 208-212], [7; л. 29-31, 31 об.].

Документы (архивы, ГОСТы, приказы, положения, постановления, нормативы, федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Некоторые нюансы:

- при первом упоминании лица обязательно указываются инициалы, которые отделяются пробелом от фамилии;
- в заголовках на английском языке все значимые слова пишутся с заглавной буквы;
- с заглавной буквы пишутся: Первая и Вторая мировые войны, Третий мир;
- названия фирм, организаций и т.п. следует указывать на языке оригинала;
- за исключением ООН, в названиях организаций (Европейский союз, и т.п.) с заглавной буквы пишется только первое слово;
- точка не ставится после рубрики, названия статьи, автора статьи, заголовков и подзаголовков, названий таблиц, рисунков, размерностей (с – секунда, г - грамм, м – метр);
- годы указываются только в цифровой форме: 1985–1990 гг., но 1990-е годы (а не 1990-е гг.); XX в.; XVIII–XIX вв. Годы и века даются только в сокращенном виде: в.; вв.; г.; гг.;
- буква «ё» ставится только в тех случаях, когда замена на букву «е» искажает смысл слова; во всех остальных случаях – только «е»;
- сокращения «др.», «пр.», «т.п.», «т.д.» даются только в конце предложения. Словесные формулировки «так как», «в том числе», «потому что» не сокращаются;
- при цифрах используется знак процента или промилле: 30%; 15‰;
- в цифрах миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются одним пробелом (700 000, 1 560 000) или могут быть заменены соответствующими сокращенными словами «млрд», «млн», «тыс». После сокращений «млрд» и «млн» точка не ставится;
- названия денежных знаков даются в сокращенной форме, принятой в научной литературе: «долл.», «фр.», «р.», «ф. ст.». Названия других денежных знаков пишутся полностью;
- в цитатах используются кавычки-елочки (« »). Если внутри цитаты есть слова, заключенные в кавычки, они должны быть другого начертания « — “ *** “ — ».

8. Библиографические ссылки (пристатейные списки литературы). Статьи без ссылок на используемые источники и литературу не принимаются.

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».

В оригинальных статьях желательно иметь не менее 15 источников, в обзорных – до 50. Самоцитирования в списке литературы не должны превышать 10%.

Ссылки на иностранные источники должны составлять 30%.

Шрифт ссылок – Times New Roman, размер – 12, межстрочный интервал – одинарный (1).

В библиографическом описании каждого источника должны быть представлены все авторы. В случае если у публикации более 4 авторов, то после 4-го автора необходимо поставить сокращение «и др.» или «et al.». Недопустимо сокращать название статьи.

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте, но не в алфавитном порядке. В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например [1; с. 25].

Документы (приказы, ГОСТы, архивы, положения, постановления, нормативы, федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Если статья имеет DOI, обязательно следует указать его номер.

9. References (пристатейные списки литературы на английском языке и транслитерация названия статьи). Название статьи в ссылках должно быть транслитерировано (написана латинскими буквами) и дублирована на английский язык в квадратных скобках [ ].

При транслитерации можно воспользоваться ссылкой http://ru.translit.ru/?account=bgn.

Если статья имеет DOI, то следует обязательно указать его номер.

Также следует обратить внимание на то, что название статьи и журнала не следует разделять знаком **«//»** и **«–»,** а описания даты выхода, тома, номера журнала и страниц, на которых опубликована статья, разделяются точкой. Названия отечественных журналов сокращать нельзя.

Структура библиографической ссылки в References для русскоязычных статей из журналов выглядит так:

- авторы (транслитерация);
- название статьи в транслитерированном варианте;
- перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках [ ];
- название источника (транслитерация);
- выходные данные с обозначениями на английском языке, либо только цифровые;
- язык (необходимо указать язык, на котором написан полный текст рукописи). В случае, когда автор публикует статью на двух языках, необходимо указать двойную индексацию по языку (например, [ru; en], (in Russian); (in English), (in Italy) (in Arabic) и т.д.

Для транслитерации текста можно воспользоваться ссылкой http://ru.translit.ru/?account=bgn.

Пример ссылки на статью из российского журнала:

- Mescheryakov A.V., Levushkin S.P. Perekrestnye jeffekty adaptacii k stressornym situacijam. [Cross-effects of adaptation to stress situations]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social-Educational Idea. 2015. Vol. 7. No. 3. Pp. 122-125.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-67-78 (in Russ.).

- Kalakhanova (Borlakova) Z.M. Istoricheskiy ocherk razvitiya i ustroystva Kavkazskih mineralnyih vod. [Historical outline of the development and structure of the Caucasian Mineral Waters]. Stavropol. 2015. P. 1 (in Russ).

Пример описания статей из SCOPUS, имеющих DOI:

- Zhang Z., Zhu D. Experimental research on the localized electrochemical micromachining. Russian Journal of Electrochemistry. 2008. No. 44 (8). Pp. 926-930. Cited 2 times. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-67-78 Eng.).

Ссылка на Интернет-ресурс:

APA Style (2011). Available at: http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx (accessed 5 Feb. 2011).

Pravila Tsitirovaniya Istochnikov. (Rules for the Citing of Sources). Available at: http://www.scribd.com/doc/1034528/ (accessed 7 Feb. 2011).

Материалы конференций:

Главное в описаниях конференций – название конференции на языке оригинала (в транслитерации, если нет – ее английского названия), выделенное курсивом. В скобках дается перевод названия на английский язык. Выходные данные (место проведения конференции, место издания, страницы) должны быть представлены на английском языке.

Примеры ссылок на публикации в материалах конференций:

UsmanovT.S., Gusmanov A.A., Mullagalin I.Z., Muhametshina R.Ju., Chervyakova A.N., Sveshnikov A.V. Features of the design of field development with the use of hydraulic fracturing. [Osobennosti proektirovaniya razrabotki mestorozhdeniy s primeneniem gidrorazryva plasta].Trudy 6 Mezhdunarodnogo Simpoziuma “Novye resursosberegayushchie tekhnologii nedropol'zovaniya i povysheniya neftegazootdachi” (Proc. 6th Int. Technol. Symp.“New energy saving subsoil technologies and the increasing of the oil and gas impact”). Moscow. 2007. Pp. 267-272. (in Eng.).

Antina E.V., Berezin M.B., Semeikin A.S., Dudina N.A., Yutanova S.L., Guseva G.B. Abstracts of Papers. XII Molodezhnaya konferentsiya po organicheskoi khimii (XII Youth Conference on Organic Chemistry). Suzdal. 2009. P. 248. (in Russ.).

Таблицы и иллюстрации:

- количество таблиц и иллюстраций в тексте – не более 10. Таблицы должны быть пронумерованы и иметь тематические названия на русском и английском языках;
- заголовки графиков должны быть на русском и английском языках, должны точно соответствовать их содержанию и иметь единицы измерения;
- заголовки к таблицам и рисункам должны быть указаны на русском и английском языках;
- цифры в таблицах располагают по центру, единицы размещают под единицами, десятки под десятками и т.д. Сокращения слов в таблицах, за исключением общепринятых, не допускаются;
- иллюстрации должны быть четкими, контрастными, рассчитанными на черно-белую печать без полутонов. В электронном виде иллюстрации предоставляются как внедренные объекты (в этом случае иллюстрации могут быть как созданные средствами Microsoft Office, так и представлены как графические объекты), либо отдельными файлами с расширением *.tiff и *.jpg с разрешением 300 dpi. В последнем случае имя файла должно содержать номер иллюстрации и ее название;
- фотографии, отпечатки экранов мониторов (скриншоты) и др. не рисованные иллюстрации необходимо загружать отдельно в специальном разделе формы для подачи статьи в виде файлов формата *.jpeg, *.bmp, *.gif (*.doc и *.docx - в случае, если на изображение нанесены дополнительные пометки). Файлам изображений необходимо присвоить название, соответствующее номеру рисунка в тексте.

Рецензируемое научное издание

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы можете подписаться на журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» через Агентство «Роспечать» (подписной индекс 26187), а также через редакцию журнала.

Адрес редакции:
350080, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар,
мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301. akademus07@rambler.ru ,
сайт журнала: **http://www.hist-edu.ru**
телефон 8(861)2376219; 8(905)4713194

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей.
Идеи и выводы, высказываемые в публикуемых материалах, не обязательно отражают позицию редколлегии.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ!
Вы можете оформить подписку на журнал
«Историческая и социально-образовательная мысль»
по каталогу агентства «РОСПЕЧАТЬ»
Тел:/007 495/921-25-50 Факс: /007 495/785-14-70
E-mail: ovs@rosp.ru www: http://www.rosp.ru

ATTENTION OF FOREIGN SUBSCRIBERS!
You can subscribe to «*Historical and Social Educational Ideas»*
through the «ROSPECHAT»
agency catalogue. **«**Russian Newspapers & Magazines -2016»
Phone: /007 495/921-25-50 Fax: /007 495/ 785-14-70
E-mail: ovs@rosp.ru www: http://www.rosp.ru

Уважаемые читатели!
Мы рады сообщить вам, что журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» доступен во Всемирной сети Интернет. Вы можете найти материалы вышедших в 2009 - 2016 гг. номеров журнала на: http://www.hist-edu.ru
http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001

Историческая
и социально-образовательная мысль
2017. Том 9 № 4/2

Подписной индекс **26187**
В объединенном каталоге
«Пресса России»

Подписано в печать 29.08.2017
Формат 60x84 1/8. Бумага типографская №1
Печать RISO. Уч.-изд. 185 ст.
Тираж 550 экз.

Тираж изготовлен на полиграфической базе
Кубанской многопрофильной Академии подготовки, переподготовки
и повышения квалификации специалистов

г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32/301

© Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»